

ISSN 0868—5819

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

*Журнал Московской городской организации
Союза писателей России*

Основан М.П. Погодиным в 1826 году при участии А.С. Пушкина.
Возобновлён Московской писательской организацией СП РСФСР
в 1990 году

№ 1
2023

Главный редактор:
Иван Юрьевич ГОЛУБНИЧИЙ

Ответственный редактор:
Марина Анатольевна ЗАМОТИНА

Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б. Никитская, 50а/5
Контактный телефон: 8 (495) 697-00-60
e-mail: glukozza2010@yandex.ru

Уважаемые коллеги! Просьба присылать материалы в электронном виде с фотопортретом и краткой биографической справкой автора. Редакция не вступает в переписку с авторами и не рецензирует присланные произведения.

Общественная редколлегия:
М.А. ЗАМШЕВ, Ю.Н. БОГДАНОВ,
Н.А. КАРТАШОВ, В.Н. КРУПИН,
М.М. ПОПОВ, В.А. ПРОНИН,
В.В. СОРОКИН, А.П. ТОРОПЦЕВ,
А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, В.Г. ФРОЛОВ

Подготовка к печати: Издательство «У Никитских ворот»

Вёрстка: У.Д. Иващенко
Корректурa: В.И. Русаков

Тираж 400 экз. Заказ № 2553

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 015738 от 19.02.1997 г.

Учредитель и издатель: Региональная общественная организация
«Московская городская организация Союза писателей России»

ISSN 0868-5819 «Московский Вестник», 2023, № 1

© Редакция журнала «Московский Вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора. *Иван Голубничий* 5

СТИХИ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир Гусев (1937–2022)

Игра без обмана 9

Александр Сегень

Светлая печаль 43

Полина Рожнова

Русский короб..... 49

Пётр Гулдедава

Вхожу в поэзию, как в храм... 59

Евгений Карунин

Русской доблести славные дети 69

Светлана Замлелова

Лесная горка 80

Антонина Белова

На волю Божью в мире уповай! 102

Светлана Горошилова

Память..... 118

Светлана Комракова

О, творчество! Ты нашей жизни смысл... 131

Юрий Рыченков

Второе рождение..... 142

Нина Дубовицкая	
Пламя зари заветной...	199
Галина Романова	
И лишь мерещится покой...	203
Светлана Вьюгина	
Два рассказа	212
Лидия Волкова-Грёза	
Несокрушимость бытия.....	224
Юлия Александрова	
Постройте храм в своей душе...	233
Юрий Яхонтов	
И душа легка...	243

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ирина Лесная-Иванова	
Испытание на силу духа	256

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Инна Варварица	
Как-то летом утром рано...	262
Татьяна Шипошина	
Два рассказа	276
Александр Торопцев	
Коротко о проблемах и глубинных тайнах литературы о детях детям и взрослым	283

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

После перерыва, вызванного обстоятельствами нашего непростого современного бытия, возобновляет свою работу журнал «Московский Вестник». Основанный в 1826 году при участии А.С. Пушкина, возрождённый в 1990 году Московской писательской организацией СП РСФСР, вышедший на протяжении всех постсоветских лет под эгидой МГО СП России, журнал имеет свою традицию, свой образ, свои творческие принципы, которые обусловлены и исторической преемственностью, и личной харизмой тех, кто стоял у истоков его возрождения. На протяжении трёх десятилетий главным редактором «Московского Вестника» был известный прозаик, поэт, учёный-литературовед, общественный деятель Владимир Иванович Гусев. В самые тяжёлые времена российской смуты, расшатывания устоев, он твёрдо и последовательно удерживал журнал в русле классической традиции, русского свободомыслия, светской духовности, патриотического мировоззрения в его многоречивой полноте. За эти годы на страницах «Московского Вестника» начали свой творческий путь многие литераторы, ныне определяющие лицо сегодняшнего литературного процесса, многие известные авторы увидели здесь свою первую публикацию. «Московский Вестник» не стремился любой ценой «зажигать» литературные «звёзды», культивируя конкретные имена и делая на них ставку. Владимир Иванович, в ответ на критику по поводу той или иной публикации, говорил мудрые слова: «Мы обязаны показывать литературный процесс в его полноте». Каждый литератор, обнаруживший «божью искру» дарования, имел право на публикацию в «Московском Вестнике». Единственно, чего не терпел главный редактор – это бездарности и творческого тщеславия. Благодаря этому качеству, журнал всегда производил на читателя живое, динамичное впечатление, в целом отражая сложность отечественного ли-

тературного процесса, отпущенного государством в вольное плавание со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Возобновлённый выпуск «Московского Вестника» мы посвящаем памяти Владимира Ивановича Гусева – нашего друга, руководителя, талантливого русского писателя и учёного. Открывает номер один из его лучших рассказов. Писатель Александр Сегень написал замечательные воспоминания о В.И. Гусеве, которые также представлены в этом номере. Журнал будет продолжать те принципы, которые утверждал на протяжении своего существования за прошедшие три десятилетия – приверженность классической традиции и светлой духовности, уважение к национальному началу, признание таланта главным критерием творчества и т.д. В нынешних непростых для писателя условиях журнал является своего рода площадкой, созидающей творческий контекст и собственно литературный процесс – в той мере и в той степени, в какой это позволяет нам суровая действительность. Материалы, опубликованные в этом номере, являются подтверждением редакционной концепции.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

**СТИХИ, ПРОЗА,
ПУБЛИЦИСТИКА**

Владимир ГУСЕВ

(1937—2022)

Владимир Иванович Гусев – прозаик, поэт, литературовед, критик. Родился в городе Воронеже в семье вузовских преподавателей. Окончил филологический факультет Воронежского университета (1959) и аспирантуру Московского университета (1964). Работал в газете «Молодой коммунар» (Воронеж, 1959–1961), преподавателем в Воронежском университете (1965–1966), консультантом правления СП СССР (1966–1970). Член СП СССР с 1963 г.

С 1970 до конца жизни работал в Литературном институте им. А.М. Горького заведующим кафедрой теории литературы и литературной критики.

Работал главным редактором журнала «Московский вестник» (с 1989), председателем Правления Московской городской организации Союза писателей России (1990–2009). Доктор филологических наук (1984), профессор (1986). Награждён орденом «Знак Почёта» (1984), медалью «За укрепление боевого содружества» (2000), знаком «Заслуженный работник Высшей школы», Орденом Почёта (2007) и многими другими государственными, правительственными и общественными наградами. Премия Правительства Москвы (2001), международные премии им. М.А. Шолохова (2001), М.В. Ломоносова (2004), премии им. Ф.И. Тютчева, А.В. Суворова, «Поэзия», «Золотое перо» и мн. др. Много лет был членом Экспертного Совета Высшей аттестационной комиссии по разделу «Искусствоведение и филология». Автор многих книг и многочисленных публикаций в периодике. Произведения Владимира Гусева переводились на испанский, английский, венгерский, вьетнамский, лезгинский, польский, французский, чешский, эстонский и другие языки.

ИГРА БЕЗ ОБМАНА

Эй, вратарь, готовься к бою.

Я проснулся в тревоге, причину которой, как случается после ночи, вспомнил не сразу. Пять минут я лежал в этой казённой постели, с неизменно серыми простынями, плоской подушкой – подбородок почти задран – и кусачим сиреневым одеялом, и тихо смотрел в окно, видя лишь синее небо и белые облака. Несколько секунд тревога стояла во мне заунывным туманом, сея особую чуткую тишь в душе. Потом я вспомнил причину, и тут же сделалось легче: я переходил к дню и его конкретности, ночные метели таяли, жизнь обретала контуры.

Я отбросил все эти простыни, одеяла, на миг непроизвольно порадовался ладному, загорелому телу в малиновых спорттрусах, вскочил, подошёл к окну и встал, обняв плечи крест-накрест. В окно упирался тополь с огромными листьями – почти лопухами. Их глянцевиные спинки и матово серебристые брюшка, слегка шевелясь, менялись местами и радовали глаз белой рябью. Какое то время я глядел в чуть тёмную глубину небольшого дерева, как бы слыша его негромкое шелестение и дивясь его маленькой и незримой, но независимой тайне. Тревога не проходила, хотя и была слабее, и вид зелёного, тихого дерева вновь укреплял её. Я все это заметил, но подумал об этом спокойно. Я знал, как тонко и скверно могут капризничать нервы в такие дни. У подножия тополя светлела ярко-зелёная, сочная, ровно подстриженная трава.

Я вздохнул, отошёл от окна, оглядел свой отдельный номер. Ишь, какие мы нынче важные. Небось еще месяц назад болтались втроём со Степкой и Витькой в «коробочке» в Черноморске. А тут... Шкаф и вешалки, стол с таблицами и рекламой Аэрофлота, тяжёлые буро-жёлтые, во всю стену, тряпицы на кольцах с боков окна.

Ну, надо идти в столовую.

Равномерно считая ступеньки, идя с подносом, кивая товарищам, жуя и глотая лангет и перекидываясь словами с сидя-

щими рядом Витькой и младшим тренером Гришей Фалиным, я, однако, был полон всё тем же особо тревожным чувством и одновременно ровным спокойствием, похожим на тёмно-синее зеркало очень глубокого озера вроде Севана, у которого я вновь побывал месяца полтора назад перед игрой в Ереване.

Здоровая, пеннистая и резкая моторка всё трепыхалась и трепыхалась, кружилась по чистому, синему в солнце сиянию, оставляя шипяще белеющий след... но темнело, темнело в глубинах, и пропадали следы этой лодки.

Я вяло жевал и кивал, а Витя мне говорил:

– Картошки много в этом году. Как с хлебом, не знаю, а это...

– Я тоже слышал, – сказал Гриша Фалин, берясь за стакан дымовитого чая и слегка обжигая пальцы: опять подзвякнул стакан на блюде.

Мы все сидели, сутулясь, ватно жевали, работали вилками, брали стаканы с чаем, слегка прихлёбывая под суховатую жареную картошку. Все, разумеется, думали и о том и о сём и одновременно и об игре, но, конечно, не говорили о ней сегодня.

Я вспоминал прощание дома. Не знаю, в чём было дело, но я возвращался и возвращался мысленно к тем часам в моём доме и городе, которые были перед отлётом. Всё было обыкновенно; но отчего ж я теперь вспоминал? Может, тоже из-за грозящего мне сегодня? Да подумаешь... Во-первых, и никакой настоящей опасности нет. Во-вторых, что ж там всё-таки было такого, в моём семействе и городе? Ничего. Всё было хорошо.

Это было позавчерашнее утро. Я тихо, спокойно – не то, что сегодня, – проснулся и, как всегда, ощутил под мышкой голову спящей жены. Только она так умела – она это называла «приткнуться»: так уместить свою аккуратную черную голову, свой прохладный, слегка курносенький нос, что было уютно и ей, и мне, и никто никому не мешал, и рука моя ощущала её родные и мягкие плечи.

Женился я рано, еще на четвёртом курсе, на девушке, с которой я был знаком с девятого класса. Я не могу сказать, что мне неинтересны все женщины, кроме Тани. Но она с первых

встреч так чётко и крепко взяла курс, что мы – именно семья и ничто другое, так естественно создала атмосферу спокойствия и незримого счастья, моего душевного благополучия рядом с нею, что я не видел смысла тянуть. Родители морщились, но, заметив, что ничего ужасного не произошло и что живём мы согласно («не хуже, чем многие»), смирились и полюбили Таню. Может, не полюбили, но искренне приняли, обласкали, «ввели в семью». Мать, конечно, ревновала и осуждала её привычки, не отвечающие строгим правилам старого быта: поздно вставать, когда не было лекций, забрасывать в раковину посуду, лишь напустив в неё воды, но так и не помыв как следует, затягивать стирки, «гонять» по кафе и в компании пить коньяк («благо, что хоть не курит!»), хвалить Хемингуэя и ругать Голсуорси и Драйзера. Она шептала, что я мог бы найти и не такую «черненькую, смазливенькую, но отнюдь не красавицу», а получше, что у них – у матери – на истфаке вон ходят красотки – глазищи как Чёрное море, – а «он, глупец, и не видит», что я не расшибся б ещё десяток лет посвятить своей маме и не гоняться за первой попавшейся юбкой. Однако, с другой стороны, мать считала, что, в общем, бывает и хуже, что Таня хотя и ленива, и избалована, но девочка порядочная и преданная её Саше, что даже хорошо, что она не размазанная красавица, а просто милая, симпатичная, обаятельная девчужка – такая жена вообще то лучше всего, – что есть свои преимущества в том, что Саша остепенился, не успев истаскаться. И что, во всяком случае, зло известное лучше, чем некий дамоклов меч на годы вперед.

Что касается моего отца, то он принял Таню с наигранной веселостью и гусарским пафосом («эх, кабы мне мои двадцать...») и тем скрытым равнодушием, которое было главным свойством его натуры в отношении ко всему, что не касалось работы (он инженер-гидромелиоратор). Несмотря на свои кавалерийские штучки, которые Таня засчитывала за чистую монету (между ней и отцом установились те лукаво полукокетливые ритмы, которые часто возникают меж родственниками, реально не заинтересованными друг в друге), отец перед нашей свадьбой твёрдо поставил матери ультиматум, что женитьба сына никак

не должна повлиять на дела и условия его работы, ибо «всем этим новым семьям» ведь «всё равно никуда не деться без подтыривания от родителей, так что, мешая мне, они будут мешать и себе. Кроме того, я несколько месяцев в год в поле и имею право в другое время...». Мы обещали, мать обещала; и я сказал, что мы обойдёмся и без его подтыриваний. Это было легко, ибо существовала еще и мать с большой зарплатой, которой она распоряжалась независимо от отца, и Танины родичи.

Под «условиями работы» отец понимал свою отдельную комнату. В ней он и остался, мать со своей старушкой-сестрой, тетей Ньюрой, поместилась в большой второй, а мы – в третьей. Встречались на кухне и за столом.

Тренеры тоже приветствовали мой жест степенности...

Через год после института, уже сидя в своем НИИ, я, не без помощи «спортивных организаций», вселился в квартиру, в которой и обитаю ныне с женой Татьяной и дочкой Ниночкой. Это, конечно, еще улучшило отношения поколений, и все мы, живя в одном городе, но в разных концах его, время от времени собираемся на обеды, устраиваемые тётей Ньюрой или Кларой Константиновной, тещей, и пьём сухое вино во здравие рода людского и его продолжения. Выпиваем и за мою работу, за Танину школу; тут тоже всё ничего.

Словом, я пробудился в позавчерашнее утро, не имея за душой никаких весомых причин для недовольств и уныния; и, собственно, их и не было в моём сердце. Мне было спокойно, я посмотрел на чёрный с пробором затылок жены, взглянул на кроватку двухлетней Ниночки, которая сопела в углу у окна, невидимая за пологом простыней, и, осторожно освободившись, поднялся делать зарядку.

И всё-таки и тогда, и позавчера во мне было чувство... или я придумал вчера и сегодня и ныне приписываю прошлому то, чего не было, чего я никогда не испытывал? Или, наоборот, оно было и раньше? Или... но нет.

Я поднялся, я сделал свою большую, мучительную зарядку, пошел обмылся до пояса; выходя из ванной, нос к носу столкнулся с Татьяной.

– Ой, боже! Медведь! – подхихикнула Таня и прошмыгнула на кухню.

Я остановился на миг в коридоре, подумал – вернее, представил, – что надо пойти взглянуть на дочь; но я уже мысленно так живо увидел её надутые щеки, её вздымающуюся и опускающуюся грудку и все её бело-розовое лицо с закрытыми глазами и двумя ладошками под щекой – лицо, исполненное тайны и как бы зрения, обращённого внутрь, – что раздумал идти и поплёлся на кухню вслед за женой.

Я был в «техасах» и с голой грудью; остановившись и сунув руки в карманы, я молча смотрел, как она медленно чистит картошку, пуская шкурку более толстую, чем полагалось бы.

Робкая волна нежности проплыла во мне, когда я смотрел на не слишком ловкие движения тонких, слегка узловатых пальцев; но именно поэтому я сказал:

– Ну да. Посмотрела бы моя матушка.

– Что такое? – спросила Таня, вскидывая головку с пробором посередине и в двух пучочках чёрных волос, туго захваченных сбоку белыми резинками. Она была в пестром халатике, перевязанном кушачком.

Мне не очень понравились эти плоские и тугие резинки, стянувшие волосы, и невольный мой взгляд, обращённый на них, и ехидное слово, раздавшееся в унисон этому косвенному взгляду, – всё это было замечено Таней и уже прозвучало в слегка повышенной интонации её «что такое».

– Изрежешь на шкурки всю дулю.

– Режь сам, – проговорила она, обращая глаза на картошку, и в её внешне шутовском голосе была и обида.

Я помолчал и вышел. И в коридоре я тотчас же ощутил, как осадок золы в душе, возникшей и у меня из за её минутного и легкого непонимания, невнимания к внутренней истине сути моих и слов и движений, – как этот оттенок уж испарился, развеялся, тихо растаял в глубинах сердца. «И что это я?» – подумал я и вернулся в кухню. Я облокотился на шаткую ручку и смотрел на транзистор, краем глаза видя и Таню. Она всё чистила и, забыв уже обиду, время от времени поглядывала на

меня с той особой полуулыбкой, которая как бы растворяет необходимость слов.

«Сегодня в Венесуэле произошла очередная...» – негромко вещал транзистор. И поскольку радио передавало не музыку, а известия, то по неуловимой, но естественной ассоциации я сразу же вспомнил то главное, что интересовало меня в последнее время в известиях и газетах.

– Я думаю, мы преувеличиваем степень разногласий внутри самого Китая, – заговорил я, постукивая кулаком по ободранной ручке креслица. – Они, видимо, более едины, чем мы думаем.

– Да, наверно, – спокойно сказала Таня, накручивая длинную стружку и глядя на нож. – А вообще кто их там знает. Бешеные какие-то. Может, и между собой перессорились. Дай-то бог.

Она говорила, желая мне сделать приятное своей заинтересованностью в предложенной мною теме и в то же время думая о своём или ни о чём не думая. Я помолчал.

– Не знаю, не взбеленится ли Паша.

– А ты не спорь с ним и иди прямо к Булагину. Так, мол, и так, не пускают и всё. Пусть они заботятся – что ты-то, в конце концов, будешь прыгать? Твое дело играть.

– Да, это так, но...

Мы вновь помолчали. Тане, конечно, уже надоел мой футбол. Но главный метод – это чтобы ты доходил своим умом, а она в стороне. Вот и сейчас – виду не подаёт, но тон довольно кислый. Все эти мои поездки, всё это... вопль трибун и геройство в штрафной хороши для ухаживаний, а для жены не мёд. Она не любит всего такого, в чём ты принадлежишь не ей, куда не простирается её территория. Хотя за это же и любит тебя.

Мы молчали, я философствовал про себя, наслаждался тонкими переходами настроений, и транзистор уже пиликал бойкую музыку.

– Надо Нинку будить. Эта их новая воспитательница, это такая... гоняет их целые дни. Устает она. Спит вот до сих пор...

Вскоре мы все уселись на кухне за стол. Нинка, в парусиновом переднике с петушками и котиком, заспанная и надутая, сидя на табуреточке, взгромождённой на стул, хлебала своё

молоко и смотрела в окно, отчего её «мои» глаза были ещё светлее. Таня и я сидели напротив друг друга и время от времени смешливо поглядывали на дочку и улыбались друг другу.

– Не брызгай на стол, – с беспомощной строгостью, возбуждающей в детях лишь импульс «делать нарочно», ворчала Татьяна, чуть прикасаясь пальцами к алым Нинкиным губам.

– Да не мешай ты, пусть ест как хочет, – сказал я с улыбкой, беря кусок свежего, тёплого белого хлеба и думая, как мне лень полезть за масленкой, взять нож и намазать... хотелось бы с маслом...

– Дай я намажу, – ворчливо сказала Татьяна, хотя я ничем не выразил своих колебаний, только слегка приостановился взглядом на масле и чуть задержал руку с хлебом. – Уж эти мужчины.

Я отдал ей хлеб и надел на вилку картофелину. Она была и свежая и парная – не то, что здесь, в столовке спортивной гостиницы... Я отправил за щеку картофелину, я посмотрел на Таню, намазывающую мне хлеб.

И вот наступило нечто, почти не передаваемое словами. Я отделился душевно и от себя, сидящего за столом, и от шумливо хлебающей Ниночки, и от Тани, и от стола, и от хлеба, и от картошки, от холодильника, и от кухни, и от всего – и вдруг увидел всё это со стороны. Увидел себя, и Таню, и кухню, и всё другое. И я не просто видел, а я увидел, как хорошо, прекрасно всё это, как, в сущности, больше и ничего не надо: вот мы сидим, и Таня с этим румяным хлебцем и маслом напротив, и Ниночка слева, и тихо, и кухня, и вот я встану, пойду на работу – пойду на работу, где все меня любят (а если кто и не любит, так это тоже ведь так и надо, не надо, чтоб все любили), где я неплохо работаю, где выпускаю свою стенгазету «Микрофард» – добросовестно выполняю общественную нагрузку, – где завлабораторией Павел Григорьевич Милованов сначала взовьётся, что я опять уезжаю, а после скиснет, вздохнёт и скажет: «Ну что ж, футбол так футбол. Потерпим недельку. Уж как-нибудь перебеёмся». – «Да не недельку, Павел Григорьевич, я максимум дня на четыре». – «Да ладно...» И он доволен, что я не нахален, что я смущён, что мне не вскружила голову моя дурацкая футбольная слава и я

остаюсь воспитанным и серьёзным молодым человеком. Как хорошо! Хорошо! Вперёд! Но еще бы и посидеть...

Постепенно я возвращаюсь сам внутрь себя и смотрю не со стороны, а на деле, как есть. Мы кончаем еду; суетится Татьяна, опаздывая с Нинкой в их ясли сад, и я тоже хожу по комнатам, собираюсь. Я мог бы и предложить Татьяне сам завести девчонку в их сад, а то у жены и уроки скоро (она биолог. Профессия как раз для жены такого, как я), но что-то неохота сегодня, Таня сама не просит, и я – я не хочу набиваться.

Они уходят, и странное дело: провожая их – мы все трое топчемся у дверей, – я чувствую на душе неприятный осадок от того легкого, ясного чувства, которое я только что чувствовал за столом, когда поглядел на нас как бы со стороны. В чём дело? Зачем опять... тень, зола в моём сердце? Зачем? Что не так?

Но уж нет – не могу ошибиться: это именно от того – от того чувства осталось... будто глубокая, ровная, синеющая воронка, открывшаяся после ушедшего золотого и розоватого облака.

Я целую Татьяну в щеку, я поднимаю под мышки, целую Нину и отпускаю их, закрываю дверь.

Одеваюсь и сам выхожу на улицу.

Я держу путь к институту, но – сегодня – не с тем, чтобы быть на работе, а с тем, чтобы, наоборот, «отпроситься у Паши».

В четыре часа мне лететь в Москву.

Я по специальности радиофизик. Звучит очень хорошо, я люблю называть незнакомым свою профессию.

Я бы не сказал, что моя работа – моё призвание. В чём оно, я не знаю (ведь не в футболе же, а если даже и так, то... как-то не так), но в школе я обнаруживал, по линии умственной, скорее гуманитарные, чем какие-либо иные наклонности. Недаром я ныне редактор весьма популярной в нашем заведении стенгазеты. В школе я писал стишки про учителей и даже поэму о геологах (почему именно о геологах, бог весть), которая в данный момент хранится у матери в глубях стола. Поэма была пусть и о геологах, но в подражание «Полтаве». Экономическую географию я терпеть не мог, зато любил географию физическую и

историю. Но эта любовь была тоже своеобразная: что касается географии, то я обожал втихаря на уроке лазить по карте, разглядывать эти коричневые, жёлтые, зелёные и голубые пятна, воображать себя посреди пустыни на маленькой, уютной, песочного цвета лошадке в окружении голых, таинственных скал и стервятников на камнях; в высоких и сочных плавнях, тугаях Аму-Дарьи среди тигров, косуль и сайгаков; на Таймыре под серым небом у смутного, плоскобережного озера, таящего в своей глади некие чудища. При этом все неудобства тех мест, о которых я глухо мечтал, в мои медитации не входили: ни мошкары и холода тундры, ни заунывного зноя и скорпионов и змей пустыни, ни сырости и ветров Арала я не пускал в свои грёзы, и если и думал, положим, о скорпионах, то только в том смысле, как я спасаю от них прекрасную спутницу. Я любил именно воображаемые картины, а не то, что стоит за ними на деле... Однако же запоминать названия, ломающие язык и надрывающие память, повествовать о полезных ископаемых и об особенностях административного устройства и о чертах народонаселения – это уже претило мне; да и карта, когда смотришь на неё вместе с раздраженной учительницей Ниной Петровной да чуть не сотней глаз из за парт, вызывала уже тоску, а не ту сияющую, таинственную свободу в сердце, которую я чувствовал, сидя в своём укромном углу. Что до истории, то я имел привычку домысливать за полководцев и дипломатов разные подвиги, речи, поступки и яростно путать даты, и это тоже не нравилось.

В общем и целом, я не преуспел особенно и в этих науках; а о стихах моих один знакомый матери, доцент с филфака, сказал, что я ещё качаюсь в удобно баюкающей люльке у Пушкина и что сам бог ещё не решил, быть иль не быть мне безумцем рифмы.

Мать хотя не согласилась, однако ж сказала к концу моего девятого класса:

– Что ж, Саша, друг мой, ты уж не деточка. Я знаю, ты парень серьёзный и сам уже думаешь – в душе – о своей дальнейшей судьбе. Футбол футболом, а дело делом. Чем ты хочешь заняться после десятого класса?

– Я не решил ещё точно.

– Я понимаю. Ты знаешь также, что мы с отцом не будем тебя принуждать, ты мальчик достаточно умный. Но всё-таки ты мыслишь о будущем или нет?

– Я думаю, мама.

Она с достоинством отстранилась, ожидая, что я и сам расколуюсь. Но я молчал, глядя в пол и перебирая пальцы.

– Так что же ты думаешь? Могу я знать?

– Я же сказал, что я не решил. Это и правда дело серьёзное.

– Я не собираюсь тебе советовать, но всё же должна сказать, что, если ты задумал идти на литературный, тебе придется покрепче взвесить последствия этого шага. Я сама историк и знаю, что такое гуманитарная специальность. Сегодня на этом далеко не уехать, особенно мужчине. Я не в смысле карьеры, приспособленчества и так далее, а в более глубоком смысле. Это эфемерно, зыбко, а мужчина – он должен прочно стоять на ногах. Ты футболист, вратарь, ты знаешь, – улыбаясь, добавила мать. Она тогда была золотисто-светлая, коренастая женщина.

– Я знаю... я понимаю.

– В будущем ты поймешь это глубже. А сейчас тебе надо просто внутренне решить. Наступает десятый класс, надо заранее сориентироваться. Иначе упустишь время. Стихи ты сможешь писать, сидя и на любой работе. Если талант – а он, мне кажется, у тебя намечается (слабость сердца!), – так он всё равно даст о себе знать. Если нет – все равно прочный кусок хлеба и твёрдое место в жизни.

(Я даже тогда не мог внутренне не улыбнуться той чёткости, с которой она шла к своей цели... тем более что спорить особо не собирался.)

– Может, ты хочешь идти в какой-нибудь полиграфический или там – как его? – институт прикладного искусства? Это модно. Ну что ж, это хорошие профессии, но ведь для этого тоже надо... и интерес, и направленность. Ты как?

Она могла и не спрашивать, однако же яростно соблюдала демократический ритуал серьезного разговора.

– Никак.

– Ну я так и думала. По-моему, для мужчины и достойней, и лучше традиционный физфак или математический.

Не без тоски я припомнил задачки по определению объёма полноценных и усечённых пирамид и мучения от секретов крыла самолета, которые так мне и не дались, хотя вообще то, несмотря на всё сказанное, учился я более или менее хорошо и упорно и был надёжным пятерочником четверочником. Больше меня привлекала физика электричества.

Я и сказал, всё перебирая пальцы (здоровый, мясистый малый – комок переливчатых мышц – и мяля):

– Пожалуй, займусь электричеством... или радио...

– Ну, вот и хорошо, – со вздохом величайшего облегчения и с видом внезапно разрядившегося наконец душевного напряжения проговорила мать. Все её лицо мигом изобразило категорическую исчерпанность, разрешённость вопроса и недопустимость дальнейшего его обсуждения. – Вот и хорошо. Я недаром считала, что ты серьёзный мальчик. Я вижу, что ты, конечно, ещё не окончательно уяснил для себя этот вопрос, но поверь, что ты не пожалеешь о своём решении. Жизнь сложнее, чем ты думаешь, Саша. В ней ничего не надо делать с кондачка. Мы с отцом со своей стороны будем как можем помогать тебе в осуществлении твоего решения.

Не удержалась и от морали... но...

«Моего решения? Ну да что там».

Я почувствовал неожиданно, что всё это не самое важное, что я в чём-то... взрослее матери.

– Я со своей стороны опасалась, что ты необдуманно подашь на филфак. Это было бы опрометчиво.

Опасалась она, разумеется, не без основания, хотя я ни разу ни словом не обмолвился о своих мечтаниях; но не без основания апеллировала и к моей «серьёзности».

Я действительно человек, при всех своих мечтаниях не любящий ничего... невесомого, что ли. Я как-то не знаю, как это выразить. Я люблю, чтобы в реальной жизни всё без обмана, чтоб... если, положим, ты держишь «сопротивление» и сейчас вот вступишь его куда надо, так уж и знаешь, что по экрану тут же пойдут

круги и всем очевидно, что дело сделано. Я люблю катать в руках тяжёлые вещи, люблю... железо, блестящие слитки сплошного металла; даже гантели у меня некрашенные. Я... не знаю, как это выразить; это сложное чувство. Все внешние и привычные ассоциации (любовь к физическому труду и т.д.) тут неправильны.

Я не так напряжён по складу ума, как, например, мой приятель Алеша Осенин, с которым мы встречались в газете; и есть в нас нечто важнейшее общее, но есть и существеннейшая разница... не знаю, как тут сказать.

И я шёл по родной и солнечной улице, думал думу – думал о службе и Паше, о том, что правильно сделал, «послушавшись мамы с папой», – стихи-то я бросил, несмотря на поэму в столе, – о том, что, конечно, в мире много несчастий и человечество в дым запуталось, и миллионы и миллионы смертей, мучений, пыток и истязаний стоят за моим сегодняшним счастьем, благополучием, за моим само собой разумеющимся правом смотреть на солнышко, на тёмные августовские листья; и даже не просто, а и... не знаю, как все другие, а для меня, например, аборт – до сих пор ужасно, и я так и не уверен, что это не... оно, не убийство... это психоз мой, что ли. Все на такие вещи смотрят нормально. И Таня была... «Нам сейчас ни к чему второго ребёнка»... И миллионы людей каждый день и каждое утро делают то же... Это воспоминание вдруг слегка задело, кольнуло меня; и всё же так чисто светило спокойное, густо-жёлтое и нежаркое солнце, так синело вверху мироздание в августовской дымке, так пели лучи и свежие струи согретого воздуха, так темнели таинственной зеленью тополя, что и оно, и это воспоминание всё же прошло стороной... и уж тем более прошли стороной эти внешне горькие, дымные, едкие мысли о «миллионах и миллионах и миллионах». Какие там миллионы, когда сочится свет сквозь нежные, свежие листья, и глухо кругом, и ясно; я, видимо, гадок, я плох, но я... не могу представить, я не могу сейчас думать, чувствовать это, подумал я тихо, легко и самодовольно, чуть жмурясь на синее, блёсткое небо сквозь листья. Стоял медовый, задумчивый август...

Я подошёл к «конторе», взглянул на небо, вздохнул и не без гримасы вступил в прохладный и тёмный подзем.

У приборов трудились Лариса Весёлая и степенный Гена.

Лариса Весёлая (есть и другая Лариса) – отнюдь не весёлая, а весьма деловитая девушка, неглупая и незлая, но, к сожалению, с плохой фигурой, что уничтожает для наших «деятелей» все её остальные прекрасные качества.

Мы привыкли к таким ситуациям, и в разговорах об этих людях всегда сквозит и злорадство некое. Отчего? Или это то самое чувство, о котором Толстой говорит в «Иване Ильиче»: все толпятся у гроба, и на лицах – скрытое: как хорошо, что не я... Какая сложная организация – человек; и вот, одна единственная насмешка дьявола, который, проходя, ради озорства мазнул пальцем по совершенной картине – и всё кувырком.

Мне, женатому, легко философствовать на такие темы; а сегодня я ещё в некоей и тревоге... Да был ли я уж тогда в тревоге? – вопрос. Сегодня-то есть причина...

Но вот продолжается то «сегодня», позавчерашнее. Что в нём есть? Ничего. Но... вот, вот оно...

Я вхожу, и они оглядываются и улыбаются оба. Хорошее это чувство – когда ты видишь, что кто-то невольно улыбнулся тебе. Впрочем, на деле наши отношения не больно радостны. В лаборатории не хватает этакого остряка, хохмача, не хватает соли для каши. Все люди степенные и серьезные и работают молча, а если филонят, что тоже нередко, так как-то вяло и как бы по принуждению. Мол, отчего ж не филонить, раз можно филонить, мол, что же делать – надо филонить, хотя и скучно.

Они оглянулись и улыбнулись, и я сказал:

– Приветы кротам науки!

– Привет футболистам! – сдержанно усмехаясь, сказала Лариса, а Гена лишь обнажил свои десны и покачал узкой головой с островом волос на темени и очками, вдруг отразившими в блеске, движении стекол дерева на улице и трамвай, и штативы, и амперметры.

И то и другое сказано было чисто механически, но что поделаешь.

Я посмотрел на свой стол, на экраны у стенки, на амперметр, на свалку зелёной и красной проволоки в углу, на розетку и рео-

стат и почувствовал лёгкое умиление и любовь к своему углу, и к своей работе, и к своему столу, и... да что там. Всё же великое это чувство – когда ты видишь и ощущаешь, что ты реально и материально приносишь пользу, делаешь чёткое и мужское дело. И, кроме того, и верно, чувствуешь себя и крепко, и ровно, уютно, когда уходишь во всё вот это, когда...

– Что ж, едешь?

– Лечу.

– Говорил уже с Пашей?

– Когда же я говорил? – отвечаю я, махнув ладонью в сторону двери Павла Григорьевича, к которой можно попасть, лишь пересекая всю «конуру».

– Ну да, – кивают они.

– А вы что так рано?

– Как рано? Это ты, господин, опоздал, – беззлобно хихикая, бормочет Гена, уже поворачиваясь к столу. Там у него чертёж схемы, тушь, сопротивления, проволока, бумага... всё на ходу.

– Неужели? А я по дороге и на часы не смотрел. Считал, что нормально...

– Конечно, солнышко, зелень... девушки.

– Мне то что? Это ты бы почаще смотрел на девушек...

– Я? Хи-хи...

И ведь чёрт его знает: есть у меня одна отвратительная особенность. Она, я думаю, свойственна и всем людям, но в меньшей степени. В решительные минуты я выявляю своё упрямство и всё такое; но в обыденности я удивительно незащищён от тех волн, того ритма, флюид, атмосферы, которые исходят от собеседников или обстановки. Я попадаю в магнитное поле и начинаю излучать именно те частицы, которые соответствуют полю.

В частности, эта мысль всегда мне приходит в голову в тот момент, когда я общаюсь с Геней или с Ларисой Весёлой. Я далеко не всегда зануда, но с ними – таков.

Открывается дверь, и на пороге своего кабинета является Паша. Это широкий, пузатый мужчина с густыми жёлтыми волосами и красным лицом.

– Здорово, вратарь! Чего опаздываешь? – орёт он, держа свою дверь.

– Да, Павел Григорьич, я...

– Ну ладно. У нас не Бурдаков, где заставляют являться во время... Что же? Опять?

– Опять, Павел Григорьич.

– Ты фанатичен в своём футболе, как хунвейбин. Но мы не в Китае, а в лаборатории...

– Да уж... Китай...

– Если б ты так работал, как держишь мяч!

– Я плохо работаю?

– Ну-у-у, ничего-о-о, не дуйся, – подходит и хлопает по плечу фамильярный и громкий Паша (хотя на деле он вовсе не так фамильярен да громок). – Ты знаешь, что я шутник. С плохими работниками так не шутят... Ха! ха! ха! ха! – смеётся он нарочито жутко и в потолок. – Ну что ж, – говорит он, уже вздыхая и несколько скиснув. – Езжай, Сашок. Мог бы меня и не спрашивать. Ты молодой, а работа, она... не уйдёт она в лес. План мы вроде б на нынешний день выполняем, а что недоделаем... сделаем без тебя, а приедешь – нажмёшь.

– Ну, спасибо, Павел Григорьевич.

– Ладно, лети. Ни пуха... Я хоть не болевщик, а знаю, что за игра. Зна-а-аю, браток! Знаю я, старый хрен! Это тебе не лаборатория. Тут всякий сможет...

– Всего вам!

Я странно растроган, расслаблен и... огорчён этой сценой с Пашей. Я умилен и... и отчего же и...

К делу. Скорей домой; собраться и – марш.

Ещё ведь накрутка перед отлётом...

Зачем-то всё лезет в голову этот позавчерашний день. Ну что в нём?

Ведь это вчера, вчера, уже здесь, в Москве, а не дома узнал я о том непривычном, странном, что будто бы ожидает меня в сегодняшнем матче, который и сам то уж по себе, без всяких добавочно возбуждающих средств, способен сбить с панталы-

ку хоть робота-вратаря... Да, видимо, началось это не вчера, а раньше... и, может, и не позавчера.

Я ходил по аллеям великолепного парка, окружившего стадион, и думал о силе и неразрешимой таинственности человека, совмещающего всё это. Прекрасные чайные розы, подобранные (еще в семенах!) одна к одной на безбрежных клумбах, лиловые и жёлтые ирисы с гнутыми лепестками и светлыми язычками узоров в чашечках, белые и розово малиновые гущи флоксов на длинных грядках, узорные тополи, липы и матовые голубые ели; и стройность, и свежесть, и горы, и река в отдалении, и это позднее летнее, предосеннее солнце, и весь чуть льдистый в зелени аромат – что может быть тоньше и чутче к душе другого и лучше! И в то же время все то, что... всё то, что... Но это уж говорилось не раз – и по более серьёзным поводам.

Я пришёл под Западную трибуну и стал прогуливаться по асфальту мимо железных поручней, у которых тут вечером будет давка; я вдруг представил всё это и невольно чуть зябко повел плечами. Мускулы тотчас же отозвались и погрузнели слегка – погрузнели здоровой, и сытой, и полной крепью. Я в форме сегодня. Я знаю – да, собственно, это не новость. Всё моё тело будто бы бережёт, экономит себя для этих, для тех минут.

Подходили ребята; все они двигались как бы вяло и валко, сонно и неохотно. С одной стороны – необходимая расслабленность перед игрой; с другой же – реальные хмури, раздражение перед очередной накруткой. Все понимали её ненужность, и все понимали – «надо». Никто и не думал об этом, все просто знали, что надо, – как надо, положим, пройти по мосту, чтобы оказаться на том берегу. По воздуху не перелетишь, прыгнув с парашюта.

Небось проиграем, так всё равно виноваты, а выиграем – скажут: хорошо поставлена психологическая работа, воспитатели молодцы. Но и пусть себе.

Подошел наш «чистильщик» Слава Мазин, бывший машинист тепловоза. Теперь его перевели в депо: футбол, он тоже требует жертв... да, тоже.

– Пивка бы, – лениво промолвил чернявый Слава. – Тут солнышко, как и дома... погодка! – а мы и бегай... А как пивка бы

неплохо! – тут же он оборвал невольно возникшую трудную тему все надвигающейся и надвигающейся игры, о которой все думали, но разговаривать о которой мешало обычное суеверие и какое-то целомудрие, что ли: боязнь расплескать незримый сосуд.

– Да, неплохо бы, – отвечал я лениво и сонно, как и он, пожмуриваясь на солнце и дальние горки и тёмный скелет трамплина.

Мы помолчали. Тягостно всё-таки было говорить не о деле, а о деле давно уж всё было сказано; всё уже было разобрано, расштудировано и распределено, и заново начинать – это как бы снова идти в сапогах по ажурно зализанной, подметённой, готовой к параду аллее.

И только Булагин вот будет еще ходить по ней.

Мы поместились в обширной и голой комнате рядом со своей раздевалкой; начальник команды, Ефим Петрович Булагин, встал за столом и заговорил:

– Ребята, товарищи. Не мне вам объяснять, какая ответственная задача вам предстоит на сегодняшний день. Вы понимаете сами, но всё-таки я скажу. Я позволю себе напомнить, что наша команда впервые в своей истории вышла в финал столь ответственного турнира. Многие миллионы футболистов страны боролись за эту честь на протяжении многих месяцев, и вот остались две команды: мы и наши противники, дорогие товарищи. Вы знаете, дорогие ребята, товарищи, что противник у нас самый серьёзный. Мало того, прямо вам скажу, дорогие мои, нам тут скрывать нечего: почти все уверены в победе нашего противника, дорогие ребята. У них команда более опытная, она выше классом, а мы впервые вышли в финал такого...

Наш старший тренер, Фёдор Иванович Меньшиков, довольно интеллигентный, толковый и понимающий футбол человек, в этом месте речи слегка запереминался на стуле и с некоторым беспокойством оглядел ребят из-под чёрно-седых бровей: не вызовут ли эти напоминания «нервной реакции»? Но ребята – как, я чувствовал, и я сам – сидели вялые и угрюмые, они, как и всегда перед большой игрой, были уже в себе, в них въелось то

настроение: «Я знаю, что мне никто не поможет, я надеюсь лишь на себя и команду и сознаю свою силу, которую не надо пока беречь». И Гриша Фалин заёрзал и раза два оглянулся – он сидел в первом ряду; но никто из ребят так и не выпустил слова говорившего внутрь души.

Между тем начкоманды решительно продолжал:

– ...такого ответственного соревнования. В чём же наша задача? Наша задача – не обмануть надежды... обмануть надежды, – степенно поправился он, – тех, кто в нас не верит. Все мы должны, товарищи, помнить о том долге, который мы несём перед нашим городом, перед нашим заслуженным коллективом. Все мы должны...

Начальник команды – единица скорее хозяйственная, чем спортивная, хотя ими часто и бывают постаревшие футболисты. Такой начкоманды с тайным отвращением относится к своей должности.

Буллагин же, ничего не соображая в спорте, именно поэтому совал нос во все остальные дыры. Тренеры же наши, Меньшиков и Фалин, интересуясь, напротив, только спортом и больше ничем, с охотой предоставили Булагину все бытовые и даже «психологические» проблемы (хотя психологические то проблемы, если уж без кавычек, потихоньку успешно решал сам Меньшиков), и он забрал в команде силу, ибо от её лица представлял в инстанциях, выбивал лимиты и фонды, сражался с начальниками в учреждениях, где работали футболисты, кланчил для тренировок курортное поле и инвентарь; и, в общем, имел знакомых и был неуязвим.

Меня он весьма невзлюбил и давно бы выгнал, если бы я плохо играл.

Теперь я с холодным интересом ждал, как он ковырнет меня в речи, ибо он никогда не упускал случая. Сначала это нервировало, я хуже играл, но после все автоматизировалось; я перестал обращать внимание.

И сегодня то в нем меня гораздо больше занимало иное, чем «ковырок», неизбежный в речи...

Он продолжал:

– ...И вот почему, дорогие товарищи, дорогие ребята, различные организации нашего города поручили мне передать вам перед игрой, что они надеются на вас, что они ждут, как и всё население города, ответственного и серьёзного отношения к делу. Ваши неудачи в играх на первенство в середине сезона не должны вас смущать. Конечно, вы не вполне ответственно отнеслись к этим играм. Мы много раз вам указывали на недопустимость такого положения, ставили на вид и давали конкретные указания к перестройке системы футбольной игры и всей работы. Но вы, товарищи, не отнеслись с должной ответственностью. Как только вы выходили на поле, вы забывали все и начинали играть плохо, хотя знали, что за вами с трибун и на экранах телевизоров наблюдают тысячи и миллионы зрителей, в том числе нашего города. Приведу примеры. Вот, например, наш уважаемый вратарь Саша Каманин.

Ребята кисло заулыбались, понимающе и как-то устало заоборачивались, закивали мне. И я им кивал. Довольный произведенным шевелением от названного «конкретного имени», начкоманды после паузы продолжал:

– Я ничего не могу сказать о Каманине: хороший вратарь, прекрасный вратарь. Но всё-таки голов было слишком много, товарищи. Голов было слишком много, товарищи. Я понимаю, что в спорте считается, что вратарь, он не виноват, но так ли считает и сам наш уважаемый Саша Каманин? Какой вратарь не мечтает о сухих воротах? А мечтает ли о сухих воротах наш Саша Каманин?

Я давно уж отчаялся установить, за что он, собственно, ненавидит меня.

Такие люди, как он, и всегда меня ненавидят – есть во мне что-то такое, несмотря на мою обычную молчаливость и мясисто-спортивную внешность. И я особенно и не задавался вопросами, а с самого начала принял отношение Булагина «как есть». Не любит, и всё, и чёрт с ним.

Но то, что случайно узнал я вчера, признаться, повергло меня в недоумение – превзошло мои ожидания.

Дело, собственно, было такое: на предварительной тренировке я угольком, попавшимся на вратарской площадке, здорово поцарапал икру; закапала кровь, и я пошел в павильон намазать йодом и, может, перевязать.

Я вошёл в нашу комнату; за фанерной перегородочкой слышались двое «противников». Вся команда еще не приехала, эти же были тут и судачили в ожидании.

– У них главное – этот их друг, Каманин, – была первая же фраза, которую я усёк; я в удивлении приостановился со склянкой в руках.

Голос мне был знаком. Мы редко играли с этой командой – разные зоны и группы; встречались мы только в кубковых матчах. Но как-то так «повезло», что это бывало всё-таки не один раз, и мы относительно знали команду, хотя знали и то, что всегда ей проигрывали... Этот малый был левый из двух резко выдвинутых вперед форвардов – центрального и вот слева; третий – справа – играл чуть сзади и ближе к полузащите... Я потому и узнал голос, что малый вечно толочся у самой штрафной, попадал в офсайды и спорил с судьей и вообще был криклив; его высокий, горловой воплик «кота» с окраины неизменно звучал у ворот и даже казался знакомым с детства. Нападающий он был опасный: не столько мощный, техничный и с сильным ударом – бить он как-то вообще не бил, – сколько ловкий, вертлявый и хитрый, что ли, – иного слова я не найду. Он то и дело был рядом со свалкой, готовый молниеносно схватить упущенный в суматохе мяч; он подстергал тебя, вратаря, когда ты стучал мяч об землю, надеясь, что как-нибудь ты отпустишь его – мяч – подальше; он угорьком петлял у ворот, норовя обвести, обмануть ложным замахом, финтом или просто пырнуть вдруг щёчкой, а то и пяткой – вот именно не забить, не ударить, а пропихнуть, протолкнуть тебе мяч за штангу. Я до смерти не люблю таких нападающих: моё коронное – это бросок на удар или резкий выход в штрафную на верховой или крепко ведомый мяч; всякая мелкая игра на нервах меня действительно раздражает, а иногда и заводит. В такие минуты мы два три раза имели дело один на один и ше-

потом обменивались любезностями, за которые судья – только услышь – пожалуй, выгнал бы нас обоих.

– Ну да, – ответил незнакомый мне голос; видимо, это был их центр, напарник это малого – Мильникова.

– Так вот. Понимаешь, мне подал мысль их этот, как его, друг – Булагин. Вы, говорит, сшибите Сашку, физика, это вам будет легко: он не бережётся, когда кувыркается. Ну, он так называет, когда на выходах... А второй вратарь, этот, Кобзев, он труп, он пустой... А я, говорит, шума не подыму. Понял? Я, говорит, шума не подыму. Мое, говорит, при мне, команда – такая, мол, дрянная, как наша, – всё равно в финале, это уж честь, какой не видели. А меня, говорит, вот-вот переведут от них. А старший тренер, говорит, мне надоел, его надо спихнуть. На это место давно Дробышев просится, и большие деньги на бочку. Ну, а вы мне, конечно, за скромность и за совет – тоже... Я тебе, говорит, объясняю, чтоб ты поверил. Дело святое. Вот он как!.. А этого Сашку, физика, его давно обделать надо. Ну как?

Я с напряжением ждал ответа его товарища.

Сложное чувство было в душе: бешенство боролось с особой печалью.

За что эти сволочи меня ненавидят? Отчего это у меня всегда, всегда так в жизни? Я не герой, конечно, но я никому не делаю зла, а добро иногда и делаю. Так почему же я вызываю злобу одним своим видом, одним своим взглядом, одной манерой походки и разговора...

Видимо, что-то такое есть во мне. Всегда было.

И в краткие эти мгновения свежая, буйная, тяжкая злоба всё больше и больше брала во мне верх; ответь его приятель «да», я вбежал бы к ним в комнату и обоим разбил бы морды. Благо, расту во мне сто восемьдесят пять и я вратарь – человек мышц, а не паскудный форвард, который только и имеет, что громкий удар, ноги; да этот и бить то не может, а только петлять.

– Ну, нет, – отвечал товарищ, впрочем, довольно спокойно. – Это-то не по мне. Да и ты уж брось, я тебе советую. Играть надо, чего там.

– Эх, шкура.

- Но-но!
- Не продашь?
- Да не, чего продавать. Только я не советую, ты смотри...
- Это дело моё.

Они, грохая бутсами по дощатому полу, вышли из комнаты. Я задумался.

Надо было пойти и сказать товарищам, но странное чувство удерживало меня.

Мне казалось, что этим рассказом я удалю какое-то... целомудрие, ясность, сопутствующие сегодняшней игре. Не знаю, может, собственные свои ощущения я переносил на всех? Не знаю, не знаю; но нет. По-моему, нет. Это было общее.

Никогда мы так чисто, так ясно, до боли радостно и поюще не чувствовали себя командой, тем братским, волнующим, пусть и маленьким целым, по которому так давно стосковались наши ещё молодые, спортивные души. Все эти наши игры, весь этот выход в финал – всё это было своеобразным разговором нас с тренерами против Булагина и других. Нас спаивало благородство дела, которое мы затеяли. Все это нечто большее, чем команда, – как и сам футбол давно уже нечто большее, чем спорт. Город не знаменит ничем, кроме двух-трёх закрытых заводов, коими и похвалиться нельзя: на то они и закрытые. И вот возникает команда. Сначала играет так себе, потом лучше, и вот – занимает второе место среди команд класса «А» второй группы, той, нашей зоны. Смешно и неловко признаться, но я чуть не плакал, когда, никем не признанный, проходил после той последней, выигранной нами, игры мимо ворот стадиона. Пожилые и пьяненькие болельщики, у которых одна и радость-то – в воскресенье на матч, целовались у запёртых на замок ворот и перил, и не расходились, и всё гудели, гудели, гудели; и, грешный человек, с наслаждением я услышал: «А этот-то физик-то? Каманин, вратарь? Мо-ло-де-еццц! Мо-ло-де-ец! Как он тот то... под планку...» И знал я, что страсти футбольные эфемерны, что после проигранной игры всё те же дедки будут клясть меня на все корки, – а всё-таки было и хорошо.

И впоследствии убедился я, что не так уж и просты дедки. Команда проигрывала и проигрывала, и нас накручивали и накручивали, и Булагин всё изгилялся да изгилялся над бедными моими прыжками и выходами; но Меньшиков-то и я-то знали, что я играл хорошо, – но что же я мог поделывать? Вратарь – не команда... команда без дельного вратаря – не команда, но и вратарь один – что ж... И мучило это чувство: «И что же? Весь город считает, что я...» И пошёл я к перилам. И ораторы у ворот нет-нет да и говорили: «Каманин, он что ж... он стоит хорошо. Хорошо стоит, ничего не скажешь. Вся суть не в нём».

А в команде сломалось что-то. От беспрерывных накруток многие дурели; всё было ясно, всё было понятно, а выйдут на поле – смерть, да и только. Не клеится... нет команды, хотя игроки как будто и есть. Футбол, он ведь без обмана.

И росло озлобление и решимость.

Оно началось с середины лета. Мы к тому времени проиграли несколько матчей на первенство. После очередного проигрыша – я ещё видел перед глазами это тошнотворное, будто мерцающее сотрясение, колебание сетки у тебя за спиной, когда ты оглядываешься и видишь: «тама», – мы сидели в своей раздевалке, слушая уже сдержанный гул расходящегося стадиона и не говоря ни о чём. Мы сидели, и форварды, зря пробегавшие, отводили со лбов липучие волосы и вытирали ладонями пот со скул... как вдруг все мы со странным вниманием посмотрели на тренера, на своего «светлейшего Меньшикова».

Пожилой человек, он сидел задумавшись и остановившись взглядом, и на лице его было написано: «А ну их всех к чёрту... не дадут позабыться. А жизнь коротка...» Он «ушёл» от нас на минуту, но странное дело – именно в эту минуту мы все посмотрели... вдруг посмотрели мы на него... и увидели: «Нет, не дадут забыться».

Мы все уныло переглянулись и не сказали ни слова, но что-то произошло, я думаю, именно в этот миг. А может, мне показалось... я с детства склонен домысливать.

Я не знаю, как родилась эта бредовая мысль – выиграть кубок. Мы как-то не обратили внимания, когда это впервые

было произнесено. Но с тех пор мы жили своим секретом. Мы знали, мы помнили, мы твердили друг другу – мы возьмём кубок. Мы сделаем городу этот сюрприз. Пусть поорут, пусть поцелуются лишний раз дедки... оно иногда не вредно. Пусть побеснуются старые... да и малые тоже. «Детишкам нельзя в глаза смотреть»... но и дело не в этом. Не в этом только и дело... Мы не могли это выразить, но мы были счастливы. Интимно скреплённые своим странным заговором, своим секретом, мы продолжали игры на кубок (первые несколько мы еще давно выиграли у «вторых»). Мы выигрывали, но никто не обращал на это внимания. Подумаешь, кубок. Ну, дойдут до одной шестнадцатой... до одной восьмой... надо делом заняться – первенством. Кубка вам не видать, а хотя б до второго места в зоне, хотя б повторить рекорд трехлетней давности – это дело. Они и не знали, что нам «видать» кубок. Они и не знали, что мы его выиграем.

И суть тут не в каком-то азарте, не в картёжном или рулеточном интересе. Нет, вся и суть-то в том, что не так. Нас объединяло тепло чего-то ясного, благородного, именно благородного, чего-то такого, что мы давно – чёрт уж знает когда – не испытывали душевно. Мы стали семьёй, воистину настоящей семьёй, не по названию, а по сердцу. У нас была своя общая семейная цель и секрет – нечто высокое и одновременно такое простое и точное: взять кубок для города, всех обрадовать.

Увлечение наше вскоре заметили. Нас ругали, к нам придрались за невнимание к первенству, нам ставили палки в колёса, нам перед самой игрой заменяли составы сверху – но всё напрасно: мы все, как один, играли как звери и «забирали» с солидным счётом игру за игрой. Я сам за четыре матча «промямлил» лишь два мяча. Дело было не только во мне: защита не могла отобрать, так стремилась догнать до последнего, не могла догнать, так брала подкатом или броском или влезала уж сзади меня в ворота и выносила мячи головой... дело было не только во мне; но и я, и я играл хорошо! Весело и ядрёно играть и жить в такой атмосфере, в такой команде, с такой защитой, с такими людьми...

И – финал. Никто уже не шутил ни в городе, ни за городом. С замиранием сердца все ждали конца этого необъяснимого, загадочного нашего шествия – у которого ведь и правда не было никаких особых причин!

Никаких особых причин, кроме «причин чисто внутренних».

Я не мог никому сказать о решении Мьельникова, нападающего наших противников. Я не мог никому сказать... это бы всё погубило. Это бы сорвало нервы, это бы... это... нет, это не могло быть вмешано в то наивное, трогательное и умильное, что представляла ныне собою наша команда. Это бы всё сломило как-то. Я знал, я чувствовал это: бывают такие чувства, которые и несомненны, и точны, и тут же невыразимы.

Да и какую там травму мне сделает этот упырь... подумаешь, испугали.

Пусть стукнет поддых или в косточку, по ноге. Полежу и пойду.

Я все же спортсмен и мужчина.

...– Я глубоко уверен, что все вы, дорогие товарищи, выполните свой долг. Слишком много стыда натерпелись мы в эти годы. Вы должны отстоять спортивную честь нашего древнего и молодого, нашего любимого города, и общественность твердо уверена, что вы добьётесь решительного успеха. Теперь еще отдохните, а после – сюда, на разминку... и с богом. Ни пуха вам ни пера.

– Иди к чёрту, – сказал одиноко Мазин.

Булагин говорил правду, хотя и лгал.

Я сидел на лавочке в тихой аллее. Сияло солнце, синело небо и зеленели липы. Я вытянул ноги, я развалился на спинке и, чуть прищурясь, смотрел я вверх деревьев.

И думал я думу.

Дурацкая речь Булагина, не знаю уж как, подтолкнула моё размышление, как бы окончательно прорвала плотину.

Думал я о своей жизни.

Чёрт его знает: то ль все же нервы немного сдали пред самым последним боем? То ль угнетала меня в душе угроза от этих

подонков? То ли уж так разбередила речь перед боем, произнесённая устами Ефима Булагина?

То ль началось это раньше, и только нынче, случайно, по этим на вид нелепым и жалким футбольным поводам, вдруг разлилось в душе?

Я, глядя поперх деревьев в синее небо, думал о том, что мне уже двадцать четыре года, что это хорошая пора для вратаря и уже немалая пора для человека. Что жизнь моя – несмотря на то, что вся она была правильна, внешне честна и строга, и благополучна житейски и чисто душевно, – что жизнь моя была до сих пор постыдна и отвратительна, и, вернее, не столько черна, отвратительна, сколько ничтожна, – о боже, до краски стыда ничтожна. Что надо было вот этой нелепой, наивной и детской истории с кубком и с этим Булагиним (футболист меня как то не трогал – он был для меня невинен в своих потёмках), чтобы во мне пробудились мысли и чувства, которых порою стыдятся в двадцатом веке, но без которых не жив человек, без которых он ненормален и обречен на жалкую и ничтожную гибель. Что я не лучше «некоторых», хотя живу тихой, честной, порядочной, правильной, уважаемой жизнью – физик и сильный спортсмен, мужчина, отец семейства и верный сын; я не лучше их, ибо я сроден им главным, откуда идет всё другое: я сходен им равнодушием ко всему духовному и к той великой идее братства, которая одна лишь и может по настоящему одушевить и спасти человечество. Что дело не в том и не в сём, не в отдельных моих поступках, не в том, что я был недостаточно чуток к жене или выпускал стенгазету – выполнял своё общественное поручение! – раз в месяц, когда мог бы и раз в две недели; и даже не в том – о нет, не в том! – что мог бы и с большей душой относиться к своей работе. Всё это надо, всё это необходимо, необходимо, но все оно – не источник, а следствие. Источник же должен быть чем-то иным... Он – дух человека, он – братство людей, он – живая душа. Он – горение и... да, Григорьич, наш Паша, – и этот понял сильнее... и этот понял... как огорчился я, когда он сказал: «Работать и всякий может, а тут... другое...» Или как там? Как он сказал? Да все равно, боже мой, – я спал и

проснулся – я пробудился – недаром я так и не знал, в чем моё призвание, а огорчился я потому, что позавчера я не понимал ещё, а вот он, он уже... и я и озлился, что он уже понял, а я – а я только силюсь – я силюсь...

Да всё ли я понял сейчас то? Всё ли? Но как великолепно... как хорошо мне сегодня. И солнце, и синее, и зелёное – и такие свет, озаренье в душе.

И что мне Ефим Булагин... что все. Мы выиграем – кубок наш. Это будет светло и чисто, и радостно. Дело не в кубке, о, дело не в кубке... дело в другом: в высоком и чистом.

В другом.

В путь. В дорогу.

Над нами ревел стадион...

Было пять минут до конца. Мы вели один ноль.

Я стоял... и всё худшее было уж позади.

Позади были эти минуты, когда мы пошли, цепенея, на эту разминку и нас обдало, оглушило дыханием этого доисторического чудовища – стадиона, вместившего больше ста тысяч живых и интересующихся тобой людей.

Кто, если сам не побывал, – кто поймёт человека, который выходит на лоно всей этой огромнейшей, ярко зеленой бездны, и двести иль триста тысяч глаз, как два глаза, вдруг устремляются на тебя – одинокого чёрного вратаря, и тысячи глоток одновременно, как одна глотка, кричат тебе что то ободряющее или презрительное или свистят в сотни тысяч пальцев; и знаешь, что миллионы и миллионы людей в этот миг, затаив дыхание, прилипли к своим экранам – смотрят, смотрят: каков вратарь? Что за странная сила явилась в мире – команда в финале кубка?.. И жалко и трогательно болтается на Восточной трибуне плакат, привезённый дедками, прибывшими в Лужники на рубли, спасённые от супруги, от пива, – бедный и одинокий плакат, красные, синие буквы: «Мы с вами, ребята! Весь город с вами! Даёшь победу!» Весь город... что он такое, город. Он весь уместится, может, в один этот стадион... И этот несчастный пла-

кат, придуманный без воображения и без выдумки, заботливо размалёванный грузными пальцами слесарей и станочников и одобренный всеми отделами в бедной местной газете... «Даёшь победу!» «Даёшь...» Мы сегодня единственная надежда города, единственная его слава в этой громадной, льдисто сияющей и просторной жизни...

Но проходит оцепенение, – мы уж знаем, первые десять – пятнадцать минут так и не одолеешь скованность, – но проходит, и мы играем.

И мы играем.

Трава зелена и душиста, и пахнет свежестью, пахнет соком и жизнью; и, точно огромный живой организм, ревет и гудит стадион; и все его крики, дыханья и ревы – всё по закону, не просто так, всё как у живого. Промазал форвард – короткий и резкий, оборванный ре́в. Забрал я, вратарь (или тот, в том конце), – аплодисменты и крики. Грубо сыграл вон Мыльников – долгий и оглушающий, единоутробный свист. Гол забил Ваня Слесарев – длинный и мощный, безостановочный рев москвичей, ехидничавших по адресу тех мастеров и по старой русской традиции сочувствующих «слабому», то есть нам (а в общем, равнодушных и к тем и к другим, ибо и мы и они не свои, и лишь следящих за спортом – за нашей игрой). Свалка у ворот – тоже общий крик, но слабей...

Всё это идет задним планом в моем мозгу... я уже привык к стадиону, я весь – игра, а он, стадион, только фон... а я, я – игра и команда... и хрусткое травяное поле.

И всё же: кто он, кто говорит, что футбол – пустяк? Кто он, не видевший этих тысяч и тысяч на этих трибунах, и этих миллионов и миллионов – у телевизоров, не слушавший этих упругих, как вал океана, раскатов грома в чудовищной чаше, набухшей и перекрученной трепетным электричеством?

Кто бы он ни был, ему не понять двадцатого века, а я в сердцеvine его, пусть и... пусть и...

Но пять минут. Пять минут до конца. И непрерывно, ведь непрерывно же, сволочи, сидят на воротах.

Многое уже позади.

Многое уже позади.

Я помню этот проход вертлявого Мыльникова вместе с тем, с его товарищем. Слава-«чистильщик» прозевал того центра: ему вдруг выдали точно на выход к кругу штрафной, и он рванул от Славы и Вити ещё до того, как мяч ушел от ноги пасовавшего, и двое наших других ребят стали заиндевелыми столбами слева и справа от обеих боковых штанг, не догадавшись ни посадить нападавших в офсайд, ни напасть на них, – и они приближались, перепасовываясь и воровато поглядывая на сетку мимо меня, и так и не ясно, кто будет бить, – и в момент, когда Мыльников, уже вблизи от вратарской, вдруг отпустил мяч на полметра дальше, чем полагалось бы, – я вдруг выбежал, и накрыл его, белый с чёрненьким и родной, и повернулся к ногам спиной... и Мыльников с ходу перелетел через меня и упал так неожиданно, так неловко, что стукнулся лбом о землю... и земляные и травяные – зелёные – пятна расплылись по потному лбу. Я уже встал с мячом и с улыбкой смотрел на него, еще жалко лежащего. И увидел в ответ взгляд «кота» и «фиксатого»... И пошел я к углу вратарской, и из за сетки, из за ворот на меня молчаливо и тихо глядел Булагин: я вдруг оглянулся через плечо на взгляд...

И – о боже! – был и одиннадцатиметровый. Казалось, уж это слишком: игра, и финал, и кубок, и один ноль... и еще одиннадцать метров: Серёжа Архипов не выдержал и схватил руками, когда мяч перебросили через меня и он опускался в пустые ворота. Принять на голову у него не хватило духу.

Я не забуду Серёжи, когда он в последний раз взглянул на меня, отправляясь за линию штрафной и будто бы покидая меня на резиновой лодке посреди моря. Все были уже за линией, и только Серёжа медлил... и вот, посмотрел ещё раз. Он не был ни в чём виноват, этот добрый, выносливый, «работящий парень», револьверщик с «Электростали», любитель кошек и снегирей. Он стеснителен, он боится моей образованности, он суеверно чтит слово «радиофизика», он не решится обматерить, даже когда я достоин того, и от этого бывает и тяжелей, чем от воплей Олега Тригорина, капитана и организатора полузащиты.

Я с Серёжей чувствую себя чужим и неловким, мне стыдно его поклонения, его смущения...

Но тут, уходя, Серёжа бросает последний взгляд, и я вижу его простое лицо с округлившимися глазами – и он говорит, как равный, густо и взросло: «Держись же, Сашка».

И я стою.

Вот он мяч – почти перед носом, литой, будто деревянный, коварный и твердый ком. Всё тело, душа моя, сердце – в глазах и в готовых коленях, икрах. Но эти ноги и тяжкие руки – на заднем плане, всё дело не в них, они сами – они готовы, – все дело в глазах. В глазах! В глазах!

И я один – и нет никого, – я один – команда внутри меня.

Он бежит – он бежит, этот центр, этот товарищ Мыльникова, – он, как его? этот боец... у него не коварство, нет – у него удар.

Он бежит – вот он, мяч, – и последнее, захлёбывающееся, мгновенное чувство ворот – до чего огромны, до чего высоки, и как близко литой, деревянный мяч... и всё-таки эти ворота – они с тобою одно, да, одно... они – твоё тело, продленное вширь и ввысь.

Вот... удар!

Но нет – ещё прежде, чем он ударил, я уже вижу, куда летит. Мои глаза – мои руки и ноги видят. Он не летит еще, он стоит, этот мяч... но по разбегу, по всей манере и повороту ноги, по развороту, посадке таза, коленей, корпуса набегающего – я вижу: сюда. Сюда. Конечно, в нижний и левый. (Вот сволочь... хороший бы мяч – на уровне пояса: самый хороший. И вечно «эффектно» – плоский бросок в воздухе – и брать хорошо... но эти внизу!...) Но в тот самый момент, как нога еще только касается, не ударила, нет – ещё трогает, только чуть цепляет молекула за молекулу мяч – я уже там... я там: не телом, а всей душой... Моё тело большое, тяжелое, и летит оно медленней, чем этот дьявольский и тяжелый, и лёгкий шар – но в тот миг, как он там, я там тоже... И всё таки я бы, конечно, и не успел, ударь он действительно в угол. Мяч весь свистит над самой землёй за метр от штанги – и в своем полёте я слышу его этот

свист, и я успеваю «пресечь» его – ладони осушены сквозь рукавицы; схватить я его не могу – слишком сильно и близко; он отскочил, все бросаются... но теперь ищи ветра в поле: уж набежавший наш форвард Миша Стрельников на радостях запулил этот мяч куда-то в трибуны... встаю, и меня слезливо целует Сережа. Смотрю на него: и верно – у мальчика слёзы текут по щекам.

И на мгновенье мне стыдно – стыдно, что нет моих слёз.

И в тот же миг меня посещает спокойное, властное и твёрдое чувство, что то, что я делаю сейчас, в этот миг, в этот час, – что это есть самое важное и что всё пустяк, суета и ничтожество перед этим... плачущим, перед этим братством и благородством.

Всё было... всё было уже! А этот! А этот мяч!

Я стоял ближе к штанге, я ждал, что он сам ударит – тот дюжий полузащитник... а он, занеся уже ногу для «оглушения» по воротам, – он вдруг спасовал, передумал (я видел, что это не финт, что это, как часто бывает у вышедшего к воротам в трудной игре, просто боязнь удара, страх ворот) и передал в центр, направо. И эта его боязнь, этот страх чуть не стоил нам великолепной «плюхи под штангу», ибо «рвавший» на всех скоростях по центру всё тот же центр вдруг с ходу, с прямого так шматанул по воротам, что Слава мой (это уже после я вижу) даже присел и схватил колени... я ж боком, затылком, спиной я почувствовал, какой это страшный, тяжелый мяч. Дело в том, что пас был настолько резок и удар так мгновенен, что я не успел повернуться к центру всем корпусом; тут же моя душа, мое тело поняли, ощутили: я уже должен прыгать... вверх, прямо, не ждать; я прыгнул, надрывно поджав колени и перегнув весь позвоночник назад, – и, изломив в полёте все тело, я судорожно, отчаянно я задел, я чиркнул верхними суставами пальцев оттопыренной в сторону от полёта руки по мячу – и, срикошетировав, он, задев верхнюю планку, ушёл, улетел на свой угловой...

И сколько их было – ударов и выходов, и бросков... и сидят, сидят, сидят они на воротах. Берет их техника... ребята же бе-

гали, бегали беспрерывно – а теперь уж не могут. Теперь уж не могут – я последний. Я последний, кто ещё на ногах и силён в бою...

...И – кто знает? – не будь я на той скамейке – не будь этих дней, этих... может, я не был бы – не был бы на ногах. Может, я...

Вот он.

Ведь пять минут.

Пять минут!

Уже четыре минуты!

Но вот он.

Идёт, экая сволочь.

Идёт. Один.

Поспешает весь мокрый Серёжа, поспешает и Витя, но им уже не догнать. Опять только я – один. И он тоже – один. И он – с мячом, а за мной огромнейшие ворота – в полнеба.

Он продвигается медленно, он не отпускает уже мяча. Он не велик, он щупл, но ловок и так хитёр – он видит, что тем не успеть... а я, махина, неловкая груда костей и мяса, – что я могу? Это видят лишь я и он – я ничего не могу.

И тут я бегу навстречу – бегу нерасчётливо и гораздо раньше, чем он мог ожидать. Хорошие вратари не бегают на таком расстоянии к одинокому форварду: спокойный удар мимо ног или даже – хуже того – о позор! – финт, обвод – и ваших нету. Но я знаю, что делаю, и я прав. Он растерян, не ожидал: он знает, я опытный, «злой» вратарь и я не позволю глупостей. Но тут нужна именно глупость, и я делаю её; он же теряет секунды – и вот наказан: когда он наконец собирается бить, я как раз падаю на бок перед мячом, и мяч попадает мне в грудь... вот он, мяч. Без обмана.

...Футбол не терпит обмана. В нём невозможен обман...

...Стальные гантели...

Мы знаем двое – лишь я и он, – что он делает.

В этот кратчайший миг судья не видит – товарищи далеко, – а мяч уже вот он, и только он, только он это видит, что мяч уже вот он – прижат к груди.

В тот же миг он пинает меня, лежащего, чуть под грудь, и пинает ещё... вот он, мяч. Он уже прижат. Но всем, видимо, кажется, что он бьёт – или хочет ударить – еще по мячу, не по мне. В крайнем случае примут за нерасчетливую, злую ошибку. Лишь я и он знаем, что бьёт он – по мне.

И я счастлив – товарищи не узнали и не узнают. Они не узнают правды, но все же футбол – да, футбол без обмана. И кубок наш – невозможное совершилось.

И все это вздор – и ребята, и кубок... Главное – радость... радость и свет и сиянье в душе.

И больше уж я не помню...

Александр СЕГЕНЬ

Александр Юрьевич Сегень – прозаик. Член Союза писателей России. Родился в 1959 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького и аспирантуру. Автор множества романов и повестей, в том числе: «Похоронный марш», «Страшный пассажир», «Русский ураган», «Тамерлан», «Поющий король», «Поп» и других, а также ряда киносценариев («Последняя осень патриарха», «Выстрелы в Донском монастыре», «Хождение за три пустыни» и др.). Доцент Литературного института им. А.М. Горького. Лауреат Патриаршей премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия «За значительный вклад в развитие русской литературы», Горьковской, Бунинской и других престижных литературных премий. Обладатель Гран-при Всероссийского фестиваля кино для детей и юношества «Золотой витязь» – за сценарий «Флавиан» (2011).

Живёт в Москве.

СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

Памяти В.И. Гусева

Когда уходит человек, которого ты хорошо знал и любил, вместе с ним откалывается от айсберга твоей жизни значительный кусок. Именно это испытали 19 августа 2022 г. многие, такие как я. Не стало Владимира Ивановича Гусева, замечательного прозаика, критика, публициста, своеобразного поэта. Не перемолвишься теперь с ним остроумной шуткой, встретившись в Литинституте, не поделишься впечатлениями о прочитанной книге, не спросишь его мнения, которое всегда интересно и необычно...

Многие, как и я, впервые узнали его на литинститутских лекциях. Он читал теорию прозы. Предмет и без того не самый любимый для многих, если не сказать занудный. Да тут ещё и лектор попался такой – что-то бубнит себе под нос, то и дело отбрасывая со лба прядь волос. Требовалось понять зигзагообразие его мысли, чтобы войти в русло лекции, но если тебе это удавалось, то начиналась увлекательнейшая гонка по кочковатым и ухабистым дорогам русской критической мысли, по просторам прозы. И лектор становился понятным, и на следующую лекцию ты уже шёл в предвкушении новых и новых открытий, постепенно превращающих тебя, студента-шалопаю, в думающего индивида.

А потом ты узнавал, что полюбившийся лектор не просто преподаватель, а ещё и автор множества книг прозы, сборников рассказов «Утро и день», «Огонь в синеве», «Год как день», «Сказки и были синего моря», «Душа года», «Высокая любовь», романов «Горизонты свободы» о Симоне Боливаре, «Легенда о синем гусаре» о декабристе Михаиле Лунине, «Спасское-Лутовиново»... Причём последний роман особенно широко обсуждался в читательских и писательских кругах.

Владимир Иванович родился в 1937 году в Воронеже в преподавательской семье, окончил филфак Воронежского университета, а затем аспирантуру МГУ. Первая книга вышла с гово-

рящим названием «В середине века. Теоретическая критика». Но к моменту переезда в Москву Гусев уже пустился во все тяжкие – писать свою прозу, а не разбирать по кусочкам чужую. Прозаические книги посыпались одна за другой.

В 1970 году его пригласили преподавать в Литинститут, где он более полувека честно прослужил до самого конца своих дней.

Вышедший накануне московской Олимпиады роман «Спасское-Лутовиново» вызвал самые противоречивые оценки. Кто-то не понял самокопания главного героя Алексея Осенина. Кто-то угадал замысел писателя показать, как в целом хороший, по-своему красивый советский человек становится мелким, и в этом наметилась пагубная тенденция, которая в итоге приведёт массу наших сограждан к тому, чтобы ради иллюзорных западных ценностей, ради джинсов, жвачки, колбасы и пива разрушить казавшийся нерушимым монолит великой советской империи. Могучей державы, созданной Сталиным, сумевшей разгромить озлобленных сынов Европы во главе с Гитлером, создать ядерную бомбу, запустить первого человека в космос.

Тогда же появилось и быстро стало модным понятие «амбивалентного героя». Не то положительного, не то отрицательного. Ни богу свечка, ни чёрту кочерга. Ставший популярным в те годы критик Владимир Бондаренко и гусевского Осенина удостоил званием амбивалентного. Сам же Гусев с этим и соглашался, и нет, уж очень просто получается – наградил героя красивым иностранным словом и тем самым объяснил его поступки. Прimitивно и прямолинейно. Но человек куда сложнее, запутаннее, таинственнее, ему тесно в рамках какой-либо чёткой формулировки, а уж в рамках расплывчатой – и тесно, и тошно.

Как бы ни относились к роману «Спасское-Лутовиново», это было настоящее явление в тогдашней русской литературе, а для сорокалетнего Гусева – взлёт, его имя стало известно. Гусев? Это который «Спасское-Лутовиново»? Он самый.

Не переставая летать в облачных слоях художественной прозы, Владимир Иванович не оставлял и критику, одновременно

с рассказами, романами и повестями выходили статьи, составлявшиеся в сборники, – «Память и стиль», «Испытание веком», «Герой и стиль», «Рождение стиля», «Искусство прозы». Защитив докторскую диссертацию, Гусев стал профессором.

Как бандит из-за угла, подкрались 90-е годы. Накануне крутых и страшных перемен Владимир Иванович одновременно возглавил Московскую писательскую организацию и журнал «Московский вестник», куда стал привлекать нас, тридцатилетних, ещё молодых и всё ещё начинающих писателей. Второй этаж дома на углу Большой Никитской и Скарятинского переулка стал для многих оазисом, убежищем от бед, обрушившихся на страну, от всемирного позора ельцинских безобразий, от обиды, что тебе досталось жить в столь гнусную эпоху.

Кабинет Гусева. Так назывался литературный салон, существовавший все девяностые и в начале двухтысячных. Мы приходили сюда поговорить о литературе, о событиях в стране, о нашей и зарубежной истории. Владимир Иванович, как дирижёр, руководил оркестром наших бесед. Здесь мы спасались.

Кому-то это очень не нравилось. Понятно, кому – тем, кого сюда не приглашали.

Постоянных членов своего содружества Гусев любил всем сердцем, ценил наши таланты и ум. Слушая разговоры, постоянно что-то записывал в свою книжицу. Меня он тоже любил и ценил. Помнится, один из сотрудников Московской писательской организации однажды заявил: «Владимир Иванович, вам не кажется, что Сегень дверь вашего кабинета ногой распахивает?» На что Гусев ответил: «Ему это позволено, а вот вы отныне будете стучаться, чтобы получить разрешение войти».

Кто-то злобно скажет, что в кабинете Гусева пьянствовали. Нет, мы не пьянствовали, мы сопровождали выпивкой наше общение, и главными были не напитки, а беседы, мнения, интересные высказывания. После двух-трёх часов таких бесед пели песни, и это тоже было наслаждением. Первым начинал Гусев, и, конечно же, про то, как летят утки и два гуся и как кто-то уехал за Воронеж, теперь его не догонишь. В основном мы любили со-

ветские песни. Про геологов, лётчиков, монтажников-высотников, про улицу Заречную... Песня объединяла нас, прибавляла сил. Стыдно было не знать слова. Подучивали, чтобы в другой раз не опростоволоситься.

Удивительное было время. Вспоминаешь проклятые девяностые – и давит в горле, трудно дышать. А вспоминаешь кабинет Гусева – и становится тепло, дыхание восстанавливается.

Журнал «Московский вестник» затевался Вячеславом Шугаевым на базе созданного им альманаха «Дядя Ваня». Но Вячеслав Максимович страдал туберкулёзом лёгких, подолгу лежал в санаториях, к тому же много времени стала отнимать телепередача «Добрый вечер, Москва!», в которой он выступал в качестве ведущего, и этот замечательный человек и талантливый писатель уступил журнал Гусеву. Помнится, мы долго все вместе выбирали название. Я даже предложил дерзкое «Москаль». Остановились на «Московском вестнике». Гусев долго руководил им, набрав команду из тех же тридцатилетних, из членов клуба «Кабинет Гусева». Поначалу журнал выходил большим тиражом, но, увы, тиражи, взлетевшие до небес в конце 80-х, в 90-е стали падать и падать. Не удавалось удержать от падения такие корифеи, как «Новый мир», «Москва», «Наш современник», в котором я работал. И это толстые журналы с долгой историей, а что уж говорить о недавно созданном «Московском вестнике», не успевшем как следует набрать подписчиков. Детище Владимира Ивановича к концу 90-х сошло на нет. Что, конечно, стало большим ударом для шестидесятилетнего писателя и издателя.

Впрочем, он до последних лет оставался крепким и сильным человеком, в семьдесят мог спокойно кого-нибудь нокаутировать, держался, не раскисал и, в отличие от многих, на вопрос: «Как жизнь?» не начинал ныть, как всё плохо.

В 2000 году на Форуме русской интеллигенции в Санкт-Петербурге Гусев заявил, что нынче стало принято отождествлять интеллигента с либералом, для которого главными являются расплывчатые понятия свободы и демократии. Главным же для настоящего интеллигента является как раз несвобода,

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

состоящая в постоянном чувстве ответственности за свой народ и за судьбы всего человечества.

Когда меня пригласили преподавать в Литинституте, мы стали встречаться в стенах старейшего прославленного вуза. И лишь в последние два-три года я начал замечать, что Владимир Иванович сдаёт. Он словно лист на дереве – только что был зелёным и ярким, но вдруг пожелтел, сделался лёгким, воздушным, готовым улететь в заоблачные дали.

И вот он улетел.

Печально. Но эта печаль светлая, потому что остался светлый образ хорошего, талантливое и умного человека.

Полина РОЖНОВА

Полина Константиновна Рожнова – поэт. Родилась в Читинской области. В 1951 году семья переехала на Вологодчину, в Сокольский район. Детство прошло на Боровецкой земле, училась в деревне Обросово. Окончив школу, поехала поступать в Москву, в Литературный институт им. А.М. Горького. Она стала студенткой курса Льва Ошанина. Первый поэтический сборник П.К. Рожновой «Глушица» вышел в 1973 г. В 1984 г. издаётся второй сборник «Разрыв-трава», а в 1990 г. – «Красная горка». Её стихи о деревне и о деревенских старинных праздниках, о любви и о женской доле, о чарующей северной природе.

В своём литературном творчестве П.К. Рожнова выступает не только как поэт, но и как собиратель, исследователь русских народных традиций, русского фольклора. Её книга «Радоница» (Русский народный календарь. Обряды. Обычаи. Травы. Обережные слова. Дерево жизни) вышла в свет в 1997 г.

Полина Константиновна Рожнова член МГО Союза писателей России, руководитель школы «Русский народный календарь», автор идеи Всероссийского конкурса «Марья-краса, длинная коса», автор цикла «Монастырских вечеров» в Свято-Даниловском монастыре, член редколлегии журнала «Сельский механизатор», секретарь Вологодского землячества в Москве. Много лет руководит Клубом московских писательниц «Московитянка».

Живёт в Москве.

РУССКИЙ КОРОБ

* * *

Ты постой за околицей, осень!
Я опять сочиняю стихи!
В мои два плетешка, в мои косы,
Кто-то ночью заплел васильки.

Оплеснусь из лохани водицей,
У печи я дымком оботрусь,
И под матицей, как в светлице,
В бабьем куте привечу – Русь.

Подойдёт к образам для порядку,
Как была – и горда и строга,
Русский короб поставит на лавку
Скажет тихо: – Как долго несла!

Чугунок я поддену ухватом:
– Подоспела картошка вот...
Хлеб да соль...
Мы сядем с ней рядом,
Помолчим про страну и народ.

И когда лишь смеркаться станет,
Я с тревогой скажу: – Как знать? –
Сил идти – у меня достанет?..
Русский короб мне ли поднять?..

* * *

От Анны Ахматовой – мужества час,
От Ольги Бергольц –
 Отечества гордая сила,
От Юлии Друниной – сердцу наказ:
– Стань корнем, столпом –
 когда у обрыва Россия!

Я слышу сегодня: – А что у тебя на весах?..
Стихи также даром священным,
 как хлеб на столе?..
Отвечу: Я верить хочу, что народу
 в родных деревнях,
Стихи мои светят во мгле.

РУССКОЕ ПЛАТЬЕ

Как я ходила,
Как пела о русской земле,
Как безутешно скорбела!..
И русское платье – в золе.

Русское платье:
Выцвели крестики слёз,
Как на закате
 в январь
Выцветает мороз.

Птицы в подоле рубахи –
Не речи ли русской земли,
Или – то вещие знаки
И зёрна хлебов, что цвели?

Русское платье...
Камушки – жемчуг речной.
Как в водосвяты
На миг посветил кто свечой!

Русское платье,
Непостижимо оно –
Живы на счастье
В нём прялка и веретено.

Русское платье...
Божьей наградой оно
Мне, русской Ладе,
В жизни и в смерти дано.

В ДЕРЕВНЕ КРОМОВЕСОВО

Там стоит одна моя рябина
Там – одна... и рядом с ней – мой след,
Детства необъятная былина,
Древней сказки негасимый свет.

Там одна стоит на месте дома,
Что разлуки пережить не смог...
Где-то печь была, метла-кулёма
И высокий во крыльце порог...

Дом родимый... Бусинки у прялки...
Лампа керосиновая... Стол...
Красный угол... матица и лавки...
Дом – он к Богу без меня ушёл.

Рядом с Вифлеемскою звездою
Печь, высокий во крыльце порог...
Дом родимый, почему с собою
Он на Небо взять меня не мог?..

* * *

Я расту из глубины Глушицы.
Я давно укрыта тишиной.
Берег в травах, как отрезок ситца,
Кажется мне с небо шириной.

Так красивы были бы рубахи
И платки... но не скроить, не сшить.
И приходят тучи, словно свахи,
На смотрины... но кого любить?..

В подолах у туч – сокрыты свитки,
В свитках тех – сокрыты имена.
Справлены по женихам поминки,
Выпит кубок горького вина.

Не прильнёт никто к тропе-убрусу.
Ветер, словно Ганина гармонь –
Лемеха растянуты над Русью,
До иных, до праведных времён.

* * *

За туесок земли держусь.
Над туеском трудилась Русь.
А туесок – дедов завет.
И пращур мой, и пращур твой,
И весь крещённый мир земной
В нём поднимали Божий свет
И шли с ним за живой водой.

В нём с веткой вербы – весть о Пасхе,
С корою лип – Медовый Спас.
В берёсте – ребятишкам сказки,
В кореннике – любви запас.

С Прасковьи-льняницы
Льны мнут.
И летят над кострицей
Последние утки
От вьюг за четыре седмицы.

Небесная марь,
Крылья дождиком частым не тронь!
Последние утки.
Последний осенний огонь.

* * *

О свободе надо сказать,
Когда снег укрывает землю,
И такая царит благодать
И покой под небесною сенью,
Что душе нет смысла пенять
На твои нелады и досады...
Дуб на ветке, как на плече,
До деревни несёт снегопады.
И раздолье открыто в полях
Человеку и птице, и зверю...
На Покров – всё земное опять
Скатным жемчугом, зимней зернью...

* * *

Под стрехой сарая
У сороки дом,
Как частица рая,
Где родня кругом.

В яблонях и в травах
Сладости сполна.
И для коз бодатых
Нянькою она.

Отведет к осоке
От цветов и гряд,
И причешет чёлки
Клювом у козлят.

К вечеру сорока
Устаёт,
И всё боком, боком
В дом к себе идёт.

А оттуда косит
Глаз её чудной,
Как иду с покоса
Я к себе домой.

ПОКРОВ

Вот и снег.
Вот и первый след
Непокорный, размашистый, древний...
Русь несёт негасимый свет,
Русь обходит поля и деревни.

А за ней моя мама с отцом,
И дядя, и прадеды – вместе
Золотым огибают кольцом
Дом родной и родные веси.

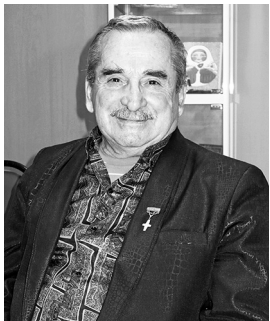
Как же царственна эта пора!
Сколько в ней торжества бывает!
Вновь у каждого дома, двора
Родовая тропа сияет.

Дым над крышей – затоплена печь.
Первых льдинок в берёзах звон.
Время – снова гармошке запеть,
В этом – память и связь времён.

В этом – удали русской зов,
Крепость русского духа, соборность.
И взлелеян крестьянский кров,
И на лицах – святая гордость!

Так поры этой не пропусти
И настрой свою душу на лад.
Богородица с высоты
Опускает на землю плат!

Пётр ГУЛДЕДАВА

Пётр Георгиевич Гулдедава – поэт, прозаик, член МГО СП России и Академии российской литературы. Автор четырнадцати книг поэзии и прозы. Дипломант и лауреат московских и всероссийских конкурсов.

Живёт в Москве.

ВХОЖУ В ПОЭЗИЮ, КАК В ХРАМ...

* * *

Я жил греховной суете в угоду
И, как неуправляемый сатрап,
Фривольно толковал свою свободу,
Пространнее, чем должен Божий раб.

Предпочитая час потехи делу,
Легко катился по наклонной вниз,
Давая избалованному телу
Послушно исполнять любой каприз.

Но осознал, хлебнув душевной боли:
Анархия – весьма коварный клон,
Когда свободной беспредельной волей
Не управляет нравственный закон.

РАЗГРУЗКА

Подлинное наслаждение от
художественного произведения
возникает из снятия напряже-
ния в нашей душе.

Зигмунд Фрейд

Под созвездий острыми лучами
«Пашет» стихотворец, как лошадка.
Для него бессонница ночами –
Лучшая рабочая площадка.

И пускай восторги отплясало
И отпело солнечное лето,
И остатки счастья расплескало,
Но для настоящего поэта

Муки скорби вовсе не обуза,
И скорей спасение, чем клетка,
Потому что где-то рядом Муза,
И блокнота «мокрая жилетка».

* * *

Не изменяя ближним и отчизне,
Как вольная кочующая птица,
Я странствую по бесприютной жизни
И не имею сил остановиться.

Я как транзитный пассажир вокзала,
Который приустал и не спешит.
Вокруг меня толпа большого зала,
Но кажется, что в зале – ни души.

И вижу тот же надоевший сон,
Что я один, и комната пустая,
Но этим я ничуть не удивлён,
Поскольку сроду не летаю в стае.

Куда меня порой ни заносили
Безжалостные ветры перемен,
Но, слепо покоряясь Божьей силе,
Я всё же на крыло встаю с колен.

* * *

Когда не разглядишь не то что ближних, —
Себя, в потёмках собственной души,
Тогда скорей из грешных хлябей нижних
Поближе к свету выбраться спеш.

Спеш без суеты в бесплодных спорах
О том, что означает «жить богато»,
Собрать себе сокровища, которых
Не купишь ни за славу, ни за золото.

Мы судим друг о друге по делам,
Поэтому канонов я не рушу,
Когда вхожу в поэзию, как в храм,
Где Боженька меня целует в душу.

О БРЕННОМ...

Мы пожизненно мечемся между делами,
Чтобы память оставить в веках,
И шарами взмывающих в небо желаний,
Испускающим дух в облаках.

И не знаем, наметив желанную точку,
Что достигнув предельной черты,
Дух желания может взорвать оболочку
От возникшей вокруг пустоты...

Только шарик души моей мёрзнет в печали
На остывшего счастья золе,
Потому что я до смерти прочно причален
Якорями соблазнов к Земле.

СУТЬ ВЕРЫ

В.Л.М.

Если вдруг её слуха внезапно достиг
Чьей-то боли нежданно несдержанный крик,
Тем, кто вынужден молча терпеть и страдать,
Всё тепло своё Вера готова отдать.

И, когда мотылёк их надежд подрастёт,
Отпускает на волю в свободный полёт.
Ей от Неба дано: от весны до весны
Созиданье любви через вещи сны...

И не в силах она эту жажду унять –
Милосердие светом души восполнять.
Ей добро помогает активнее жить,
Потому что творить его – надо спешить!

НАДЕЖДА

Морально-нравственный калека,
В очках прогресса на носу,
Я житель атомного века
В бетонно-бункерном лесу.

За бесконечность куралесов
Себя ругаю без конца,
Но всё живу и тещу бесов
По милосердию Отца.

И мучит тайная досада,
Что я земным утехам рад,
И из «эдема-зоосада»
Уйду в открытый настезь ад...

Но остаётся лучик света,
Что перед тем, как мне гореть,
Господь простит вину поэта
За неумение стареть.

ЖЕНЩИНА

М.П.М.

Она разводит крылья-руки,
Твердя про что-нибудь своё,
А я ловлю пустые звуки,
Но сердцем слушаю её.

Внушая сердцу безмятежность
В какой сама души не чаёт,
Обворожительную нежность
Она безмолвно источает.

Как проницательный астролог
И как покорная жена,
Она прикрытым держит полог,
За коим страсть обнажена.

И этой страсти колыханье,
И эту сдержанную прыть
Её неровное дыханье
Порою может приоткрыть.

Мужчина «вылезет из шкуры»,
Имея опыт за плечами:
Живую женственность природы
Не скрыть серьёзными речами.

* * *

О, королева дольних грёз,
Звезда побед и поражений!
Ты жажда, радость, и вопрос,
И цель любви и наслаждений.

Любая женщина – беда,
Когда живёт, меняя скорость,
И ты охотишься всегда,
Тебе неведом дольний возраст.

Но, выполняя свой каприз
Победоносной нежной феи,
Удачно выигранный приз
Не торопись считать трофеем.

Пускай ты вроде бы права,
Но укроти свою натуру,
И, получая сердце Льва,
Не думай, что возьмёшь и шкуру.

СОНЕТ 2021

Н.Т.

Я странником духа по жизни скитался –
Невольник горячих кровей,
Пока мне ожогом души не достался
Твой взгляд из-под строгих бровей.

И голос любви под гитару раздался –
В пустыне запел соловей,
И я на блесну вождельня попался,
Сказав себе: «Будет моей!»

А сердце стучало и пело, как бубен,
И я, не готовый к причастью,

Но зная, что буду ханжами осужден, –
Распят лицемерной печатью,

Ликуя, застыл в перекрестии буден,
Не веря неожиданному счастью.

ПРИЗНАНИЕ

Что из того, что я со всеми ладен?
И у меня любвеобильный нрав,
Мне говорят: ты, как медведь, всеяден,
А я считаю, что по сути прав.

Стихами изливаемся в обиде мы,
Но вряд ли, как мне кажется, всерьёз
Кому-то легче станет от невидимых
И безразличных миру горьких слёз.

Людские чувства – нежные растения,
В них непременно надо в корень зреть.
В сердечной ласке ищем мы спасения,
Желая получать, как и дарить.

В любви нельзя хитрить, юлить и лгать,
И я, хотя и не горю в экстазе,
Но вовсе не хочу пренебрегать
Ни малой веткой сокровенной связи.

ПОКАЯНЬЕ...

Ушли в туман счастливые года,
Когда, ни в чём не ведая привычки,
Душа рвалась сама невесть куда,
И заводила «к чёрту на кулички».

И не настолько лёгким, как вначале,
Казался крест, не тягостный сновá,
Когда от стужи скорби и печалей
Заиндевила буйна голова.

И в ожиданье скорого конца
Мы ничего уж более не можем,
Как уповая на любовь Отца,
Молить судьбу о милосердьи Божьем!

* * *

К чему все эти творческие муки?
О чём ты всё печалишься, поэт?
Зачем ты всем протягиваешь руки,
Не ведая для ближних слова «нет!»?

Иные золото-серебро копили,
А ты сквозь непокой житейских стуж
Несёшь слова духовной терапии
Для заплутавших в дебрях быта душ...

Когда твоё сердечное участие
Необходимо вянущим, скорбя,
Возможно, в этом истинное счастье:
Вольготно жить не только для себя.

* * *

Произнесу привычно «вери гуд!»
И выкурю привычно сигарету,
Когда мне по достоинству «впрягут»
Сто лошадей в роскошную «карету».

А я махну минувшему рукой,
И попытаюсь пристальней взглядеться
Туда, где будет истинный покой
И тишина небьющегося сердца.

И, избавляясь от былых стихий,
Я помяну счастливые моменты,
И надо мной прочтут мои стихи,
Чтоб уходил я под аплодисменты.

Евгений КАРУНИН

Евгений Александрович Карунин – поэт. Родился в 1972 г. в Москве. Окончил филологический факультет МГОПУ им. М.А. Шолохова; кандидат педагогических наук, доцент. Член МГО Союза писателей России, автор поэтических сборников «Российские перезвоны» (1998) и «Царство вечных небес» (2004), а также историко-патриотических поэм «Сказание о Невской битве» (2008) и «Куликово поле» (2011). Поэма «Куликово поле» была отмечена дипломом «Лучшая книга 2008–2011».

Живёт в Москве.

Пусть знает мир,
что я – хранитель дара,
Который не растратится вовек,
И вопреки всем жизненным ударам,
Я – сын России,
русский человек!

МОЯ ЖИЗНЬ

Моя жизнь – словно всадник на диком коне,
Что несётся куда-то в полуночной мгле...
А вокруг – только тьма, и пристанища нет.
Ах, скорей бы, скорей долгожданный рассвет!

Моя жизнь – словно ветер бескрайних дорог, –
Он летит над землёй, он всегда одинок,
Он устал от преград у себя на пути,
Но покоя ему никогда не найти!

Моя жизнь – как звезда, что сорвалась с небес, –
С высоты она пала в берёзовый лес.
Гулким эхом летит то ли стон, то ли крик,
Ведь ей быть на земле лишь секунду, лишь миг...

* * *

Снова сердце стучит не попад –
Тишины и покоя не хочет!
За окном же – колдун-листопад
Перемены мне в жизни пророчит.

Лето звонкой стрелой пронеслось,
Обогрев лучезарной улыбкой.
Жаль – не всё совершилось, сбылось,
Жаль, что счастье земное так зыбко!..

Завтра встретят меня холода,
Снегопады, метели, метели,
В зимний сумрак умчат поезда
От надежд к неизведанной цели.

Сохраню я в душе теплоту –
Дар сгоревшего знойного лета –
Чтоб не кануть средь вьюг в темноту,
Чтоб дожить до весенних рассветов!..

Оттого-то опять невпопад
Сердце бьётся, покоя не хочет...
За окном же – колдун-листопад
Перемены мне в жизни пророчит.

ДОРОЖНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Я снова в дороге. Я вновь в электричке.
Мечтаю опять под кантату колёс.
За окнами люди, как хрупкие спички,
В снегу утопают, бранясь на мороз...

А я всё мечтаю о солнце и лете –
От этой мечты мне на сердце теплей.
Пусть злая зима торжествует на свете –
Страшней во сто крат злые козни людей!..

Я злобой на зло отвечать не стараюсь,
Иной от напастей знаком мне секрет:
Люблю я мечтать и живу улыбаясь,
В надежде на чью-то улыбку в ответ.

А может быть, кто-то душою очнётся
От душного плена бетонных квартир
И вслед за мечтой над землёй вознесётся,
И станет добрей и прекраснее мир!..

* * *

Не проходите мимо инвалида,
Упавшего на скользкий тротуар!
В его груди – безмолвная обида,
В его глазах – угаснувший пожар...

Себя он не щадил, когда работал,
Стремясь быть нужным Родине своей,
Не зная, что судьбы водовороты
Столкнут его с бездушием людей.

Ему б на руку чью-то опереться,
Ему б поддержку рядом ощутить!
В толпе один он... Грустно бьётся сердце,
И всё трудней с душевной раной жить...

Так протяните ж руку инвалиду,
Чтоб он, помолодев, с улыбкой встал,
Чтоб он забыл про горькую обиду,
Чтоб милосердней мир наш грешный стал!

Внимательней в глаза его взгляните,
И взор его расскажет вам о том,
Что не старик он – наших душ спаситель,
Небесный ангел с раненым крылом...

ТВОИ ГЛАЗА

В глаза твои смотрю – не налюбуюсь:
Как глубоки и как светлы они!
Без них томлюсь, тоскую и волнуюсь,
Без них мне грустно в праздничные дни...

И лишь они мне дарят вдохновенье,
Когда на сердце тягостно – невмочь,
Когда душа терзается сомнением,
Когда безумно долго длится ночь...

Уходит прочь всё брренное, пустое,
И становлюсь я будто бы другим,
Когда есть в жизни самое простое –
Глаза бездонно-светлые твои...

* * *

Во мгле вечерней звёзды засияли.
В окно пробился тусклый свет луны.
А мы с тобою так давно мечтали
Хоть миг побыть в объятьях тишины!

Как редко в жизни случай выпадает
Отречься от забот и суеты
И со звонком последнего трамвая
Уйти в страну волшебницы-мечты!

Сегодня час настал: мы – пилигримы!
Мы полетим с тобой на лунный свет
В волшебный край, где замок Лоэнгрина,
Где счастливы Художник и Поэт.

С парадной свитой короля Артура
Мы посетим соборы и дворцы,
Там встретят нас Петрарка и Лаура,
Святой Франциск и старцы-мудрецы.

Бродячие поэты-менестрели
Споют для нас про вечную любовь.
А новый день подкрался уж к постели,
И звон трамваев слышится нам вновь...

Пуускай ворвутся будни в дом наш тесный,
Пусть снова нас закружит суета,
Мы верим, что вернёмся в край чудесный,
Где царствует волшебница-мечта!..

НА СЕЛЬСКОЙ ДОРОГЕ

Я вновь иду дорогой сельской.
Здесь по душе мне каждый звук –
Из-за ветвей сосны карельской
Мне слышен дятла бодрый стук;
В леске, за солнечной опушкой,
Щебечут пташки тут и там,
Неугомонная кукушка
Ведёт, как прежде, счёт годам...
Огромный шмель гудит ворчливо,
Кружа над майскою травой,
Вороны каркают лениво
Вдали за старою избой.
Среди купав, над гладью пруда,
Поют лягушки гимн весне –
Их хор незримо, словно чудом,
Всё оживляет вдруг во мне!
С многоголосой песней мая
Весна выходит на парад –
И с этой песнею шагая,
Спешу я в свой цветущий сад!..

ИЮНЬСКИЙ ВЕЧЕР

День лазурный тихо угасает,
По ложбинам стелется туман,
Облака в лучах закатных тают,
Скрылся ветер в розовый бурьян.

Над рекой склонилась грустно ива,
Шепчется о чём-то с камышом,
Селезень плывёт неторопливо
По ребристой сетке сонных волн.

Всё стихает. Лишь над чащей томной,
Что чернеет в призрачной дали,
Соловей, певец неугомонный,
Будет петь до утренней зари.

* * *

Где таится красота?..
В лепестках цветов весенних,
В песне странника-дрозда,
В строгих сводах замков древних.
В блеске рыцарственных лат,
Что принцессы взор пленяют.
В правде. В мужестве солдат,
Что Отчизну охраняют.
В сказках бабушки седой,
В слове вещего поэта,
В стороне, до слёз родной,
Где лазурные рассветы,
Где за кручами холмов
Открывается безбрежность,
Где друзья, где нет врагов,
Где царят любовь и нежность...

* * *

Мне больно видеть здешние руины
И знать, как зла, как яростна война..
Но верю я: под небом Украины
Из пепла встанет новая страна.

Там будет мир. Там будет чистым небо.
Там можно будет слышать тишину.
Но ныне нам нужна, нужна победа
Над теми, кто посмел разжечь войну!

Поклонимся же русскому солдату,
Что грудью встал пред дьявольскою тьмой,
Чтоб на обломках царства супостатов
Родился край под мирной синевой!..

РОССИЙСКИЕ ПЕРЕЗВОНЫ

Необъятная, вольная Русь!
Как люблю я твои перезвоны!
В них – и радость, и светлая грусть,
И протяжные, гулкие стоны.

В них – и плач по твоим сыновьям,
Что домой не вернулись из битвы,
И печальный напев соловья,
Словно отзвук далёкой молитвы.

Не дают они мне позабыть,
Как в лучах восходящего солнца,
Твой желая народ погубить,
Засверкало оружие тевтонца...

Как рубились, мечами звеня,
На холодно-кровавом рассвете
Непокорной земли сыновья,
Русской доблести славные дети!

Пусть века пронеслись с той поры,
Но я вижу, тревогой объятый:
Вновь на Русь из нахлынувшей мглы
Наступают тевтонцев отряды!..

Нет! Всё это – лишь тягостный сон!
Я очнулся. Я снова спокоен.
А вдали, надо мной, только звон,
Упоительный звон с колоколен...

* * *

Когда беда врывается в мой дом
И вороном кружит над головою,
Храню я мысль в душе своей о том,
Что всё пройдёт: Господь всегда со мною.

Когда страстей бушует океан,
Я не склонюсь пред чёрною волною,
Ведь знаю я: утихнет ураган.
Велик Господь. И Он всегда со мною!

Когда же меч поднимет грозный враг
Над Родиной, над русской землёю,
Я в бой пойду. Вперёд. На вражий флаг...
Я верю, что Господь всегда со мною!

Утихнут грозы. Снова солнца свет
Одарит нас своею теплотою –
Заре небесной улыбнусь в ответ.
Я чувствую: Господь всегда со мною...

Когда ж пробьют часы, и в дальний путь
Меня проводят тихой слезою,
Не усташусь я в этот миг ничуть –
Господь простит. Он был всю жизнь со мною.

МОЛИТВА ПОЭТА

Снова к небу взор свой устремлю,
 Попрошу у Господа прощенья
 За печаль, что в сердце я таю,
 За напрасный гнев, за нетерпенье.

Милосердный Господи, прости!
 О Твоих заветах забывая,
 Сбился, видно, сбился я с пути,
 А куда идти, и сам не знаю...

Научи, как пыл свой усмирить,
 Как изжить печали в сердце грешном,
 Как обиды горькие забыть,
 Как увидеть свет во тьме кромешной.

Исцели недуг души моей
 И спаси от тяжких заблуждений,
 Чтобы в череде ненастных дней
 Сохранил я мудрость и смирение.

Исцели – и всё превозмогу,
 Прикоснувшись сердцем к тайне рая.
 Исцели. И к людям я пойду,
 Души их стихами согревая...

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Светлана Георгиевна Замлелова – прозаик, публицист, драматург, переводчик, критик, литературовед. Родилась в Алма-Ате. Окончила Российский Государственный Гуманитарный Университет (Москва). Автор романов «Блудные дети», «Скверное происшествие. История одного человека, рассказанная им посмертно», «Исход», философской монографии «Приблизился предающий...

Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX–XXI вв.», книг «Гностики и фарисеи» (рассказы и повести), «Разочарование» (рассказы и фельетоны), «Нам американцы объявляли санкции», «В переплёте» (сборники статей), «Французские лирики XIX века» (переводы французской поэзии), «Посадские сказки», «Эдуард Стрельцов: Воля к жизни», «Александр Алехин: Партия с судьбой» и др. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Кандидат философских наук (МГУ им. М.В. Ломоносова), защитила диссертацию на тему «Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искариота». Автор многочисленных публикаций в периодической печати и в интернете. Творчество отмечено литературными премиями, ведомственными и региональными наградами.

Живёт в г. Сергиев Посад Московской области.

ЛЕСНАЯ ГОРКА

Отпуск решено было провести на Валдае. В последний день июня около восьми утра Лапин и Краснопутский погрузили нехитрые пожитки в лапинский Touageg и выдвинулись из Москвы в направлении Санкт-Петербурга. Валдайская возвышенность расположилась аккурат посередине между двумя столицами. Так что всего каких-нибудь пять часов езды, и вы оказываетесь на территории Национального парка среди пока ещё невырубленных лесов и прозрачных озёр, где щук и налимов пока ещё хватает на всех желающих.

Край этот был хорошо знаком Лапину, приехавшему сюда на каникулы к единственной бабушке (или, как называл её Лапин, к бабусе), для которой и он был единственным внуком. Война отняла у Лапина дедов и сократила дни другой бабушки – отцовой матери. Поэтому валдайская бабуся единолично олицетворяла старшее поколение в семье Лапиных. Жила она недалеко от города Валдай, чуть в стороне от Боровичской дороги в малюсенькой деревеньке под романтическим названием Ключи. Деревню окружал лес, а под холмом, на котором уступами лепились домишки, протекала речка Чернушка, впадавшая в озеро без названия. Из леса на другом берегу Чернушки выходил по временам медведь и ревел о чём-то своём. Но никто не боялся, потому что никогда ещё медведи не выражали намерений добраться вплавь до деревни. Случалось, кабаны заходили в Ключи. Но тут же с таким видом, как будто ошиблись адресом, убирались восвояси. Словом, мирное сосуществование человека с природой ничем не нарушалось в этом уголке мироздания. Из Ключей безбоязненно ходили в лес за черникой, а то и глубже, на болота – за морошкой. Приносили красные подосиновики, боровики и даже рыжики. Зимой деревню заносило снегом, зато летом всё цвело и благоухало, птицы не умолкали ни днём, ни ночью, а ближе к воде было слышно, как плещет рыба. Единственное, что несколько нарушало идиллию, это слепни да комары. И если первые досаждали при свете дня, то вторые, по-

являясь откуда-то ближе к закату, рыскали в воздухе всю ночь. Впрочем, даже маленькие кровопийцы не могли заглушить ни запаха донника, ни песни жаворонка.

Лапин любил приезжать в Ключи в маленький домик своей бабуси. Когда же она отошла в мир иной, Лапин обновил дом и стал наезжать в деревню то в компании друзей, с которыми рыбачили, бродили по лесу, а вечерами упревали в бане; то в обществе подруг, рыбалке предпочитавших заплывы, а походам в лес – солнечные ванны. Причём если друзья были одни и те же, то подруги – всё время разные.

В тот год, по странному совпадению, они поехали вдвоём с Краснопутским, потому что у всех остальных нашлись какие-то дела. А Жуков так и вовсе укатил на симпозиум в Сингапур.

Но вдвоём тоже было хорошо, хоть и не так весело, не так шумно. Два дня они отсыпались, потом ходили рыбачить, съездили в Валдай и ходили там по музеям. Договорились смотаться в Боровичи. Как вдруг Краснопутский сказал:

– Сань, слушай, а давайте просто поедем по окрестностям – озёрный край, в каждой деревне своё озеро... Интересно же! Возьмём карту... Есть у тебя бумажная карта? И объедем все озёра в округе.

Лапин довольно хмыкнул, расценив предложение исследовать озёра как приглашение к поиску приключений, и согласился. Нашлась и карта, и термос для чая. И на другой же день, вооружившись необходимым, они отправились за впечатлениями.

Озёр в округе действительно было немало. Лапин с Краснопутским обогнули Валдайское озеро, исследовали Нелюшкино, пытались пешком обойти Защегорье. Они купались в прозрачной прохладной воде, они пообедали в лесном ресторане, где специально для них поймали и приготовили микижу с белыми грибами, причём за смешные деньги. После обеда, разомлев от горячей еды, они решили, что впечатлений на первый раз довольно, что пора отправляться домой, а уж завтра с новыми силами продолжить экспедицию. Разложив тут же, на ресторанном столе карту, не зависящую от вышек сотовой связи, они долго и с удовольствием, вызванным возможностью не

торопиться, размечали завтрашний маршрут и прокладывали новую дорогу домой. Карта сообщала, что из ресторана в Ключи можно было проехать напрямую через лес по грунтовой дороге. Они рассудили, что дождей в последнее время не было – стояла сухая, жаркая погода. А значит, лесная грунтовка должна быть вполне пригодной. Тем более Тоуагег позволял им чувствовать себя непринуждённо даже в распутицу. Так что можно было не опасаться увязнуть в лесной грязи, сев на брюхо в какой-нибудь непросыхающей колее. Ко всему прочему грунтовка сулила встречу с небольшим лесным озерцом, чьи берега, по заверениям карты, были совершенно свободны от жилья и какого бы то ни было человеческого присутствия. Стоило лишь уклониться влево на седьмом километре от съезда с асфальта, и встреча с первозданной природой была обеспечена. Правда, озеро не было совсем уж диким – имелся подъезд, а значит, могли найтись и другие любители нетронутой природы. И всё же обилие кругом водоёмов давало надежду, что не многие праздные путешественники готовы рискнуть транспортным средством, кошельком и временем ради удовольствия увидеть лесное озеро. А кроме того, для такой поездки должны были сойтись несколько обстоятельств. Лапин и Краснопутский сочли, что такая вероятность невелика, а раз уж в их случае обстоятельства действительно сошлись, то и ехать к озеру нужно непременно. И они поехали.

Семь километров лесной грунтовки оказались засыпаны слоем хвои, отчего машину почти не трясло, как обычно бывает вне асфальта. Поворот должен был показаться вскоре, как вдруг справа мелькнул синий указатель. Они уже проскочили, когда до обоих вдруг дошло, и они удивлённо переглянулись.

– Серёга, ты видел? – спросил Лапин.

– Населённый пункт, – подтвердил Краснопутский.

– Вернёмся?

– Но на карте нет никакого населённого пункта, – забормотал Краснопутский, обшаривая глазами карту.

Лапин сдал назад и остановил машину перед синим указателем, на котором белыми буквами значилось: «Лесная Горка».

– Есть на карте деревня Лесная Горка? Хоть где-нибудь поблизости, – спросил Лапин. И они синхронно повернули головы влево, куда указывала стрелка на знаке. Слева был съезд, уводящий в сосны. Лапин открыл окно, и на них пахнуло разогретой на солонце хвоей. Оба шумно вздохнули, и Краснопутский, как и все в таких случаях, мечтательно произнёс:

– Воздух здесь!..

– Н-да! – согласился Лапин. И снова спросил: – Так есть там Лесная Горка?

Краснопутский уткнулся в карту, и какое-то время слышалось его бормотание, пока он считывал названия деревень.

– Нету тут никакой горки. Ни лесной, ни степной, – наконец объявил он. – Вот здесь мы обедали, здесь ехали, здесь свернули с асфальта... Всё верно! Вот Ключи. Никаких горок тут нет.

– Странно! – ответил Лапин. – Очень странно. Карта довольно подробная. Не помню, чтобы она подводила.

– Может, коттеджный посёлок?

– С грунтовкой? Маловероятно.

– Ну так поехали и посмотрим! Наверняка и озеро там. Других съездов на карте тоже нет. Сань, давай считать, что Лесную Горку не нанесли по какой-то случайности. Или по ошибке.

– Ладно, пусть будет ошибка, – согласился Лапин и круто вывернул влево. Зашуршали шины, вороша слежавшуюся хвою, Touareg плавно тронулся и вошёл в поворот. И в это самое время они услышали вдалеке первый раскат грома.

Дорога вилась между красноватых стволов сосен, потом начался спуск, и Лапину пришлось притормаживать. Они очутились в глубоком овраге, откуда легко выбрались и минут через десять заметили первый дом, оказавшийся брошенным, заколоченным и заросшим. Картина, типичная для русской деревни XXI века, удивления не вызвала. Заколоченными оказались и три следующие дома.

– Деревня брошенная, потому и на карте нет, – заметил Краснопутский, рассматривавший в окно деревенские развалины.

– Наверное, – согласился Лапин, начинавший отчего-то беспокоиться.

Они проехали ещё немного, и, к их удивлению, заросли вдоль дороги стали редеть, открылась деревенская улица, по обеим сторонам которой виднелись избы. Деревня оказалась совсем небольшой – домов на десять, примерно половина из которых явно были обитаемы. Единственная улица вела к озеру, из-за которого они, судя по всему, и приехали в Лесную Горку. А справа от улицы зеленела та самая горка, давшая, очевидно, название селению. Но самое интересное, что на горке – или поросшем редким кустарником, словно облысевшая голова пучками оставшихся волос, холме – стоял двухэтажный дом уже современной постройки, из красного кирпича, крытый красной металлочерепицей. Дом, на удивление, тоже казался заброшенным. Во всяком случае, никаких признаков присутствия человека в этой усадьбе заметно не было.

Лапин остановил машину, и они вышли на улицу – обоим хотелось размяться. Снова ударил гром, и облака, невесть откуда взявшиеся, заволокли солнце. Стало прохладно.

– Ну что, к озеру спустимся? – спросил Лапин, оглядываясь. – Что тут ещё делать-то.

Краснопутский не успел ответить, потому что оба заметили, как из калитки через два дома вышел небольшого росточка, крепенький мужичок и мелкими шажочками двинулся к ним.

Они поздоровались, после чего мужичок со сморщенным красным лицом, покрытым серебристой щетиной, спросил:

– Это к кому вы, значит, прибыли?

Завязался разговор. Лапин и Краснопутский объяснили, что ни к кому не прибыли, а хотели посмотреть озеро. На что мужичок, кивнув в сторону озера, резонно заметил:

– А чего на него смотреть?

Тогда Краснопутский спросил, сколько народу живёт в деревне, и услышал, что постоянно живут двое – сам мужичок, назвавшийся дядей Колей, и ещё бабка Антонина, вон там, в конце улицы, у самого озера. Бабка держит коз, а ещё кур с петухом. Так что если насчёт молока или яиц, то можно организовать. В остальных домах живут дачники. Хотя как живут? Наезжают. Вон там обосновались москвичи, тут – из Ленинграда. А вон

в том доме – из Зеленограда. О Зеленограде почему-то было сказано с особым почтением.

– А это что за дом? – спросил Лапин, кивая на украшавшую холм новостройку.

Дядя Коля едва заметно поморщился и посмотрел на Лапина не то с подозрением, не то с сожалением. И как-то неохотно сообщил, что дом построили недавно, но хозяева жить не смогли и хозяйство забросили.

– Почему не смогли? – удивился Лапин.

– А кишка тонка! – объяснил дядя Коля, неприязненно улыбаясь по адресу, очевидно, несостоявшихся домовладельцев.

– И неужели такой дом просто так бросили? – удивился Краснопутский, разглядывая строение.

– Ну почему «бросили»? Продают.

– Правда? – оживился Краснопутский. – И много хотят? Я бы купил!

– За много не продашь в этакой глухомани, – неопределённо ответил дядя Коля.

– Ну а всё-таки?.. Можно с ними связаться? Я бы купил себе под дачу.

Дядя Коля замешкался, словно в нём происходила какая-то внутренняя борьба, словно бы он и хотел о чём-то сказать, да всё не решался.

– Ну, если связи нет... – начал Краснопутский, но дядя Коля перебил его:

– Да есть связь! Почему нет? Хозяин меня и просил: если кто спросит, покажи мол, телефон дай.

– Ну так отлично! – воскликнул Краснопутский. – Давайте телефон, я позвоню. Сговоримся. Тем более не покупает никто. Сколько, кстати, запрашивают?

И тут же выяснилось, что запрашивают сущие копейки, так что купить можно было бы хоть сейчас, не сходя с места; что дешёвизна объясняется отсутствием покупателей и неудобным подъездом и, как следствие, опасениями хозяина, что необитаемый дом рано или поздно начнёт разрушаться.

– Пойдёмте, – вздохнул, наконец, дядя Коля. – Телефон дам.

И засеменял к себе. Лапин и Краснопутский переглянулись и пошли следом.

Дождь между тем начал накрапывать. А гром, пока они разговаривали с дядей Колей, ушёл, и раскаты его теперь доносились откуда-то издалека.

Жилище дядя Коля, на первый взгляд, было типично деревенским – под ногами дощатый настил, крашеный охрой, по стенам фотографии каких-то важных стариков и старух и тут же – невеста в белой фате, деревенский щёголь с пробором в волосах, дети обоих полов. Обитая клеёнкой дверь, белёная печь с занавеской в цветочек, неизменный ковёр с оленями над диваном. Необычным было количество распятий – латунных из церковной лавки, самодельных деревянных и даже сплетённых не то из веток, не то из лозы. Кресты висели на стенах, на двери, стояли на окнах, прислонённые к пыльным переплётам. На печи, прямо на челе, сажей начертан был крест.

Из комода дядя Коля извлёк листок бумаги и велел Краснопутскому записывать. Там оказался номер телефона хозяина дома на холме. После того, как Краснопутский занёс номер в смартфон, дядя Коля сказал:

– А так, что ж... Если решился... Может, осмотреть захочешь? Так это – хоть сейчас. Что ж, твоё дело.

О покупке дачи здесь же на Валдае разговор уже был прежде. И Лапин обещал, если подвернётся подходящий вариант, тут же дать знать. И они уже смотрели дома, по преимуществу настолько ветхие, что проще было их снести и выстроить что-то новое. Но Краснопутский хотел купить уже готовый дом, а потому случайная и даже внезапная находка дома на холме, ожидавшего покупателя, да ещё по сходной цене, удивила обоих. С той разницей, что Краснопутский обрадовался, а Лапин отчего-то насторожился. И тем не менее оба сознавали, что другой такой случай представится не скоро и упускать его нельзя. На предложение осмотреть дом они, переглянувшись, заулыбались, точно удивляясь, как могло прийти в голову, что они откажутся от осмотра. Но дядя Коля опять взглянул на них не то с сожалением, не то с подозрением, и сказал:

– Пошли! Сами захотели.

На улице дождь набирал силу. Натянув капюшоны дождевиков, любезно предоставленных дядей Колей, они отправились на горку.

– Это и есть лесная горка? – спросил Лапин, указывая на дом. – Ну, вот эта, на которой дом стоит.

– Так, дядя Коль? – поддакнул Краснопутский.

– Так, так, – недовольно согласился дядя Коля, как будто растерявший желание разговаривать.

Они подошли к дому, и дядя Коля передал Краснопутскому ключи. Представляя не без удовольствия, что открывает дверь собственного дома, тот повернул ключ и первым зашёл внутрь. И Лапин, и Краснопутский, не сговариваясь, ожидали, что увидят голые кирпичные стены и, в лучшем случае, черновой пол под ногами. Но, войдя, они замерли от удивления: дом был полностью отделан и готов к проживанию. Стены были оштукатурены, деревянные полы, хоть и пыльные, но всё же блестели под лаком, двери в комнаты только и ждали, чтобы хозяйская рука открывала и закрывала их, а мебель истосковалась по прикосновениям. В буфете даже стояли тарелки с чашками.

– Ты, дядя Коль, ничего не перепутал с ценой? – спросил Краснопутский, оглядываясь.

– Чего бы я путал? – буркнул дядя Коля. – Маразму, кажись, ещё рано. Как есть, так и говорю. Чай, не ты первый.

– Да уж больно дешёво, – вмешался Лапин. – Подозрительно.

– А подозрительно – не покупай! – огрызнулся дядя Коля.

– И то верно, – сыронизировал Лапин.

Они прошлись по дому. Внизу, кроме прихожей, располагались гостиная с примыкавшей кухней, а ещё уборная и чулан. На кухне их поразил обеденный стол – прямо посреди помещения красовался огромный пень, покрытый столешницей из сувеля. На столешнице Лапин заметил большой и, как ему показалось, старинный нож, похожий на ножи из краеведческого музея.

Пень не стоял на полу, а именно оставался в земле. Так что создавалось впечатление, будто весь дом выстроен вокруг ис-

полинской деревяшки, ставшей некой точкой отсчёта строительства.

Наверху оказались две комнаты и душевая.

– Для дачи – то, что надо, – деловито подытожил Краснопутский, с удовольствием представляя себя хозяином дома. Лапин кивнул. Дядя Коля чему-то усмехнулся.

– А почему, вы говорите, хозяева здесь не живут? – спросил Лапин, вглядываясь в ставшее злым и напряжённым лицо дяди Коли.

– Кишка, говорю, тонка, – буркнул тот.

– Для чего тонка? – не унимался Лапин.

– Для жизни здешней. Для наших особенностей, – не без гордости отметил дядя Коля.

– А чего такого особенного в вашей жизни?

– Деревня, лес, – с неохотой стал перечислять дядя Коля, – народу нет, дороги толком нет. Скучно у нас! И условия тяжёлые.

– Так ведь это же прекрасно, мой друг! – послышался весёлый голос Краснопутского, спускавшегося со второго этажа. – Кстати, я принимаю ваше предложение, досточтимый дядя Коля, и покупаю эту усадьбу. О своём намерении я сообщу графу. А пока приглашаю вас обоих разделить со мной радость и осушить бокалы по случаю удачной покупки.

– Шутник! – развеселился немного дядя Коля. – Пошли! У меня радость разделим. И бокалы тоже осушим.

Лапин и Краснопутский переглянулись. Оба хорошо знали, что торопиться им некуда.

– Мы согласны, барон, – объявил Краснопутский, подходя ближе и опуская руку на плечо дядя Коле. – Ведите нас в свой замок! Да не забудьте распорядиться, чтобы для нас закололи быка и остудили дюжину Клико.

Дядя Коля, которому понравилось, что его называли бароном, засмеялся похожим на кудахтанье смешком и увлёк гостей в свой «замок».

– Ключи оставь у меня, – напутствовал он по дороге. – Когда разберётесь с хозяином, вот тогда и заберёшь. А пока – мало ли что. Вдруг ещё придумаешь!

И добавил загадочно:

– Всяко бывает.

Они прошли под разыгравшимся дождём к дяди Колиной избушке. Хоть Клико у него и не оказалось, как не случилось, впрочем, и быка, зато нашлась колбаса, и картошка стояла в печи. Из погреба хозяин принёс огурцы и капусту, а заодно бутылъ с мутной жидкостью. Дядя Коля с гордостью объявил, что самолично занимается производством мутного содержимого бутылки, настоянного на травах, и что масштабы производства позволяют не ограничивать себя в удовольствии.

Впрочем, «настойка» и в самом деле оказалась недурной, хоть и крепкой. С одного глотка стало весело, и даже дождь, стучавший в мутные стёкла с каким-то ожесточением, не вызывал больше беспокойства. Все понемногу разговорились, фразы стали длиннее, а темы разнообразнее. Наконец, когда в очередной раз выпили за наметившееся приобретение Краснопутским усадьбы в Лесной Горке, дядя Коля вдруг заявил:

– А я, ребя, вот что вам скажу: бросьте вы эту затею. Бросьте, пока не поздно. Ночуйте у меня, а завтра чуть свет – проваливайте подобру-поздорову. Уносите ноги.

Лапин с Краснопутским переглянулись.

– Как это? – спросил Краснопутский. – Почему уносить ноги?

Дядя Коля помолчал, разглядывая стол перед собой, потом сказал, подбирая слова:

– Место тут нехорошее. Вот что.

– Как это – «нехорошее»? В каком это смысле? – не понял Лапин. Впрочем, и Краснопутский понимал ничуть не больше.

– Нечисти много, – бухнул дядя Коля. – Лешак в лесу. Водяной в озере. Да и не это главное.

Лапин с Краснопутским снова переглянулись, на сей раз едва сдерживая смех.

– И чем это вы такие особенные, – жеманно спросил Краснопутский, – что нечисть вас так любит?

– А главное что? – одновременно с ним выпалил Лапин.

– Почему, думаете, деревня так называется? – помолчав, спросил дядя Коля.

– Горку мы видели, – откликнулся Лапин, – кругом лес.

– То-то – горку. Только не лесная это горка.

– А какая?

– Лысая гора! – понизив голос, объявили пьяненький дядя Коля.

– Это в каком же смысле? – не понял Лапин.

– А в таком! Ведьмы сюда испокон веку на шабаш слетались. Да и сейчас ещё...

– И сейчас слетаются? – хихикнул Краснопутский.

– Смотри, паря, дошутишься, – сурово предупредил дядя Коля. – Сегодня какое число-то хоть помните?

– Ну, 6 июля. И что? – не понял Лапин.

– Не, не... У них, походу, годовщину эсеровского мятежа принято отмечать, – объяснил ему Краснопутский, старавшийся не расхохотаться.

Но дядя Коля не обратил на него внимания.

– А то, – сказал он, обращаясь к Лапину, – что завтра Ивана Купала. Сечёшь?

Упоминание праздника почему-то произвело на Лапина неприятное впечатление. Вспомнился Гоголь с его Диканькой, вспомнились какие-то поверья, приметы, и стало отчего-то тревожно. На Краснопутского слова дяди Коли впечатления не произвели.

– Может, ты, дядя Коля, не хочешь, чтобы я дом покупал?

– Мне-то что, – фыркнул дядя Коля. – Хозяин просил предлагать, я и предлагаю. Если б вы сразу уехали, то и говорить бы ничего не стал. Но раз выехали вместе, раз за одним столом сидим – ну как про такое не скажешь!

– Уехать ещё не поздно, – тихо сказал Лапин.

Но дядя Коля зашёлся своим кудахтающим смешком.

– Поздно, паря, поздно! Сюда ехал, овраг видал? В той низине и не от этакого ливня болото образуется – уж он постарается!

– Кто – он? – уточнил Лапин.

Но дядя Коля, не устаивая ответом, посмотрел на него как на блаженного.

– Не верите мне, сами смотрите. Уехать – вы не уедете. Остаётся одно из двух – кемарите у меня или идёте в свой дом. А завтра... Если протянете до завтра, – дядя Коля злобно закудахтал, – завтра и решите: покупать вам дачку или повременить.

Краснопутский улыбался, слушая дядю Колю. Но Лапину было не по себе. Дядя Коля говорил загадками и, конечно же, чепуху. Но распятия, о которых Лапин почему-то не решался спросить, точно боясь услышать неприятную правду; размытая дорога; то, что они, благодаря непредвиденному дождю, оказались в ловушке; дурацкие рассказы дяди Коли о Лысой горе и водяном – всё это само по себе ничего не значило, но, будучи собранным вместе, внушало неприятное чувство.

– А что же леший? – серьёзно спросил Лапин.

Краснопутский фыркнул.

– Чего леший? Леший в лесу, – уклончиво объяснил дядя Коля. – Я туточки народился, как-нибудь поболее вашего лес-то знаю.

– И какой он? Леший.

– Сань, ты чего? – вмешался Краснопутский. – Перепил, что ли?

– Дык разный. Он и пнём обернётся, и деревом, козлом чёрным. Как по лесу шум пойдёт – леший тебя заприметил. А то ещё хохотать начнёт. Или свистеть...

– Блин! – засмеялся Краснопутский. – «Записки охотника»! Как его... «Бежин луг».

Но дядя Коля как будто его не слышал.

– Не верите – ступайте в лес. Это вы вовремя приехали! Говорю же вам – на Ивана Купала всё бывает, кого хошь встренуть можно!

– Вот сказочник! А? – хмыкнул Краснопутский.

– А ведьмы? – серьёзно спросил Лапин.

– Я тебе так скажу, паря. Леший – это одно. А ведьмы – совсем другое! С лешим сговориться можно. С ведьмой не сговоришься. А наша деревня, как старики говорили, с ведьмой пошла. Сначала здесь место шабаша было. Потом одна ведьма тут

поселилась. За ней другая. И так стали подтягиваться. Сначала бабы одни – ворожейки. А уж потом только мужики появились. Постепенно-то местные ведьмы повымерли. Ведь как? Почали детей рожать, и силу – чертей-то своих – детям передавали. Но со временем народу всё больше, все не могут ведать. Да и не все хотят чертей-то в наследство. Если ведьма умирает, а чертей не передала, то и конец – ушли черти, в ад её потащили. А если перед смертью кого за руку подержит или палку свою передаст, то и чертей завещает. На моём веку ещё было! Ведьма помирала – отдала внуку силу. Подь сюда, говорит, внучек. Сама уж лежала, одной ногой в гробу. А внук-то – моего деда погодок. Внуку родители наказывали: станет больная бабка звать – не ходи к ней, не бери от неё ничего. А как ушли родители в церковь на село, бабка-то и закрихти: поди, внучек, помоги бабушке подняться. А что он?! Несмышлёный! Подошёл. Бабка взяли его за руку, в глаза посмотрела. А у самой глаза вдруг вспыхнули. И померла тут же бабка.

– Короткое замыкание, – вставил Краснопутский, подпиравший щёку и слушавший всё это время дядю Колю со скучающим видом.

– Сама померла, а внуку всех чертей своих, что ворожить помогали, оставила, – не обращая внимания на колкости, продолжал дядя Коля. – И стал он расти колдуном. А уж на моей памяти внуки этого колдуна – мои дружки, у него книгу нашли. Я сам видал!

– Что за книга? – спросил Краснопутский, как будто заинтересованный.

– А то и книга! Как стали читать, столы со стульями по комнатам заходили.

– «Мойдодыр», что ли? – уточнил Краснопутский.

– Сам ты!

– Ну так что в ней написано-то? – не унимался Краснопутский.

– А чо надо, то и написано, – обиделся дядя Коля и осушил свой стакан. – Ещё до того, как первая ведьма поселилась, тут на Ивана Купалу они на горе собирались. Шабаш тут у них.

Дядя Коля раскраснелся и опьянел, в глазах его появилось какое-то новое выражение, что-то неистовое и озорное, точно он и сам намеревался начать ворожить.

– И что бывает?

– Что бывает! Наверде праздника. А ещё, говорили старики, бывает... Ну, не всегда, конечно... Раз, может, в сотню лет.

– Ну, что, что?

– Жертву они приносят.

– Кому? – удивился Краснопутский.

– Кому! Вот шутник! – дядя Коля закудахтал. – Известно кому. Сам-самому! Но это не всегда. А так вообще – ну что-то вроде сходки у них. В округе на Ивана Купала все по домам прежде сидели – носа боялись высунуть к ночи-то. Сам не видел – врать не буду. А про жертву-то старики говорили. Для этого дела девку похищают. Ну, так, чтобы нетронутую.

– Девственницу, что ли? – подсказал Краснопутский.

– Во, во! Было там место на самой верхушке, где ныне домик ваш стоит. Сам восседал на этом месте. Под ноги ему клали девку связанную, нагую. Ведьмы, тоже голые, вокруг отплясывали. Так плясали, что до одури себя доводили. А сам девку того... – дядя Коля нелепо заёрзал на стуле, отчего стул закричал. – Потом девке нож в сердце, а каждая ведьма по глотку крови должна сделать. А после сам каждую ведьму... – и дядя Коля снова заёрзал.

Все замолчали. Лапин почувствовал, что не в силах больше ни слушать дядю Колю с его поэтическими воззрениями славян на природу, ни пить самогон, от которого голова стала тяжёлой и как будто наполнилась туманом, ни вообще бодрствовать. И если он в ближайшее время не вытянется, то уснёт хоть стоя на одной ноге, хоть сидя на курином насесте. Он закрыл глаза и услышал издали голос дяди Коли:

– Ну что, паря, устал?

– Угу, – он обвёл взглядом комнату, очертания которой стали мутными. – Что-то нехорошо мне.

– Ну так что, – усмехнулся дядя Коля. – У меня ляжете или к себе пойдёте?

– У тебя неприспособленно, дядя Коля, для гостей, – ответил Краснопутский. – Так что мы к себе. Заодно и убедимся, как ты врать здоров.

– А убеждайся, милоч! – закудаhtал дядя Коля. – Ты не девка, чего тебе бояться?

Когда уходили, дядя Коля вдруг сказал, неизвестно к кому обращаясь:

– Погодь-ка...

Покачиваясь, он вылез из-за стола, сгрёб что-то ручищей с комода и, подойдя, сунул Лапину в карман ветровки. Лапин непроизвольно потянулся к карману и нащупал распятие, проступавшее сквозь ткань. Заметив его испуг, дядя Коля ехидно хмыкнул.

Натянув дождевики, они вышли на улицу. Дождь хлестал с такой силой, как будто небо бичевало землю. Из леса, где разгулялся ветер, доносились стоны деревьев. Солнце уже село, но было ещё довольно светло, несмотря на облачность. Они поднялись к дому на холме, и Краснопутский отпер дверь.

– Ехал озеро смотреть, а нашёл дачу, – он был доволен.

В доме стояла тишина. Только дождь стучал в окна и по крыше. Они поднялись наверх в спальни. И как только Лапин опустил голову на диванную подушку, так тотчас провалился в тревожный сон. Мелькали неуловимые, беспокойные видения. Кто-то будто звал его, кто-то смеялся над ухом. Он всё хотел проснуться, но не мог. И казалось, что кто-то держит его, мешая пробуждению. Наконец он проснулся. За окном было уже темно. Дождь прекратился. Установилась та парадоксальная тишина, в которой различим не то звон, не то гул. Лапин посмотрел на часы, было без десяти двенадцать. Он повернулся к стене и вознамерился было снова уснуть, как вдруг отчётливо услышал снаружи и где-то совсем рядом громкий, пронзительный свист. Свист повторился. А следом Лапин явственно различил женский смех. У него промелькнула мысль, что это пьяные. Но он тут же вспомнил, где находится, и сообразил, что никаких пьяных здесь нет и не может быть. Ему стало страшно. Приподнявшись, Лапин сел и снова прислушался. Тишину больше ни-

что не нарушало. Он стал успокаивать себя, убеждая, что свист, должно быть, приснился. Но тут ему показалось, что за окном что-то промелькнуло. Он медленно подошёл к окну – и в ту же секунду отпрянул, едва не упав. На него из-за стекла смотрела женщина с длинными волосами, одетая в белое. Женщина смотрела прямо в глаза Лапину и улыбалась нехорошей, недоброй улыбкой. Лапин вскрикнул, но тут же услышал за спиной голос Краснопутского:

– Ты чего, Сань? Да что с тобой?

Лапин обернулся. На пороге его комнаты действительно стоял Краснопутский. Он был в одной футболке, волосы, обычно собранные резинкой в хвост, висели спутанными прядями.

– Там... – пролепетал Лапин, указывая на окно. – Там женщина смотрит.

– Какая женщина? Мы на втором этаже.

Краснопутский подошёл к окну.

– Да нет никого. И не может быть.

– Я сам видел. Только что. Женщина в белом... волосы длинные...

– Да ты меня, наверное, видел. Я вон тоже в белом, и волосы... Вошёл к тебе, а ты в стекле увидел и спросонья не понял. Чего ты не спишь-то, кстати?

– А ты чего не спишь?

– Спал. Да ты шарахаешься – меня разбудил.

– Я не шарахался, – тихо сказал Лапин, глядя на друга в упор.

– Тут больше нет никого, – Краснопутский уже не был так уверен, как за столом у дяди Коли. – Я спал, сквозь сон услышал смех. Проснулся и уже явно слышал, как кто-то пробежал мимо моей комнаты. Я подумал, что это ты и пошёл к тебе. Хотел включить свет, но, наверное, гроза была – вырубилло...

– Я отсюда не выходил. Проснулся, хотел дальше спать. Услышал свист – подошёл к окну. А там – она...

Лапин подумал, что Краснопутский сейчас засмеётся и начнёт его вышучивать, но тот не смеялся.

– Знаешь, странный я сон видел, – тихо заговорил он. – Будто ко мне в ту комнату, где я спал, приходит женщина в белом,

берёт меня за руку и ведёт вниз, на кухню, к тому столу. Я ложусь на этот стол, будь он неладен. А женщина замахивается ножом, ну тем, что лежит на столе, тем – старинным... Нож она держит вот так, сразу в двух руках и смеётся таким, знаешь, жутким, безрадостным смехом. Тут я проснулся и услышал шаги.

– Жертвоприношение? – еле слышно, почти одними губами спросил Лапин.

Краснопутский молчал. В это самое время за дверью комнаты послышался лёгкий девичий смешок и быстрые удаляющиеся шаги, словно какая-то юная проказница заглянула в замочную скважину и убежала, развеселившись от увиденного. Лапин и Краснопутский переглянулись. Даже в обманчивом лунном свете они видели ужас на лицах друг у друга. Они опустились на диван и вжались в спинку, точно надеясь спрятаться от надвигавшегося на них мрака. О том, чтобы выйти из комнаты и бежать, не могло быть и речи.

Что-то царапнуло по стеклу.

– Ты видел? – прошептал Краснопутский.

Лапин кивнул. За окном как будто пролетела большая белая птица, коснувшись крылом стекла. И снова у двери раздался смех и вместе с тем снизу – приглушённые женские голоса. Казалось, что дом неотвратно наполняют какие-то неведомые и невидимые существа. Голосов становилось всё больше, но разобрать, о чём они переговариваются, было невозможно. Из коридора на втором этаже доносились шаги, то приближавшиеся к комнате, так что с замиранием сердца Лапин ждал, что дверь вот-вот распахнётся и в комнату вторгнется первозданный ужас; то, напротив, удалявшиеся куда-то в сторону лестницы. Шум становился настолько явственным, что сомневаться в нём или списывать на разыгравшееся воображение просто не приходило в голову.

Лапин, застыв, смотрел на дверь. Он не хотел верить, что происходящее реально. В то же время невозможность развеять морок и, главным образом, оцепеневший рядом Краснопутский не оставляли сомнений: случилось нечто, не поддающееся объяснению.

– Это бессмысленно, – сказал вдруг Краснопутский с каким-то необъяснимым безразличием.

– Что бессмысленно?

– Бессмысленно вот так сидеть и ждать.

– Серёга, ты о чём?

– Я должен пойти вниз, – медленно произнёс Краснопутский, – они зовут меня.

Лапин хотел спросить, кто эти «они», но побоялся.

– Мы всё равно ничего не сможем, – продолжал Краснопутский. – Раз уж я вообразил себя хозяином этого места, то должен внести плату. Лучше покориться...

– Серёга, ты спиал?! – закричал Лапин, схватив его за руку – рука была холодной. Лапин заглянул в глаза – они казались потухшими.

– Да, я пойду и лягу на этот чёртов стол чёрту под ноги. Это только сначала страшно, – Краснопутский повернулся к Лапину, и Лапин отпрянул в ужасе: на него смотрел мертвец.

– Роман, очнись! Ты что?! – прохрипел Лапин, впился другу в плечо и затряс.

Но Краснопутский взглянул на него с такой злобой, что пальцы Лапина сами разжались.

– Не вздумай мешать, – не своим голосом сказал он. – Тем более помешать ты не в силах.

Он поднялся и медленно двинулся к выходу. Лапин сжался в комок, стараясь не думать, что произойдёт, когда дверь распахнётся. Ещё шаг... Вот он берётся за ручку... Вот сейчас... сейчас... Краснопутский рывком распахнул дверь. Все шорохи, смех, шаги – все звуки внезапно стихли. Краснопутский, не оборачиваясь, вышел, дверь за ним захлопнулась, по коридору загремели шаги.

Внезапная тишина поразила Лапина, успевшего обрадоваться мысли о влиянии дяди Колиной «настойки» на непривычные организмы. Но едва только он выскочил следом за Краснопутским в коридор, как поразился изменившемуся дому. Вместо оштукатуренных стен его обступали стволы деревьев, покрытые лишайником, действительно напоминавшим штукатурку. Он по-

пытался вернуться в комнату, но дверь исчезла. На месте двери Лапин увидел сломанную ветром берёзу. Где-то совсем рядом ухнул филин, и оранжевые глаза сверкнули в темноте, а мягкое крыло скользнуло по виску. Лапин бросился в ту сторону, где была лестница, но лестницы тоже не оказалось. Он споткнулся о корни и покатился куда-то вниз, поминутно ударяясь и царапаясь. Наконец он вскочил и хотел бежать куда-то, но увиденное приковало его к месту. Невдалеке была поляна, на которую лился потоком лунный свет. Посредине торчал громадный пенёк, похожий на обеденный стол. На пне стояло на задних ногах странное рогатое существо, больше всего напоминавшее крупного чёрного козла. Глаза этого существа горели каким-то блуждающим красным светом. Перед пнём на вытоптанной влажной земле спиной в Лапину застыл коленопреклонённый Краснопутский. А вокруг вились бестелесные существа, как показалось Лапину – женщины. Одни были как будто в широких белых одеждах, другие – обнажены. Кружение ускорялось, Лапин слышал то стоны, то знакомый уже безрадостный хохот. Вдруг от круга отделилась одна фигура, похожая на видение Лапина, и, приблизившись к Краснопутскому, передала ему какой-то предмет. Лунный луч упал на предмет, и Лапин узнал его. Это был тот самый старинный нож, который они видели на кухне.

Впоследствии Лапин не мог объяснить, что произошло с ним в ту минуту, почему он, несмотря на весь обуявший его ужас, на нежелание принимать реальность, вдруг стал полноценным и активным участником этой реальности, бросившись к Краснопутскому и вырвав у него нож. В тот же миг его охватил такой страх, что мелькнула мысль о невозможности перенести это состояние. И только желание прекратить кошмар, спасти друга и вернуться вместе с ним в нормальный мир заставляло Лапина противостоять обрушившемуся на него ужасу. Навалившись на Краснопутского, он держал его за руки, а тем временем к нему тянулись чьи-то скрюченные пальцы, какие-то чудовищные физиономии с налитыми кровью глазами мелькали перед лицом. Он чувствовал, что круг сжимается, что ужас вот-вот раздавит его, что тьма, ступившаяся над пнём и обретшая обличье,

сейчас поглотит обоих. Как вдруг отчётливо и громко раздался крик петуха бабки Антонины. «Так всегда бывает», – подумал Лапин и тотчас почувствовал облегчение, как будто сбросил с плеч мешок, гружённый камнями. Теряя сознание, он слышал шум, поднявшийся вокруг, свист, вой, стоны... Лапин успел удивиться, откуда в лесу петух. После чего всё исчезло.

Доподлинно неизвестно, сколько прошло времени. Когда Лапин очнулся, было ещё темно. Снова прокричал петух. Должно быть, второй раз. Лапин приподнялся и увидел, что лежит под столом на кухонном полу. Рядом с ним пошевелился Краснопутский.

– Серёга, ты жив? – тихо спросил Лапин.

– Что это было? – простонал тот в ответ.

Что-то блеснуло на полу. Лапин протянул руку и сжал холодную рукоять старинного ножа. Но пальцы разжались, как если бы он коснулся отвратительного гада. Они посмотрели друг на друга и бросились вон из дома.

Машина завелась под третий крик петуха. Солнце медленно, но неуклонно поднималось. В розовой душистой прохладе уже звенели птичьи голоса. Мир улыбался новому дню младенческой улыбкой, словно не замечая ни зла, ни тьмы. Они ехали молча, легко проскочили овраг, оказавшийся совершенно сухим. И пока не доехали до поворота, где вчера увидели указатель, не проронили ни слова. Вместо того, чтобы ехать в Ключи короткой дорогой через лес, Лапин вывернул руль в ту сторону, где был асфальт. И тут Краснопутского прорвало.

– Скажи мне, ради Бога! – взревел он. – Какого лешего...

– Так! – перебил его Лапин. – Вот можно без этого...

– Чего? – не понял Краснопутский. – Без чего?

– Вот можно не поминать!?

– А-а! Ну да... пожалуй, – Краснопутский успокоился. – Тогда давай так: какого хрена мы попёрлись в эту Лесную Горку?

– Забыл? Озеро попёрлись посмотреть.

– Ну да. Озеро... И что теперь? Какова мораль сей басни?

– Мораль-то тебе зачем?

– Ну-у!.. Вдруг пригодится!

– Сплюнь!

– И всё-таки...

– Можно так, – подумав, изрёк Лапин. – Исследуя задворки мироздания, будь готов оказаться в самых тёмных его чуланах.

– Или в подвалах.

– Или в склепе.

– Гениально!

Оба замолчали. Но через минуту Краснопутский подал голос:

– Но почему и зачем мы послушали этого старого хрена! – воскликнул он. – Почему не уехали засветло? Зачем сели с ним пить? Зачем остались ночевать? Это же безумие!

– Ты ведь дачу покупал. Забыл?

– Ну да. Дачу.

– Кстати, – вдруг осенило Лапина, – ты обратил внимание: когда мы выехали к повороту, там был указатель на Лесную Горку?

Краснопутский задумался.

– Кажется, нет. Но, может, внимания не обратили?

– Что, вернёмся проверим?

– Нет уж. Спасибо.

Они подъехали к асфальту и остановились, пропуская грузовик. Тут Лапин кое-что вспомнил и опустил руку в карман ветровки и кончиками пальцев ощутил прохладу латунного распятия. Грохот промчавшегося мимо грузовика показался Лапину не то музыкой небесных сфер, не то пением райских птиц.

Антонина БЕЛОВА

Антонина Васильевна Белова – поэт. Родилась на Кубани в казачьей станице в предгорьях Кавказа. Стихи начала писать с 12 лет. Окончила филологический факультет Кубанского госуниверситета и аспирантуру Института РЯ РАН. Профессиональный филолог-русист, кандидат филологических наук, доцент. Сочетает преподавание русского языка в вузах с научными интересами, автор многих статей о языке русских поэтов. Работает над монографией, посвящённой поэтике Н.С. Гумилёва.

Член МГО Союза писателей России. Автор девяти поэтических книг. Стихи переведены на английский, испанский, белорусский языки. В творчестве раскрываются такие темы, как любовь и дружба, вера и духовные поиски человека, судьбы русских поэтов, прошлое и настоящее России, окружающий мир во всём многообразии. А.В. Белова является победителем и призёром многих российских и международных поэтических турниров и конкурсов. Творчество А.В. Беловой отмечено многими наградами: Почётной грамотой Международного общества пушкинистов, Серебряным крестом и орденом «За вклад в литературу России XXI века» от МГО Союза писателей России, а также медалями А. Блока, И. Бунина, М. Цветаевой.

Живёт в Москве.

НА ВОЛЮ БОЖЬЮ В МИРЕ УПОВАЙ!

* * *

Ты помнишь настоящий воздух Мисхора –
На розах, на травах – сильнее розмарин?
Дыхание сосен, свободу простора
И моря усталого аквамарин?

Ты помнишь осколок небесного света,
Когда догорала над морем заря,
Когда всё молчало – ни слова обета,
Лишь память томилась огнём алтаря?

Что было меж нами? Судьбы ль натяженье,
Созвучье сердец иль открытый восторг?
Двух полюсов равных магнит притяженья –
Вражда и единство, конец и исток?

Теперь я уже ни о чем не жалею,
И память волной зализала твой след...
Но только от воздуха сладко пьянею
И так же боюсь леденящего «нет».

Любовь настигает – и некуда скрыться,
Обиду не смоешь слезы серебром...
Как тихо сидела над пропастью птица,
Боясь шевельнуть присмирившим крылом.

Казалось, минуты застыли у взора, –
Так время молчало, так длило укор...
Лишь только настоящий воздух Мисхора
Всё слушал цикад несмолкаемый хор.

* * *

Сотрите жизнь – вплоть до строки,
Оставьте лишь для пенья душу,
И я обета не нарушу –
Я дней моих сомкну куски.

И сотворится суть у слов,
И красок обновится чудо,
И звуки, пролитые всюду,
Слух возродят – и свеж, и нов.

И распахнётся света даль, –
И пусть душа опять в смятенье,
Но ткань сквозная воплощенья
Духотворит скупой словарь.

Она очистит путь, что мглист,
И в жажде приведёт к колодцу,
И сквозь листву лучом пробьётся,
Ложась строкой на ждущий лист.

Она отринет суету,
Уставшую от пустословья,
И пред иконой в изголовье
И свет прольёт, и чистоту.

* * *

Я пью за Любовь и за Небо,
Что нам её щедро даёт,
Чтоб мы суете на потребу
Не тратили дней её мёд.

За мамины хрупкие плечи,
За тихий огонь у свечи,
За Слово – за таинство речи,
За жизни бесценной ключи.

За глаз твоих детских избыток
В судьбе, что легла по плечам.
За смелость счастливых попыток,
Презренье к пустым мелочам.

Я пью за всесилие веры,
За солнца ликующий свет,
За правду, где нет полумеры,
За твёрдое «да...» или «нет!»

* * *

Это небо тихой радости –
Синий солнечный батист,
В нем ни горечи, ни сладости,
В нем покой как белый лист,
Ждущий замысла и промысла,
Откровенья высоты,
Глубины святого помысла
И сердечной чистоты.
А земля у дна стоокого,
Помня солнца жгучий зной,
Прямо с берега высокого
Просит влаги ледяной,
И в моё окно вагонное
Льётся, льётся тихий свет,
Открывая всё бездонное,
То, чему названья нет...
И томит меня вечерняя
С тайным отблеском заря,

Облаков летучих тернии
В тёмных сгустках янтаря.
Смотрит в душу серебристая
Взглядом ангельским звезда,
И её улыбка чистая
По-младенчески чиста.

* * *

Жизнь моя передо мною...
Жизнь моя – как горстка дней.
Зимы долгие с весной.
Осень – лет моих длинней.
Дни бегут, летят, уносят
Лица, встречи, поезда,
Даже письма, что не носят,
Что летят туда-сюда
По планете нашей круглой
В паутине сайтов-встреч,
В обертонах новых googl-ов...
Жизнь моя, как мне сберечь
Мимолетность, неоглядность
Красоты земной и дней?
Распознать души невнятность,
Чтоб она была ясней?
Как, скажи, прохожий близкий,
Не коснуться этих плеч?
Перечислить всех в записке,
Как тебя мне, жизнь, сберечь?

* * *

Я хочу тишины и покоя.
Не спеша припадая к цветам,
В их красе вдруг увидеть такое –
Недоступное в спешке глазам...

Чтоб насытилось сердце до края
Беспредельной земной красотой,
Чтоб смирилась душа, замирая
Пред небесной живой высотой.

* * *

Облака плывут над Иерусалимом...
Отзвук ранних утренних шагов.
В городе Твоём, Тобой хранимом,
Лишь молиться можно за врагов.
Камни стёрты – словно карты старой
Вижу потемневшие следы,
Как в душе, убогой и усталой,
Облетевшие зимы сады...
Но надежда всё ж в душе не меркнет.
Город по-евангельски знаком.
Крестный путь, последний и бессмертный, –
Чаша выпита мучительным глотком...

* * *

Пролистни эту жизнь – хоть вперёд, хоть назад –
Не напиться навек, не обнять навсегда.
Чей-то голос зовёт, ищет ласковый взгляд,
Но найти – о, мой свет, – столько лет и труда!

А потом разнесёт нас по веткам судьбы –
Листьев тех не сорвать и цветов не согреть.
И в конце позовёт голос вещей трубы –
Не дано *здесь* узнать, где увидиться *впредь*.

Так гляди же, гляди – сердцем впитывай суть –
Сердце знает про всё лучше пламенных слов.
Лишь ему указать тот спасительный путь –
Укрепи нас на нём, Иоанн Богослов!

Слово в руки бы взять, как податливый воск,
И лепить из него, что душа говорит...
Чтоб найти мне ответ на насущный вопрос,
Чтоб в молитве сошлись ветки наших орбит...

* * *

Заброшенный сад у Никитских ворот,
Там в холоде майская вишня цветёт.
Всю душу раскрыла, как в ласке дитя.
А он её снегом ласкает шутя.
О холод неожиданный, злой холод души,
Души окаянной, слепой, не дыши!
Пусть время тепло у судьбы не крадёт –
Пусть нежная вишня невестой цветёт...

* * *

Весна проглянет невзначай
И обернётся хрупким мартом
С его пленительным азартом
И птичьим щебетом: «Встречай!
Весну встречай!». Растоплен лёд,
И синева небес смеётся.
– Динь-дон! – капель стучит и бьётся,
Ей в унисон душа поёт!

* * *

Снежинки белой маленький цветок
В прохладной неге марта не растает,
Он серебрится, радостно витает,
Как в синем небе летний мотылёк.
Лети, лети, ты тоже Божья тварь,
Не мной придуман твой узор крылатый,
Не властны над тобой земные даты –
Храни тебя, небес живой словарь...

* * *

Закрываю глаза и плыву
Всё туда, где целуют Неву
Ветры севера... Ночь напролёт
Я тоскую, и боль не пройдёт.
Дай напиться мне чистой зари,
Когда тихие спят фонари,
Белой ночи струится фата,
Словно белая тайна листа.
И над Пулковом вижу звезду
Несравненную в звёздном саду,
Ты, что ты показал мне тогда,
Ты, ушедший навек в «никогда»...
Ночь торопится, прячет глаза.
Во мне тают все «против» и «за».
Я раскрою глаза – наяву
Вижу город твой, вижу Неву...
Ветер северный студит висок,
Тонкой струйкой струится песок –
Злого времени вечная нить,
Что никто не сумел перевить,
Что никто не сумел удержать
И в ладонях бессильных зажать...
Ну, а ты? Ты как умер, хоть жив.
Хладнокровен, спесив, горделив.
Но навряд ли откроешь звезду
В том забытом июньском саду,
Там, где травы с росой говорят,
Отражая звёзд ангельский взгляд...

ВЕНЕЦИЯ

Венеция колышет небеса,
Не замечая суеты потоки,
Но не сдержатъ земного колеса,
Сам Хронос управляет им, жестокий...

Пространство пахнет вечною водой,
Над нею власти нет у жизни бренной.
Вода следит, как млечною грядой
Над ней плывёт покой небес нетленный.

И ослепляет душу красота,
И хочется волной прибрежной биться,
Остаться здесь, чтоб с чистого листа
Жизнь началась, но... скомкана страница.

Ни дней, ни снов уже не оправдать
Венецией, тоской не откупиться –
Рим не забыть, а эту благодать
Вбирать душой, крупицу за крупицей.

Собор открыт, как сердце у святых,
И мрамор стёрт подошвами до края,
И на мозаиках пурпурно-золотых
Луч веселится, радостно играя.

Венеция, не меркни вслед за ним,
Останься взглядом схваченной навеки...
Летейских вод дыханием своим
Не дай забвенью переполнить реки.

Здесь не забыть о самом дорогом,
Здесь связь иная с памятью и вечным –
Небесным смотрит золотистым Львом,
Надежду посылая нам, беспечным...

* * *

В ночи, скользящей по небесным сводам,
Нет ни звезды, ни отблеска зарниц.
И не пролиться тем библейским водам
На твердь земную, хоть все пали ниц.

Но патриарх, что вёл народ сквозь годы,
Слезу скрывал за трепетом ресниц.
И пролились божественные воды,
Размывшие пределы злых границ.

И море в жутком страхе расступилось,
И в том была Его святая милость,
И трепетал огонь над мраком вод.

Сквозь ропот шли. Земля обетованья
Ждала их за великие страданья –
Бог не оставит избранный народ!

* * *

Маме

Ещё ты со мной, моя птица,
И скромное наше гнездо,
Где время бежит, суетится, –
Поёт, несмотря ни на что.

Ещё твои песни разбудят
Во мне потускневшую даль...
А если нас люди осудят,
Простим их – не в этом печаль.

Ещё твоё хрупкое тельце
Могу благодарно обнять,
Услышав биение сердца,
Задев серебристую прядь.

Ещё нам с тобою, голубкой,
Господь не отмерил пути,
Хоть рушится мир этот хрупкий,
И смысла порой не найти...

Ещё мы с тобой не допели
Святых покаянных псалмов
Под скорбные жизни метели,
Ещё не сказали всех слов...

Ещё нам терпеть и учиться
По совести жить и прощать...
Смотри веселей, моя птица, –
Певунья, волшебница, мать!

* * *

В вечернем небе крылья облаков,
Меж ними звёзд таинственных мерцанье,
Они как смысл небесного сказанья,
Сокрытого надёжностью замков...

Что знает Небо о живущих нас
И мечущихся в суете и брани,
Переходящих все святыя грани,
Не слышащих небесный вечный глас?!

Там пишется о каждом свиток дел
Земных – и праведно-благих, и грязных,
И час наступит – в сонме ликов ясных
Услышан будет каждого удел.

Страшись, душа, пока ты на земле,
И помысла, и действия плохого,
И гневного беги слепого слова,
И мира, что века лежит во зле...

И в звуках литургии оживай,
И обновляйся у огня причастья
Сквозь слёзы покаяния и счастья –
На волю Божью в мире уповай!

* * *

Весенняя тревога,
Высокая звезда...
Там, у подножья Бога,
Крылатые стада
Плывут в вечернем небе,
Там тишина и свет,
Покой – вот так и мне бы
Парить над прахом лет
Земных и суетливых,
Наполненных тщетой,
Без веры сиротливых –
Под тихую звездой...

ДОНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Донская стелется земля,
Летят пути-дороги,
Перемежаются поля,
Крылами машут тополя,
И не унять тревоги.

Опять прощаюсь я с тобой,
Степная даль, протяжность, –
С полынной, горькой, вековой
И с прежнею своей судьбой,
Предпочитая ясность.

Стелись, дороженька, стелись!
Пусть не устанет око
Вбирать твою и даль, и близь,
И тихо трогать неба высь
В донской воде глубокой...

* * *

В степь донскую, в раздолье вольное
Позови меня вновь, душа,
В неоглядное море знойное,
Где чуть слышен шёлк камыша
Вдоль реки, что змеёй ленивою
Ускользает за солнцем вслед,
Где ковыль серебрится гривую
На ветру – ему сотни лет...

Даль распахнута, пыль полынная,
Закудрявился друг-кермек,
И петляет дорожка длинная –
Ты иди, иди, человек.
Перелески акаций шумные,
Листья – кружево в синеве,
Слышу иволги звуки чудные,
Не увидеть её в листве...

И над всем синева глубокая –
Бесконечная, тихий свет,
Тайна близкая и далёкая,
Где найти на неё ответ?!

Затиhaю под взглядом вечности,
Пахнет полднем – настoем трав,
Степь, могучая в бесконечности,
Дремлет, тайну в себя вобрав...

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Великий благоверный русский князь,
Тебе досталась трудная година:
Враги Руси, нагляя и ярясь,
Идут *на ны* – на люд и господина.

Тебе ль бояться ярости врагов?
Ты сызмальства изведал княжью долю
И Новгород с шестнадцати годов
Возглавил, принимая отчью волю.

И в час суровый шведов поборол –
Врасплох застигнута варягов свора,
Повержено несметно их голов,
Надолго им запомнится Ижора.

А следом – крестоносцы тут как тут,
Но рать твоя их к озеру придвинет,
И здесь враги лишь смерть свою найдут –
Кто к нам с мечом, тот от него погибнет!

Века минули, помнит свято Русь
О доблести твоей, как о награде,
Как никогда верны теперь, клянусь,
Твои слова: «Не в силе Бог, а в правде!»

КЛЯТВА

Мы братьями станем,
Мы следом пойдём,
Из праха восстанем,
Из тлена взойдём,
Как Феникс из пепла,
Как новый рассвет, –
Из ярости пекла
В Божественный свет!

* * *

– Я дождусь тебя, дождусь,
Мой любимый, сокол ясный!
– Я вернусь к тебе, вернусь
К ненаглядной и прекрасной!
– Мы с тобой ещё споём
Нашу русскую «Катюшу».
– Мы ещё пройдем вдвоём,
Согревая сердцем душу.
Только вот добьем врага,
Уничтожим нечисть злую,
Чтоб наёмников нога
Не топтала бы родную
Землю, что спасли отцы
От фашистской гниды злобной.
Пусть не тешатся дельцы –
Будет Родина свободной!
Ты дождись меня, дождись,
Обними детей покрепче!
– Ты ко мне вернись, вернись,
Чтобы мне дышалось легче!

* * *

Земля моя, я плачу и иду
По выжженной ухабистой дороге,
Разъезженной, израненной – в тревоге,
Взирая на высокую звезду...

Земля моя, ты терпишь, словно мать,
Кипенья войн, пожары, лихолетья
Не год, не два, не век – тысячелетья
И всё даруешь людям благодать...

Земля моя, кормилица всех нас:
Людей и птиц, животных и растений,
Не хватит слов, молитв и песнопений –
Не выскажет и самый чистый глас...

Земля моя, чтоб выразить любовь,
С какою ты рождаешь и лелеешь,
И красоту твою ничем не одолеешь –
С весной ты расцветаеть вновь и вновь...

Земля моя, и ты всех нас возьмёшь
В надёжные и верные объятья.
Так отчего же мы, земные братья,
Всё мечемся?! А ты... Ты молча ждёшь...

Светлана ГОРОШИЛОВА

Светлана Борисовна Горошилова – поэт. Родилась в Заполярье на Полярной станции. Автор двух поэтических книг: «Верю» и «Полёта память». Победитель конкурсов «О чести, доблести и славе» (2002) и «Русь Православная» (2013). Член МГО Союза писателей России. Художник. Член Международного Художественного Фонда и Международной Федерации Акварелистов.

Живёт в Москве.

ПАМЯТЬ

А НА БЕРЁЗАХ ТЕ ЖЕ ПИСЬМЕНА...

От суеты в дорогу соберусь
В который раз проделать путь незримый
В пределы тайны, где вершилась Русь.
Та память средь веков неборима.
Душе моей там горе горевать –
По всей земле могильные курганы.
В который раз умчится в небо рать
И сгинет враг в который раз в бурьяны.

А на берёзах те же письма,
И тот же горький привкус у полыни.
И пращуров далёких имена
В моей крови прописаны донныне.
Окликнут: «Не пристало унывать!»
И, помолясь, велят с колен подняться,
И жить в добре, о них не забывать,
Чтоб силы богатырской не лишаться.

Земляк мой русский, слышишь ли набат?
С времён былинных беды да набег.
Ты чуешь – в душах множатся стократ
Любви и боли свежие побег.
И нам в снегах идти, в траве до плеч,
Вживляя в память искры всех мгновений.
Нам русский слог и синь очей беречь,
И дом родной для новых поколений.

ВETERANAM BEЛИKOЙ OTЕЧЕСТВЕННОЙ BOЙНЫ

*Вам – Россию не предавшие,
Её душу не сгубившие,
Её рощи не продавшие,
Её песен не забывшие.*

Я пред вами склоняюсь в поклоне,
Зло поправшие в битве большой.
Подвиг ваш на гербе, на иконе,
Россияне с отважной душой.
Вы от войн заградили границы,
Вы отечеству были верны.
Как же дороги мне ваши лица,
Патриоты родимой страны.

Ваши головы стали седыми,
Но всё снятся былые бои.
Сколько ж вынесли вы молодыми,
Защищая истоки свои,
Чтобы родину видеть в короне
Той цветущей победной весны...
Я пред вами склоняюсь в поклоне,
Вы герои Великой страны!

* * *

Я не знала войны.
Отчего же пронзительно больно?
Отчего не проходит
щемящее чувство вины?
Мои мысли и взгляд
устремляются в небо невольно,
Там, где души солдат,
не пришедших с кровавой войны.

Как хотели они
жизнь на Родине сделать счастливой
И в жестоких боях
отстояли её, сберегли.
Вы простите, солдаты,
нас, живущих сегодня в России,
Что границы её
мы без вас сохранить не смогли.

* * *

Рассветное утро задумчиво в полдень плывёт,
Ложится туман, пеленая земные печали.
И время о чём-то минувшем чуть слышно поёт,
Вживляя грядущие ритмы, что будут в начале.

И будет красиво звучать этот полуобман,
Химерной свободы крыла простирая над нами.
И русской молитвы слова поглощает туман,
И веет от мира тревогами и сквозняками.

...А тихое утро задумчиво в полдень плывёт,
Спелёнутый воздух в тумане дурмана не чувствует.
Но время о чём-то грядущем всё громче поёт
И чем-то минувшим озябшие души врачует.

КОРОТКИЙ СОН

На пятнадцать минут отключусь,
Сброшу с прошлого покрывало.
Я как будто бы здесь бывала.
Что увидеть, найти стремлюсь?

...Солнца древнего светлый лик,
Лето красно, зелёны очи.
Тень моя окунуться хочет
В незнакомо-родной родник.

Растеклись по моим плечам
Между пальцев капелей бусы.
Где-то жил здесь мой предок русский
И в столетиях род крепчал.

Получу ли благую весть,
Отыщу ли живое слово,
Чтоб понятия «долг» и «честь»
В мир людской возвратились снова.

...День сегодняшний хмур и сир,
Дождь и ветер танцуют рядом.
Из-за туч, из клокастых дыр
Солнце смотрит неясным взглядом.

НЕ ДАЙ ЗАБЫТЬ, РОССИЯ

Не дай забыть, Россия, нам
Твоих побед в борьбе с врагами.
Дай мудрости твоим сынам
Гордиться русскими корнями.

И над открытостью души
Не позволяй нигде глумиться,
И в лжесвободу не спеши
Заокеанскую рядиться.

Просторы наши и леса
Одних кровей с тобой и с нами.
Нам светят наши небеса,
И как нам жить, решим мы сами.

Знай, словоблудам и ворам
Не воспитать нас по-другому.
Нельзя терять, родные, нам
Дорог к родительскому дому.

ВО ИМЯ ДОБРОТЫ

Белым снегом устлана земля.
Залатав разбитые дороги,
Снег метёт, блистая и пыля,
На людские беды и тревоги.

Кутает деревья и дома
Стужею с утра до самой ночи.
Видно, жизнь морозами сама
Зло людское выморозить хочет.

А с зарёй приходит тишина,
Та, которую ты чуешь сердцем.
Думная, спокойная, она
Проживает с нами по соседству.

Но является не каждый час,
Жизнь её – поэзии причастна.
Вот и снег живой, живет нас,
Божий свет нам дарит не напрасно.

Красит мир во имя доброты.
Я смотрю с надеждой, не впервые, –
Благодать нисходит с высоты
Сказкой непорочной красоты.
Тайны жизни – чудеса живые!

* * *

Снежные метели отзвучали,
И морозы укротили страсти.
Мне оставив что-то от печали,
Стылый воздух мысли мои застит.

И быстрее хочется укрыться,
Словно с оголёнными плечами
В никуда бегу. Всё это снится
Страшно одинокими ночами.

Что за бестолковая тревога,
В чём души неясная потреба?..
Хороводятся Земля и Небо
В красоте, дарованной от Бога.

Распыляют звуки из Вселенной,
Запахи Весны опережая,
Неземною музыкой нетленной
И меня к молитве приближая.

ПРЕЛЮДИЯ ВЕСНЫ

А не пора ли нам позвать Весну?
За городом вольней её аукать.
Но прежде Зиму надо убаюкать,
Уговорив пожаловать ко сну.

Отдать поклон за белые снега,
За жар мороза, дерзкие метели.
Но – приглядитесь – как уже капли
Настраивают ручейки в бега.

И воробьи, облюбовав кусты,
На веточки развешивают ноты.
Земля коренья будит от дремоты,
Расшевелив опадины листвы.

А солнце – вы прислушайтесь – поёт!
И пляшут лучики его по лужам.
А нам, родные, гомон жизни нужен,
Как свет надежды, как души полёт.

Вглядеться в явь рождений, а не в сны:
Любовно гладит землю лёгкий ветер,
И воздух чист, простор небесный светел.
И это всё – прелюдия Весны!

ВСЁ МУЗЫКА В ПРИРОДЕ

Мир русский дышит лесом и травой,
Разливом рек, бескрайностью дороги.
Он вдаль ведёт – привольный и живой,
Постигнуть силу, радости, тревоги.

Всё музыка в природе, всё поёт.
Свободен вход у здешних «филармоний».
И счастлив тот, кого к себе зовёт
Премудрый лес – соавтор всех симфоний.

Не надыхаться радостью! Но вот
Из сказки в явь, без вычурного лоска,
По воздуху лебёдушкой плывёт
В соседней рощице «ансамбль» берёзка...

У музыки природы свой настрой,
Не счесть её напевов и мелодий.
Не мы – она впустила на постой,
А мы – её аплодисменты в роде.

Всё это был, моя Россия здесь.
Душою вобрала её породу.
Когда она – моя благая весть,
Пустое дело злиться на погоду.

На родине – при тучах свету быть.
Мы не для зла на этот свет явились.
Кому же, как не нам добро творить,
Свою природу холить и любить,
Ведь где родились, там и пригодились.

А мне вот – колоски её полей
Подарены узорами на блузке...
Но счастье в том, что нет земли родней,
Где я живу и думаю по-русски!

СЕРДЦЕ И РАЗУМ

Любить и верить мы пришли на землю,
А разум спит и грезит наяву,
Но сердце, в слепоте соблазнам внемля,
Любовь и веру держит «на плаву».

Молюсь, чтоб эта ноша уцелела,
Чтоб разуму прозреть было дано.
Добро и зло в борьбе до беспредела,
И я не знаю, что нам суждено.

О чем молчит Господь, кого он любит?
Того не скажет неба синева.
Словами лечат и словами губят,
Но кто подскажет мудрые слова?

Обвиты головы враньём и смрадом,
Алчба и спесь в агонии зашлись.
Молюсь, чтоб наша жизнь не стала адом,
Чтоб сердце с разумом переплелись.

* * *

Ходить-бродить под шепчущей листвой
И воздухом прозрачным наслаждаться,
И мыслям самым лучшим предаваться,
И на душе разглаживать покой.

Погодой любоваться не спеша,
И дерево обнять, и прикоснуться
Рукой к земной траве, и улыбнуться
Умению трудяги-мураша.

И, может быть, растрогаться до слёз,
И слушать птиц щебечущее пенье,
И предавать великое значенье
Полёту замирающих стрекоз.

Какое счастье – мудрые глаза!
Какая радость – трепетные уши!
Ведь можно всё увидеть и послушать,
Не только сердцу – другу рассказать.

А жизнь? Она порою бьёт ключом,
Когда-то – неожиданная тайна.
Но каждая даётся не случайно.
И есть всегда задуматься о чём.

В КЛЫКОВО

(Монастырь «Нерукотворного образа пустынь»)

Средь Калужских просторов,
 как страж на высоком холме,
Строгий храм, а над ним
 то ль крыла, то ли облако белое.
Три монаха поют,
 к неземной прикасаясь струне,
И возносится храм
 над землёй с алтарём и приделами.

И нездешние звуки
 держали его на весу,
Застонала душа и,
 высокою нотой измучена,
В тихом плаче зашлась:
 «Вот откуда я память несу!»
Но в какие века
 этим нотам была ты обучена?

Словно видела мир,
 где иные текли времена,
Знала запахи трав,
 где дышали иные столетия.
Птичьей стаей кружили,
 как дальняя весть, имена
русьих предков моих
 и созвучьем родным мне ответили.

РУССКИЙ ХРАМ

Шелест листьев. Музыка земная
От корней восходит до вершин.
Так же, ни на миг не замирая,
К памяти и мудрости взывая,
НАШИ корни молвят из глубин.

С трепетом распахиваю руки
В мир, поющий ветром и листвою.
Вслушиваюсь, впитывая звуки
Музыки сказаний надо мной.

Где-то там, за синими лесами,
За переизгибами дорог,
Я жила со сказочными снами,
Не впуская нечисть на порог.

Взрачивала светлые надежды,
Доверяла радостям мечты.
С той поры люблю, когда в одежды
Луговые вписаны цветы.

И бывает радостно до боли,
Что под здешним небом родилась,
Что впитала дух родного поля,
Не ослабив родственную связь.

Это ли не право соучастья.
Где бы ни был – не страшна гроза.
Как же после всякого ненастья
Свет небесный радует глаза!

Я смотрю с земли на поднебесье,
Низко кланяюсь своим корням...
Здесь Россия, Русь! На этом месте,
Каждый по кирпичику и вместе,
Навсегда воздвигнем Русский Храм!

РУСЬ

Русь, Россия, Рассеюшка,
Мы зовем тебя матушкой.
На земле этим именем
Край другой не назвать.
Наша жизнь – твоя долюшка,
В ней и радость, и горюшко.
А детей лишь, как водится.
Только маме понять.

Красота твоя статная
Не преклонит головушки.
Доброту и терпение
Не тебе занимать.
Нет для сердца желаннее
Православной сторонюшки –
Только здесь Богородица
Нам пошлет благодать.

Значит – жить нам по совести,
Без вражды, без проклятия,
Колокольными звонами
Проливаясь в века.
Если ж надо, родимая,
Мы пойдем на распятие.
Лишь бы ты, Русь, Рассеюшка,
Оставалась крепка!

Светлана КОМРАКОВА

Светлана Семёновна Комракова – поэт, прозаик. Родилась в Ленинграде, выпускница МВТУ им. Н.Э. Баумана, преподаватель одного из московских вузов. Автор пяти стихотворных сборников: «Стихотворения», «Какая радость – солнце в ноябре!», «Я никуда не тороплюсь», «Удивительный цветок – белая ромашка», «Осень – пора для поэтов», член МГО Союза писателей России. Является автором книги рассказов и новелл «Отражаясь в зеркалах», книг для детей «Приглашаем в сказку», «Про кошку Лесю». Руководит литературным объединением «Чонгарский бульвар» при московской библиотеке им. Ф.И. Тютчева.

Живёт в Москве.

О, ТВОРЧЕСТВО! ТЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ СМЫСЛ...

* * *

Яблоками пахнет так божественно,
Буйным урожаем – раз в году.
Ветви опустив, так мило, женственно
Яблони стоят в моём саду.

Ждут они покорно и безропотно
Тех, кто соберёт их урожай,
Яблоки роняют с тихим шепотом,
Только приходи и подбирай.

Ветки гнутся от плодовой тяжести,
И теперь понятен древний миф –
Только от огромной женской жалости
Ева собирать решила их.

Яблоком аромат вдыхая сказочный,
Думая о райском, о своём,
Ева надкусила плод загадочный,
И с тех пор в раю мы не живём.

Но чтоб не исчез из нашей памяти
Созданный Творцом Эдемский рай,
Из любви Господь, а не из жалости,
Яблоком посылает урожай.

* * *

Новогодняя ночь! И твой первый звонок
В трёх минутах от старого года,
Обнадёжил, утешил и просто помог
Мне забыть все былые невзгоды.

Новогодняя ночь над страной летит,
Громяхая салютом цветастым,
Беззаботно и щедро нам радость сулит,
Сделать год обещая прекрасным.

Новогодняя ночь промелькнёт в миг один,
Ожиданьем напрасным обманет,
Подарив нам надежду, как сказочный джинн,
Лёгкой дымкой с рассветом растает.

* * *

Небесный купол голубой.
И колокольный звон
Над православною Москвой
Плывёт со всех сторон.

В неярких солнечных лучах
Сверкают купола.
И церковь людом при свечах
С утра уже полна.

И невзирая на мороз,
Подходит к ней народ,
И, грея варежкой нос,
Он в очередь встаёт.

Старушки, девочки, юнцы,
Весь разночинный люд,
Смиренно ждут, когда отцы
Святой воды нальют.

И разливается покой
В моей душе, когда
Объединяет нас зимой
Крещенская вода.

* * *

«Соскучился!» – какое слово!
Я и не знала, что оно
Так упоительно и ново,
Когда значением полно!

Соскучился – и это значит,
Что в суете проблем своих,
Решая важные задачи,
Меня ты вспомнил – хоть на миг.

Соскучился! О, как я рада
Услышать это от тебя.
Какая дивная награда
За все, что мучило меня!

«Соскучился!» – твой голос нежный
Так мягко в трубке прозвучал,
И я подумала с надеждой,
Что ты о главном умолчал...

* * *

Суббота перед Пасхой –
Не день, а дни.
И чувствуем с опаской,
Что мы одни.

Распят Христос. Без Бога
Мы на земле.
Один лишь день, немного,
Но как во мгле.

И ждем, настанет полночь,
И вот тогда
Оценим чуда точность,
И как всегда:

Мы на «Христос воскрес» –
«Воскрес! Воскрес!»
Мы не одни на свете,
Он не исчез!

Один лишь день – немного.
Кто даст ответ:
Как мы могли без Бога
Десятки лет?

* * *

Нет, земля, конечно, плоская.
И лежит на трёх китах.
А по ней шоссе – полосками,
То в деревьях, то в кустах.

И вокруг поля бескрайние,
Да леса стоят стеной.
Горизонты стали дальними,
Лишь простились мы с Москвой.

И над этими просторами
Приспустились облака.
И летят клоками скорыми
От дыханья ветерка.

Нет высоток, и поэтому
Ощущение во мне,
Что домами не задетое
Небо словно льнёт к земле.

А она, раскрыв объятия,
Вся раскинувшись под ним,
Ожидает не проклятия,
А любви, любви, любви!

* * *

Любовь, как праздничный пирог,
Даруется немногим.
Пройдя по жизни сто дорог,
Её мы не находим.

Что принимали за любовь,
Ушло как сон вчерашний,
И, как об этом ни злословь,
Любовь – не кот домашний.

Она мечта, она мираж,
Она зовёт нас в дали.
И появляется тотчас,
Когда её не ждали.

И своенравна, и легка,
Капризна и жестока.
То как дыханье ветерка,
А то – как зной Востока.

Она повсюду и нигде,
Приходит и уходит,
И благодарен тот судьбе,
Кого она находит.

* * *

Не может человек держать в своей руке
Ни воду, ни огонь, ни медных труб звучание.
Вода прольется вниз, огонь лишь вдалеке,
А голос медных труб легко ведёт к отчаянью.

Не удержать в руках капризную любовь,
И не зажать в кулак своё хмельное счастье,
Лишь утешенье есть, что всё вернется вновь,
Когда сквозь пальцы прочь в песок уйдет ненастье.

* * *

Преображение Господне,
В зените август, и гроза
Над нами пронеслась сегодня
Как лета позднего слеза.

Ещё жара, ещё стрекошет
Кузнечик резвый по утрам,
И признавать душа не хочет,
Что лето машет ручкой нам.

Вот Спас второй – Преображение,
За ним Спажинки – хлеб святой,
И Девы Пресвятой Успенье,
И встреча осени златой.

* * *

Фантазии порой бывает мало
Предугадать, что в нашей жизни ждёт.
В тот миг, когда считаешь, всё пропало,
Ты начинаешь новый свой полёт.

Пусть кисть в руке, иль карандаш поэта,
О, творчество! Ты нашей жизни смысл,
И песня главная ещё не спета,
И холст еще не озарила мысль.

И белый лист покроется словами,
И лягут краски вновь на полотно,
Нам есть над чем работать вместе с вами,
Грусть превращая в яркое пятно!

* * *

Спокойно и легко мне стало как-то вдруг,
Исчезли все дела, проблем замкнулся круг,
И мир, что за окном, стал ближе и родней,
На сердце тишина, и на душе светлей.

И хочется сказать все добрые слова,
От этого слегка кружится голова,
И хочется щекой склониться на плечо
Того, кто далеко и не со мной ещё.

Спокойно и легко мне стало в этот час,
И люди так добры, что окружают нас.
Вам объяснить могу, рука тверда пока,
Виновницей всему лишь рюмка коньяка!

* * *

Открыт балкон, чтоб было попрохладнее,
И тишина, лишь слышно пенье птиц.
Но вот сегодня в утро очень раннее
Я услышала зов из небылиц.

Призывно, чуть печальною тональностью
С рассветом муэдзин заголосил,
Всех мусульман любых национальностей
Он Богу помолиться пригласил.

А Турция ответила молчанием.
Кто совершил положенный намаз?
Но муэдзин все продолжал с отчаяньем:
Вдруг пробудится кто-нибудь из нас.

И замерев в постели пятизвездочной,
С почтением к религии чужой,
Я Господу единому, всеобщему,
Молилась православною душой.

* * *

Да, это волшебство – гончарный круг.
Вот закружился – и комочек глины
Под натиском проворных ловких рук
Стал изменяться, вроде бы, незримо.

Слегка присел, и даже шире стал,
Потом подрос, и форму изменяя,
К себе все взоры просто приковал,
Кружась пред нами, от воды сверкая.

Какая стать, и грация, и шарм
В предмете том, что был обычной глиной,
Пройдя все формы: конус, эллипс, шар,
Предстал пред нами сказочным кувшином.

Так лепят душу каждого из нас
Старательные жизненные руки.
Комочки глины, мы летим, кружась,
На шарике земном – гончарном круге.

* * *

Воскресение прощённое
Перед праведным постом.
И словами не лощёнными
Говорим в тот день о том,

Чтобы нас простили близкие,
И родные, и друзья.
Отвечаем тоже искренне:
Бог простит, и следом – я.

Нам подарен день прощения,
Чтобы мы могли раз в год
Без особого мучения
Повиниться в свой черёд.

За обиды нанесённые,
Где со зла, где невзначай,
За слова произнесённые
Здесь, сегодня отвечай.

О, ТВОРЧЕСТВО! ТЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ СМЫСЛ...

Чтоб душа вздохнула сладостно:
Ты прощён, я прощена
В пост Великий входит благостно
Православная страна.

* * *

Отдохну, отосплюсь, отогреюсь,
В Петербурге душой отойду.
От Москвы никуда я не денусь,
А пока по проспектам пройду.

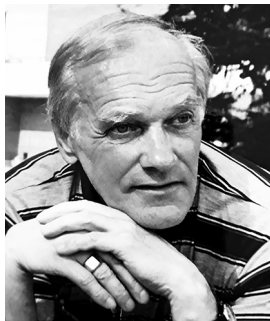
Погляжу на мосты и фонтаны,
Полюбуюсь надменной Невой.
Только, как ленинградцы, не стану
Проводить я сравненья с Москвой.

И на Невский в волнении глядя,
Я не выдам семейный секрет:
Родилась я, друзья, в Ленинграде,
А живу я в Москве много лет.

Две столицы, как сёстры родные,
Не соперницы и не враги.
И года их, и судьбы иные,
Где сухарики, где пироги.

Только для хлебосольной России
Важны все: Петербург ли, Москва,
Лишь от горя бы не голосили,
Вот и будет Россия жива.

Юрий РЫЧЕНКОВ

Юрий Алексеевич Рыченков – поэт, прозаик, переводчик, литературовед, член МГО Союза писателей России. Родился в Москве в 1941 году. Стихи начал писать в раннем возрасте. С четырнадцати лет занимался в литературном кружке Дома пионеров и школьников Бауманского района г. Москвы.

Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалью Союза писателей КНР за вклад в развитие культурного обмена между Китаем и Россией и другими литературными наградами.

Дипломант литературной премии им. Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии, литературно-музыкального конкурса «Белый остров Москвы» (гимн «Строгино»).

Автор двух поэтических книг. Подборки стихотворений, поэм, переводов и статей публиковались в журналах: «Московский вестник», «Смена», «Великороссь», «Поэзия», «Третье дыхание», ежегоднике «Слово Отчее», а также в газетах: «Московский литератор», «Общеписательская литературная газета», «Ветеранские вести» и др.

Живёт в Москве.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Повесть поэта

I

Май был на исходе... Лес покрылся нежной зыбкой дымкой. Кроны деревьев украсила буйная, свежая, ярко-зелёная листва. При каждом дуновении лёгкого ветерка слышался приятный шелест молодых листочков. Уже отцвела белая черёмуха, а за ней следом раскинули пахучие кисти сирень и жасмин. Вот-вот покроются белым цветом яблони, а через несколько дней зацветут груши, вишни, черешни. Повсюду в проснувшейся природе можно будет вдыхать нежные ароматы цветущих деревьев. Тепло радовались не только деревья и кустарники, но и ярко зеленеющая трава, и цветы, благоухающие под благодатными лучами. А на открытых лугах, прогреваемых солнцем, скоро, словно маленькие солнышки, зацветут одуванчики. Лес наполнился разноголосым пением дроздов, малиновок, зябликов.

Но особенно трогала душу соловьиная песня, которую можно слушать бесконечно тёплыми завораживающими ночами. Под лучами весеннего солнца ожили пруды и озёра. Лягушки устраивали свои концерты, собираясь в кружок, и весело галдели на всю округу, а в вышине парили жаворонки, и их пение разносилось над чернеющими полями. Луга становились похожими на цветные ковры. Всюду порхали бабочки, кружили пчёлы и шмели, собирая первый нектар. Природа полностью расцвела, готовясь к встрече лета...

Из этой красоты я, городской житель, видел совсем немного, лишь живую привлекательность её скверов, центральных бульваров, газонов и клумб, но чтобы вкусить чудесные изменения в природе, необходимо быть поближе к ней. Только тогда и возможно увидеть её подлинную красоту, и ощутить её дыхание.

Может быть, этим руководствовались мои родители, отправляя меня на лето к тёте Насте, сестре моего отца, которая

продолжала жить на его родине в селе Знаменка, Милославского района, Рязанской области. Отец мой, отслужив срочную службу, окончил офицерские курсы и остался служить в Москве. Позже его избранницей стала девушка родом с Рязанщины – моя мама. Так что родители с юношеских лет стали городскими жителями. Родившись в Москве, стал таковым и я, потому-то моё знакомство с природой московским колоритом и ограничивалось. Её чудесные превращения во времени я, конечно, видел, но всей прелести этих восхитительных изменений не ощущал...

Но не только наблюдать за красотами природы отправляли меня в деревню родители: на этот счёт у них были совсем другие планы. В пионерском лагере я с большим трудом выдержал только одну смену, и ещё раз отправить меня на этот «отдых» можно было только под конвоем. Единственное светлое впечатление от лагеря у меня оставил полдник своим сладким, ароматным чаем с вкусной ванильной булочкой. Город на лето пустел (наверное, многие родители старались, отдохнуть от своих сокровищ), и болтаться одному по двору без дела у меня тоже не было особой охоты. Кроме того, это была первая самостоятельная поездка, да и поехать на родину родителей, в деревню, о которой я от мамы многое слышал, и всё же имел очень смутное представление, было, конечно, заманчиво. Все мои представления о реальной сельской жизни не шли дальше книжных впечатлений. А там, в Рязанской стороне, ко всему прочему, меня ждал двоюродный брат Анатолий, одноклассник и, как говорила моя мать, настоящий мужчина, потому что его отец погиб на войне в 1942 году, и он с малых лет был главным помощником матери.

Много лет спустя, когда я уже был состоявшимся поэтом (к тому времени вышло из печати несколько моих поэтических книг), мне в руки попало письмо с фронта его отца, Василия Ивановича к жене, сестре моего отца, Анастасии Тимофеевне. Он наказывал работать не жалея сил, чтобы у армии было всё необходимое для победы, беречь детей, и сообщал, что после ранения попросил перевести его из обоза в пулемётную роту.

Письмо поразило меня своей необычайной искренностью и твёрдой верой в святое дело. Под впечатлением, я написал тогда стихотворение «Довоенная фотография», в котором есть такие строки:

*...И невозможно мне представить
Те подмосковные снега,
Где родич мой нашёл управу
На бронь-чудище врага.*

А другое стихотворение «Старый дом» о родном доме Василия Ивановича заканчивается такими строками:

*...В зиму уходил год первый грозный,
Дом с надеждой терпеливо ждал,
Но однажды в день осенний мозглый
Вдруг осел и будто застонал...*

*Только через год родня узнала,
Что тогда, когда раздался стон,
Пал хозяин где-то в дальней дали
Вражескою пулею сражён.*

Старшие братья тоже ушли на фронт. Анатолий был младшим, а кроме него тогда в доме были ещё три сестры. Всего в семье было восемь детей. Время было страшное, голодное. Чтобы прокормиться, его матери со старшими дочерьми приходилось зарабатывать дорогие трудодни, трудиться от зари до зари. Никакой техники в бедном колхозе не было, случилось даже впрягаться в плуг. Всё это я узнал от моей матери, которая была очень дружна с тётёй Настей. Она мне рассказывала, сколько пришлось пережить ей самой со мной одним, будучи в эвакуации. Поэтому невозможно было представить, что пришлось пережить тётё Насте и моему брату с сёстрами. Много лет спустя детские ощущения о том времени отразились в стихотворении «Радость»:

*По земле война гуляла,
Сорок первый сгинул год,
А Россия устояла,
Голодала, изнывала,
В окна, двери смерть стучала
И водила хоровод.*

*С первых дней отец на фронте,
Мама в тыл со мной, грудным.
Но под Горьким эшелону
Повстречались крики, стоны
И горячие воронки,
И слезящий едкий дым.*

*Под бомбёжкой уцелели,
Бог, наверно, сохранил.
Мама с горя поседела,
Но беду перетерпела,
И в конце шестой недели
Нас Котельнич приютил.*

*Жили в доме обветшалом:
Темень, холод да кровать.
Мама отдыха не знала,
Дни и ночи пропадала,
Я же – лез под одеяло
И учился маму ждать...*

*Мало в памяти осталось
От далёких детских лет:
Помню только – мать ласкала,
Да ещё навек запало,
Что конфет из свёклы вялой
На Земле вкуснее нет.*

Мама написала письмо в деревню, и в ответе было сказано, что примут меня с большим удовольствием, а Анатолий написал большими буквами:

– Юра, жду!

У меня было двойное чувство: с одной стороны мне было интересно повидать что-то новое, а с другой – неизвестность пугала, дома-то было всё привычно, и я бы не пропал в одиночестве. На самом деле, мне даже нравилось бывать одному, и потом со мной были мои книги, которых было великое множество: читай и радуйся! Но настал день отъезда. Родители упаковали громадный вещевой мешок с московскими гостинцами, который получился в итоге совершенно неподъёмным. Тащили мы его с мамой вдвоём и, наконец, добрались до Казанского вокзала. Было около семи часов вечера. Посадку уже объявили, и многие разместились по вагонам, перрон быстро пустел, а я, нетерпеливо озираясь, стоял с тяжеленным вещмешком у выхода на перрон.

Мама куда-то отлучилась и задерживалась с возвращением. Я, всегда не любивший ждать, волновался всё больше и больше. Вроде бы, совсем взрослый человек, четырнадцатилетний школьник, но остался в памяти случай, когда я, будучи дошкольником, потерялся в магазине. Мама незаметно отошла в сторону, и когда я, озираясь по сторонам, вдруг понял, что остался в толпе совсем одинёшенек, так истошно завопил на весь магазин, что этот крик слышится мне по сей день.

Так стоял я в задумчивости, и вдруг увидел выскочившего из здания вокзала парнишку, который быстро засеменял вдоль состава. Он бежал, как-то испуганно улыбаясь, а за ним летел надрывный крик:

– Стой, паршивец. Ну, погоди, получишь ужо у меня! Стой, тебе говорю!

Этот негодующий женский крик догонял беглеца, и словно путаясь у него под ногами, не давал бежать быстро, поэтому мальчишка бежал рывками, как загнанный зверёк. И, только он нырнул в другую дверь, как на перроне появилась обладательница грозного голоса. Это была дородная тётка с напо-

маженным, одутловатым лицом, с крупным носом и тяжёлым подбородком, в громадной коричневой шляпе с чёрной лентой. Она шагала, запыхавшись, продолжая что-то бубнить себе под нос, и, поравнявшись со мной, грозно рявкнула:

– Куда подевался этот оболтус?

Мгновенно выросший во мне внутренний протест, против такого обращения, да и поведения незнакомки, оформился в безобидную ложь:

– Вон туда он побежал, – сказал я, и указал в конец перрона.

Про себя я почему-то подумал: «Не дай бог, и тётя Настя, к которой я еду, окажется женщиной с таким же властным характером, да ещё и внешне похожей на эту неприятную даму». За этим неожиданным происшествием я не заметил, как ко мне подошла мама и услышал:

– Ты что, не слышишь, Юра? Третий раз тебя спрашиваю – ехать-то собираешься?

Мамин голос вернул меня к реальности, у меня словно отлегло от души, и мы, вцепившись в лямки вещмешка, поспешили к нашему вагону с четвёртым номером. Проводница, женщина с добрыми, внимательными глазами, проверила билет и попросила стоящих в тамбуре мужчин помочь мне дотащить мешок до места «двадцать восемь». Я стоял в тамбуре и видел, что моя мама что-то тихо говорила проводнице. Та согласно кивала головой и понимающе улыбалась, изредка поглядывая в мою сторону. Потом я выскочил на перрон, и только тогда пронзительно почувствовал, как я не хочу никуда уезжать. Я безучастно стоял рядом с мамой и только что не скулил, как потерявшийся щенок. Но пришло время отправления, и проводница поманила меня пальцем:

– Поднимайся, сынок, сейчас отправляемся. Иди, устраивайся, я тебя скоро чаем напою.

Всё, что тогда бушевало у меня в душе, я потом постарался выразить в стихотворении «Мои поезда», в котором не только первые впечатления от этой поездки, но и другие, всякий раз новые, когда я отправлялся по дорожному мне маршруту:

*Я поезд полюбил с тех давних пор,
Когда на лето уезжал в деревню.
Не запирали двери на запор
Тогда ещё в вагончиках тех древних...*

*В вагон плацкартный затащив рюкзак,
Наполненный московскими харчами,
И ткнув его на полку кое-как,
Я на перрон бежал, обратно к маме.*

*И прижимался к ней, что было сил,
А колокольное уже металось эхо.
Я, как щенок, тихонечко скулил,
Но понимал, что надо было ехать.*

*Ждала меня там мамина родня –
В деревне, что скрывать, натушно жили –
И сельская босая ребятня
За трудодни, как взрослые, трудилась.*

*Потом стоял я долго у окна
С нахлынувшей недетскою тоскою,
Пока среди людей была видна
Фигурка мамы с поднятой рукою.*

*А после лез под самый потолок
На пыльную пустую полку
И, кутаясь во встречный ветерок,
Лежал, в окно уставясь, втихомолку.*

*Попахивало угольным дымком.
Платком махала поезду девчонка.
И чёрно-белым медленным гуртом
К реке брели послушные бурёнки.*

*Мелькали перелески и поля,
Безлюдные глухие полустанки.
И вдоль дороги дружно тополя
Раскачивали кроны, словно в танце.*

*Я для себя как будто открывал
Волшебный мир, большой и непонятный,
Пока костром не вспыхивал овал
Озёрной глади в пламени закатном.*

*Под стук колёс я спал без всяких снов,
Под голову засунув безрукавку,
И продираал глаза от первых слов,
До полки долетавших: «Милославка»...*

*Ох, как любил я в детстве поезда,
Плывущий мир, чудесный заоконный,
И, может быть, любил бы их всегда...
Но где он, тот, мой старенький вагончик?*

Грустный, я поплёлся в свой отсек, где мои попутчики стали расспрашивать меня, но, видя моё сумрачное настроение, оставили в покое. Я забрался на свою верхнюю полку (внизу у окна, за столиком, напротив друг друга, сидела пожилая пара) и, устроившись поудобнее, уставился в окно. Вообще-то, я был большой любитель поглазеть по сторонам. Когда мы компанией ездили купаться в карьеры сорок второго километра по Казанской дороге, дорога меня радовала больше, чем само купание.

Подошла проводница и предложила чаю, но мои соседи по отсеку дружно отказались. Ко мне она обратилась отдельно:

– Юноша, спускайтесь вниз и пойдёте со мной ко мне в купе.

– Зачем тётенька?

– Спускайтесь поскорее, всё узнаете.

Я послушно спустился, соседи, мне показалось, посмотрели на меня с сочувствием, как на успевшего в чём-то провиниться.

Мы подошли к её купе в самом конце вагона, и проводница, широко улыбнувшись, предложила мне сесть за столик, на котором дымились два стакана в подстаканниках и лежали бутерброды с маслом и колбасой. Пахло так аппетитно, что у меня невольно, как говорится, слюнки потекли.

– Садитесь, молодой человек, закусите, и вспомните добрым словом свою маму, которая обо всём заранее позаботилась. Если позволите, и я с вами заодно чайку попью.

Я от смущения залился жарким румянцем, и мялся в дверях, не зная, как мне поступить.

– Садитесь, садитесь, что ж вы мой труд не цените. Остынет же чай, а я так старалась, – вконец смутила меня проводница.

Звали её Зоя Ивановна. Мы выпили ароматный чай с бутербродами, и она рассказала мне, что у неё дома сидит и поджидает маму такой же сыночек, о котором тоже заботиться соседка по квартире...

Выйдя от гостеприимной проводницы, я вновь забрался к себе на полку и с большим удовольствием стал наблюдать за оконными картинами. Мелькала и проносилась мимо чужая жизнь, неизведанная и загадочная. Я безотрывно смотрел на раскинувшиеся поля, перелески и зелёные луга, на блестящие от солнца речки и озёра, на синее небо с белыми барашками облаков, которые словно плыли за поездом следом, не отставая и не обгоняя его.

Я следил, затаив дыхание, за незнакомой жизнью, на секунду приоткрывающейся в мимолетных картинках: вот стадо чёрно-белых бурёнок разбрелось по необъятному лугу и я, как ни старался, так и не смог увидеть пастуха; вот на пригорке стоит девчонка и машет проезжающему поезду красным платком, будто провожая кого-то в дорогу. Не успеешь подумать о том, кто она, о чём думает и мечтает, как открывается новая картина: по просёлочной дороге, словно соревнуясь с поездом, пылят две полуторки, – мне даже показалось, что я слышу, как они сигналият.

Вечерело. Заря ещё играла всеми красками, но приближающаяся ночь уже охватывала своей усыпляющей лаской не-

жащуюся под благодатными лучами природу. Мелькали полустанки, Богом забытые деревушки, леса сменялись полями, над выющейся среди луговины речушкой низко стелился туман, а над дальними пригорками ярко светилась оранжевая полоска. Колёса мерно отстукивали бесконечную усыпляющую дробь. Когда поезд мчался по железнодорожному мосту, то стук колес у него был какой-то особенный: звонкий и пронзительный. Особенно громким он становился, когда неожиданно за окном со свистящим гулом по соседней колее проносился встречный поезд.

Ночь постепенно вступала в свои права, но спать совсем не хотелось. Законы картины помрачнели, но темнота была не глубокая. Прямо в окно глядел полный месяц, красноватоматовый, ливший мягкий, серебристый, застенчивый полусвет; слегка подёрнутый дрожащей пеленой и окружённый темнеющими мелкими облачками, которые, казалось, оглядывали его со всех сторон и временами прятали от посторонних глаз. Стараясь не шуметь, я осторожно спустился с полки и пошёл в тамбур вагона. Вокруг наступило царство сна, в тамбуре никого не было.

Я некоторое время постоял, глядя в окно двери, попробовал открыть, и она свободно открылась. Не знаю, забыла ли проводница её закрыть, а, может, двери в тех вагонах вообще не запирались, тогда я об этом не задумывался. Я сел на пол и, ухватившись за поручни, спустил ноги на ступени, и чуть не захлебнулся резким ветром от быстрого движения поезда. С непривычки заслезилась глаза, но удовольствие было непередаваемое. Немного страшновато, но я сидел удобно и крепко держался за поручни и, казалось, мог бы так сидеть до самого утра. Сквозь темноту мелькали жуткие тени от деревьев. Небо было звёздное. Звёзды в отличие деревьев, стояли неподвижно. Я легко отыскал единственное созвездие, которое я знал – Большую Медведицу. Даже в такой темноте я пытался что-то разглядеть. Вон там, очень далеко крошечными точками светились окошки невидимых домов, и ночные фонари вереницей сменяли друг друга. Тусклым светом своим навевали они тоску и напо-

минали о том, что где-то тоже кипит жизнь со своими заботами и радостями.

Вдруг подумалось, что проводница может застать меня в таком положении. И что тогда будет – лучше не думать. Я закрыл дверь и отправился на своё законное место. Забрался на верхнюю полку, поглазел ещё немного в тёмное окно. Также бежали назад фонари, слышался глухой лай собак, чьи-то крики... Потом, незаметно заснул сном праведника и не видел никаких снов, если не считать слов проводницы, которые, мне показалось, я услышал во сне. Но – нет:

– Молодой человек, пора вставать. Через полчаса ваша станция. Давай, дорогой товарищ, собирайся. Я договорилась, твой груз тебе помогут на перрон выгрузить. Там-то тебя с таким мешком встретят?

– Не знаю. Мама говорила, что каждый день есть попутные телеги. Спасибо вам, Зоя Ивановна.

Время было раннее: в окна вагона едва забрезжил матовый рассвет. Так же, стараясь не шуметь, я скоренько собрался, чувствуя некоторую дрожь перед надвигающейся неизвестностью. Потом, много лет спустя, эти дорожные впечатления превратились в стихотворение «По ночной России»:

*Состав толкал глухую темень,
Колёса отмеряли путь,
И за полночь шагнуло время,
А мне в дороге – не уснуть.*

*В пустом вагоне у окна я
Стоял с бессонницей своей.
Передо мной неслось, мелькая,
Безлико скопище теней.*

*Как будто вымерла Россия:
В любую сторону взгляни;
И мрака навшего стихию
Не гонят редкие огни.*

*Вот словно нехотя, понуро,
Состав нашёл перрон ночной.
Фонарь, смотря на поезд хмуρο,
Качал разбитой головой.*

*В тиши сокрытое житьишко,
Как будто жизнь ушла тайком...
Толчок – и сонный городишко
Растаял в сумраке ночном.*

Стоянка поезда была всего три минуты. За это время добрые дяди помогли мне вытащить из вагона мой неподъёмный мешок. Поезд, набирая скорость и, усиленно дымя, отправился в путь, а я остался на голой земле и ещё долго с удовольствием вдыхал сладковатый дымок паровоза. Немного позади меня стоял длинный сарайчик, станция моего назначения, с надписью, сделанной из деревянных брусков «Милославское». Ночь уходила восвояси. Свежее утро начинало один из последних весенних дней.

Огляделся. Вокруг ни души. На горизонте виднелись слабо пробивающиеся сквозь дымку тумана робкие лучи восходящего солнца. На другой стороне небосклона заходила еле заметная белёсая луна. В ту же секунду у меня по всему телу от прохладного ветерка пробежала мелкая, но приятная дрожь. Рядом со строением я увидел нежившуюся кошку. Она лежала, вытянув лапки, подставив восходящему солнцу свой рыжий животик. Видимо, ей даже не мешал ветерок, трепавший её пушистую шёрстку, наслаждаться дивным, погожим утром. На меня она не обращала внимания, и на её помощь рассчитывать не приходилось. Шутка шуткой, но было непонятно, что предпринять и что делать с неподъёмным грузом. Я вновь остался в одиночестве, в полной неизвестности, и постепенно меня стал одолевать страх беспомощности.

Но что-то надо было делать. Тащить мешок я мог лишь волоком, и только я собрался это сделать, как из-за строения показался человек, огляделся и направился прямо ко мне. Это был

мужчина неопределённого возраста, сутуловатый с окладистой бородой, в помятом картузе. На нём был сильно поношенный пиджак с заплатками на рукавах, серые свободные штаны, заправленные в кирзовые сапоги, никогда не выдавшие сапожной щётки. Он шёл не торопясь, вразвалку и, подойдя ко мне, глуховатым голосом спросил:

– Ты что ль будешь Юрий, гость из столицы?

– Он самый, – только и смог промямлить я в ответ.

– Тогда забирай свой мешок, и пойдём к подводе. Тебе, парень, сильно повезло, что председателю именно сегодня меня на станцию сгонять понадобилось. Иначе мытариться бы тебе до завтрашнего утра, покуда бардовоз не прикатил бы.

– Вы, знаете, дяденька, – залепетал я почти жалобным голосом, – мешок у меня очень тяжёлый, я его поднять не смогу.

– Ну, это дело поправимое, – незлобивым голосом сказал мой спаситель. – Давай, берись за ляжку, потащим вместе, одному-то мне несподручно, рука болит дуже.

Мы, подхватив мой тяжеленный мешок, направились к станционному строению и, завернув за угол, по небольшой безлюдной площади пошли к стоящей телеге, запряжённой пегой лошадёнкой. Сзади повозки переминался с ноги на ногу такой же масти маленький жеребёнок, поводом связанный с телегой. С трудом закинули в телегу мой вещмешок. Дед, как я про себя его назвал, обошёл вокруг телеги, взгромоздился на передок, свесив ноги, и проговорил ворчливым голосом:

– Ну, чего стоишь, полезай ко мне. Устраивайся, – вон сено с рогожкой, авось доведу тебя, мил человек, до хаты твоей тётки. Хочешь, подремли пока, километров двадцать без малого нам трястись.

Я проворно запрыгнул в телегу. Все мои сомнения мгновенно улетучились. Судьба всё решила за меня, и мне оставалось только любоваться чудесным тёплым утром и радоваться новой жизни, с которой предстояло познакомиться и подружиться. Мне очень этого хотелось, ведь жить в деревне у тёти Насти предстояло почти три месяца. На такой долгий срок я ещё ни разу не отлучался из дома. Что меня ожидает, приживусь ли?

Раньше я как-то не задумывался об этом, и только теперь вдруг осознал, что пути назад нет. Что меня ждёт впереди, моё воображение мне не подсказывало. Телега между тем отправилась в путь. Возница лошадь не подгонял, и она шла себе по просёлочной дороге, никуда не торопясь.

И только теперь, озираясь по сторонам, я вдруг увидел живую благоухающую природу. Казалось, будто ничего необычного: поля, луга, перелески, кое-где дорога переваливала через небольшие холмы, но было что-то завораживающее во всём окружающем. Ничего подобного ранее мне видеть не приходилось. Впечатления захлестнули меня, мне кажется, что я потерял дар речи, и глазел по сторонам с открытым ртом, буквально затаив дыхание. Воздух был невероятно вкусного запаха, совершенно непередаваемого, но поразившего меня сразу и на всю жизнь. Деревенский запах! Как часто потом и с какой радостью я вспоминал его, благодаря судьбу за то счастливое время моего беззаботного детства.

Потом я ещё не раз путешествовал по этой обычной сельской, просёлочной дороге и не уставал с восторгом глядеть на согревающие душу русские просторы. Вот, как спустя годы, я постарался передать лишь малую толику этих впечатлений в стихотворении «Дорога»:

*Скрипит телега. День сияет,
Рисуясь ранней красотой.
С примятой мелкою травой
Дорога ровная петляет
Среди холмов и убегает
Вдаль бесконечною верстой,
Туда, где с низеньким крыльцом
Меня ждёт старьёй отчий дом.*

*В отгадки с памятью играю:
Вон роща, кузница, река.
От встречи с Родиной слегка
По телу дрожь. Дурман вдыхаю,*

*Гляжу, гляжу... К родному краю
Я долго шёл издалека.
Всю жизнь я верил, что вернусь
И детству в ноги поклонюсь.*

*Рожь молодая зеленеет
По длинным скатам, и волной
Играет бесконечный строй.
Полоской впереди желтеет
Деревня. Аромат густеет.
Берёзки сгрудились толпой,
Листвой ласкаясь по щеке,
Как в том далёком далеке...*

*Скрипит телега. Гомон звонок:
Горластый хор над головой.
Трясусь, обласканный судьбой.
И не набравшийся силёнок,
Смешной извивый жеребёнок
Бежит за матерью рысцой...
«Эй, голенастый, мы – родня!
Ты тоже счастлив, как и я».*

И сколько бы я ни ездил в крестьянской телеге по той просёлочной дороге, всякий раз новые впечатления тревожили душу, и всякий раз хотелось выразить эти незабываемые ощущения. Рождались новые и новые стихи. Вот небольшой отрывок из ещё одного стихотворения «Рязанские мотивы»:

*По небу полосы цветные.
И польхнувшая заря,
Нырнув в бескрайние моря,
Спугнула дремлющий покой,
Махнула рыжею косой.
И, раскрасневшись, что есть силы,
Встаёт багровое светило.*

*Затмив нестойкий нежный локон,
Свет хлынул яростным потоком,
Бескрайним маревом разлился,
В бездонной выси закружился.*

*Приветно краски заиграли,
Ясней и ближе стали дали.
Деревня, куполом сверкая,
К реке прижалась. Обнимаясь,
Берёзки с елями сдружились.
К воде ракиты наклонились.
И утра свежее дыханье,
И росных звёздочек сиянье,
И небо чисто, невесомо...
Земля моя... В ногах истома.
А сердце, будто бы в темнице,
Трепещет, бьётся, словно птица.*

*Под перелив лесного хора
Неспешно выбрался на гору.
Картина – глаз не оторвать:
Пологие холмы и падь,
И сквозь туман видна слегка
Белёсо-синяя река...
Встречая вольные ветра,
Луга бескрайне зеленеют,
Как островки, средь них белеют
Ромашки. Дивная пора!*

*И чибис памятным рассветом
Кричит, наверное, об этом.*

Провожатый мой поначалу производил впечатление человека замкнутого, неразговорчивого и не любопытного, но на самом деле оно оказалось обманчивым. Звали его Фёдор Гаврилыч, был он какой-то неопрятный, с изуродованными, как будто

сильно обожжёнными, пальцами на руках, (потом я узнал, что в деревне его все называли Федя-корявый). Впрочем, я вскоре убедился, что внешнему виду деревенские жители не придавали сильного значения: все были одеты одинаково неброско и очень просто. Я узнал от него, что дома наши находятся рядом, через избу, в которой живёт Федосья Ивановна, отсидевшая два года за то, что принесла с колхозного поля брюкву. Сильно обозлилась на весь мир, и лучше мне её сторониться: злобная баба до невозможности. А тётка Настя, к которой я и еду погостить, спокойная и добрая женщина, в колхозе её очень уважают, и сама председательница с ней советуется. Брательник мой Натолька (так он его назвал, – впрочем, так его звали все в деревне) хоть парень работающий, но подурачиться тоже большой мастак. Повернувшись ко мне и убедившись, что я не сплю, сказал:

– Хозяйство у тётки немаленькое, скотины хватает, так что и тебе, парень, тоже работа найдётся.

Я, увлечённый всем увиденным, промолчал, а он продолжил:

– А ты, поди, приехал позагорать да в речке покупаться? В столице-то, что ни день, одно кино да игры всякие?

Мне стало обидно, что он меня каким-то барчуком считает. Я ему, не скрывая обиды, и выпалил:

– Кому нужны кино и игры, те все в пионерских лагерях, а мне там не по нутру. Здесь свобода, а нахлебником не буду, может, сгожусь на что-нибудь.

– Ну, ты, парень, не ершишь. Брат у тебя толковый, быстро всему научит. Оно, глядишь, в жизни пригодится. Ещё благодарить и вспоминать это время будешь...

Тогда мне даже в голову не могло прийти, какими пророческими в итоге окажутся эти слова.

Три часа пролетели незаметно, телега катилась по деревенской улице: слева в ряд избы с палисадниками, почти все под соломенными крышами, справа сады и какие-то невзрачные постройки.

– Это «Верхняя деревня», а там дальше, под уклон, дорога в «Нижнюю», – сказал Фёдор Гаврилыч, – готовься к встрече. Там, поди, заждались тебя.

Я смотрел во все глаза, пытаюсь про себя угадать то место, где мне предстояло провести всё лето. Наконец, телега встала, и Фёдор Гаврилыч с доброй улыбкой, глядя на меня, тихо сказал:

– Видно, за делами забыли про тебя. Давай, беги в избу, зови Натольку. Скажи, пусть тачку выкатывает: иначе вам твою поклажу в дом не затащить.

И только я подошёл к калитке, как навстречу мне из дома выскочил босой белобрысый паренёк в серых полосатых штанах, закатанных снизу по щиколотку, и холщовой рубахе навывпуск. Он подбежал ко мне и в нерешительности остановился. Я тоже был в некоторой растерянности. Потом он по-взрослому протянул руку:

– Давай знакомиться: Анатолий.

Я тоже с радостью сжал его ладонь и ответил ему под стать:

– Юрий, вообще-то меня так ещё никто не величал.

Мы оба дружно расхохотались, знакомство состоялось. Не знаю, какое я произвёл на него впечатление, но мне мой брат понравился сразу. Я стал говорить ему про тачку, и в этот момент на пороге избы показалась его мать, тётя Настя. Это была нестарая ещё женщина с усталым, но добрым лицом. Внимательные, глубоко посаженные глаза придавали лицу некую строгость. Волосы были забраны под туго повязанный платок, поверх длинного платья был надет серый фартук.

– Вижу, что уже познакомились. Как добрался, племянничек? Наверное, проголодался. Давайте в избу. Сегодня у нас на завтрак оладьи. Самовар уже закипел.

– У меня тут вещмешок, тётя Настя.

– Ну, вы его выгружайте. Гаврилыч, зайди на минуту.

Анатолий побежал за тачкой, и пока он её катил к подводе, я пытался справиться с мешком, но опустить его на землю мне так и не удалось. Поднатужившись, вдвоём мы водрузили поклажу на тачку, и Анатолий покатил её к дому. Фёдор Гаврилыч как раз собрался уходить:

– Ну, пострел, – обратился он ко мне, – заходи, ягодами угощу, у тётки твоей таких отродясь не было.

Мы втащили мешок в дом и сумели поднять его на табурет, стоящий у стены под окошком. Пока тётя Настя подходила к нам, Анатолий развязал узел, и перед нами раскрылось содержимое. Я сам впервые увидел, чего там напаковали мои родители: пакеты с крупами, сахар большими кусками, банки тушёнки и ещё с чем-то, пакеты с ирисками и карамелью, соль, несколько кусков сыра, сушки и две здоровенные бутылки с подсолнечным маслом... Пока тётя Настя всё это разбирала, Анатолий сумел незаметно открыть одну из бутылок, налить в стакан, как он потом сказал мне, для пробы. Смотреть на него после пробы было и смешно, и жалко. А вот матери его было совсем не жалко: и брат незамедлительно получил звонкую затрецину. На этом знакомство с подарками было завершено.

Потом, я с превеликим удовольствием уплетал за обе щёки деревенские оладьи. Моя мама больше любила печь тоненькие, бездрожжевые блинчики с маслом и песком. Не знаю, что в оладьи добавила тётя Настя, но они были вкусны необычайно. Таких, румяных и поджаристых, с густой сметаной и вкуснейшим творогом, мне раньше никогда пробовать не доводилось. Вообще здешняя еда сильно отличалась от московской, но скажу сразу, что вся неприхотливая деревенская пицца, приготовленная в русской печи, в чугунках, которые ухватом ставились на стол, с дымком, с необыкновенным вкусом, была очень аппетитна. А всего-то – каши пшённая да пшеничная, щи постные или суп гороховый, фасолевый, крупяной, непременно картошка с тем, что растёт на огороде, да чай из самовара с румяной баранкой или сушками. И молоко – пей, сколько влезет.

Несколько раз тётя Настя укладывала репки в чугунный горшок до самого края и ставила его на ночь в теплую печь. И даже это незатейливое угощение с солью казалось каким-то необычным и очень вкусным.

Я с любопытством разглядывал дом тёти Насти, представив для себя сразу, что это дом, который похож на дом моей матери. Такая же изба, в которой мог родиться и я, если бы моя мама не уехала в город. Я даже представлял себе её на месте тёти Насти, и от этого дом становился мне ещё роднее.

Это была обычная деревенская изба: рубленая, снаружи обмазанная глиной, поверху выкрашенная в белый цвет. Сенцы разделяли её на две половины. Левая – состояла из двух комнат. Дальняя была горницей: чистая светлая комната с двумя окошками, высокой железной кроватью, длинным деревянным, гладкоотруганным столом и лавками вдоль стены. С ней соседствовала комната с большой русской печью и земляным полом, чему я поначалу очень удивился. За печью был тёплый закут, а сверху большущая лежанка. Боже мой, чего на ней только не было, и сколько хранилось всевозможных запахов! Ещё запомнилась тяжёлая железная печная заслонка и душник, отверстие, куда я приспособивал трубу от самовара. Я часто потом в мелочах вспоминал этот милый, ставший мне родным, дом, о чём и говорит стихотворение, которое так и называется «Дом детства»:

*Беленький дом под соломенной крышею,
Рига, пристройкой амбар.
Старый малинник вокруг яблони с вишнею,
Летний полуденный жар.
Русская печь с необъятной лежанкою,
Лавки, некрашенный стол.
Комнаты две, в той, что звали «землянкою»,
Глиняный стынущий пол.
Чистая, скромная, тёплая горница,
Гладко отструганный свод,
И на кровати – с пятнистою мордочкой –
Бубликом дремлющий кот.
Пол закрестили дорожки тряпичные:
Красочных ленточек хор.
И к покрывалу руками привычными
Выткан красивый подзор.
Милый мой дом и пора босоногая
Снятся, по сердцу скребя...
Милая мама, любимая, строгая –
Как не хватает тебя.*

Справа к сенцам примыкал амбар, с которым мне пришлось хорошо познакомиться. Над амбаром, на чердаке у Анатолия жили голуби, а в глубине над сенцами был большой пахучий сеновал, – зимние запасы на корм скоту: у тёти Насти была корова, пять овец, свинка и, конечно, белые хохлатки, яйца которых я потом находил в различных местах на огороде и в прилегающем овражке. За сенцами был вход в хлев, который у меня тоже надолго остался в памяти. Как-то свесившись через загородку в игривом настроении, я попытался поймать свинью за хвост, а это на вид неповоротливое животное, мгновенно развернувшись, лягнуло зубами совсем рядом с моей ладонью, едва успел я отдернуть руку! Быстро уяснил, что забавы тут неуместны – быть бы мне без пальцев.

И, конечно, не могу не вспомнить рыжего кота, спокойного и добродушного. Как-то раз, возвратившись с рыбалки, я, видя спящего на лежанке кота, поднёс к его носу пойманную рыбку. Мне показалось, что кот, не просыпаясь, хотел схватить угощение, но я мгновенно отдернул руку, и он, бедный, с высоты плюхнулся на земляной пол. Я тут же искупил свою вину за неуклюжую шутку, и кот с рыбкой убежал на улицу. С этого момента началась наша дружба. Из всех домочадцев кот признавал только меня. При любом удобном случае запрыгивал мне на колени, и если я спал в доме, он обязательно пристраивался рядом. В деревянях кошек едой не очень балуют, так что я старался как-то разнообразить его рацион.

Однажды он задумал разнообразить его сам, и попытался добраться до ласточкиного гнезда под стрехой амбара. Но оно было значительно выше чердака, и добраться до него было невозможно. Однако стаю ласточек он напугал очень сильно. Они кружились и галдели в страшной тревоге, а когда кот, поняв бессмысленность своей затеи, спустился на землю, они, вытянувшись в цепочку, стали пикировать, стараясь клюнуть его в голову. Маленькие птахи бесстрашно нападали на своего врага! Сначала кот терпел, но в итоге не выдержал и, перевернувшись на спину, стал отчаянно отбиваться от них всеми лапами, а потом и вовсе сбежал с поля боя в ближайшие кусты.

Почему я вспомнил этого первого кота, с которым мы стали большими друзьями? Видимо, есть во мне нечто такое, что привлекает ко мне этих симпатичных животных. В жизни со мной часто были рядом эти зверушки, ласковые и независимые одновременно. Однажды сын, зная мою любовь к этим животным, подобрал сидевшего под проливным дождём бездомного котёнка. Это оказалась худенькая кошечка, которая сразу доверилась моим рукам. Она с первых дней стала, как привязанная, ходить за мной, а при возможности и забиралась на колени. Кошечка выросла настоящей красавицей. Она была полосатого «тигрового» окраса, с рисунком в виде параллельных полос. Не уставала поражать меня своей сообразительностью и необычайной преданностью. Безо всякой дрессировки, словно понимая человеческую речь, она выполняла самые различные команды. Всегда чувствовала моё настроение и старалась показать своё расположение, и даже издаваемые ею звуки всегда были под стать настроению. Любовь наша была взаимна. Этому другу я даже посвятил стихотворение «Бессловесная любовь»:

*Сын пожалел пушистого зверька:
Принёс домой бездомного котёнка.
Казалось, что в глазах его тоска,
Какую можно видеть у ребёнка.*

*Котёнок рос, пуглив и молчалив –
Он оказался кошечкой сибирской,
Она, в тепле и нежности пожив,
Своею стала в маленькой квартирке.*

*А улицы боялась, как огня,
Лишь только приближался час унылый,
То обнимала лапами меня
Со всей своей слепой когтистой силой.*

*Но приласкаться шла всегда ко мне,
Как будто говоря: «Не обижайся».*

*И в тишине вечерней, в полусне,
Мурлыкала мне все кошачьи тайны.*

*Бывало, возвращаюсь я домой
Совсем без сил, урюмый и усталый,
Дверь открываю с мыслию одной:
Попить чайку и в сон, под одеяло.*

*Она сидит, готовая к прыжку,
И вдруг – я замираю и немею –
Ползёт по брюкам и по пиджаку,
И мягким носом тыкается в шею...*

II

За несколько следующих дней своего пребывания я осмотрел всё кругом и ходил уже босиком, как и все деревенские мальчишки. Нашу избу прикрывала раскидистой кроной старая громадная ветла. Вокруг был жердевой забор. Забором его назвать было сложно – он просто обозначал прилегающий двор. Жерди от ветра, непогоды и солнца со временем отполировались и побелели. Вдоль проезжей дороги от дома к дому бежала утоптанная тропинка. Напротив, через дорогу, возвышалась в виде конуса, покрытого соломой, большая рига – хозяйственная постройка для сушки и обмолота снопов. За ней раскинулся старый яблоневоый сад, весь заросший малиной. Между нашей хатой и домом Михаила Ефремовича, одинокого слепого старика (мы его звали дядя Миша), был живописный проулок: два ряда высоченных вётел и какая-то невысокая, выстилающая весь проулок, плотная, упругая трава. Бегать по ней босиком было сплошное удовольствие.

Этот проулок напрямиком выходил на необъятный выпасной луг, по нему петляла неширокая, быстрая речушка Полотебня, которую через полкилометра перегораживала земляная плотина. Вода падала с высоты трёх метров вниз, обдавая всё вокруг

искрящимися брызгами. Это место называлось «Шум». Рыба облюбовала это глубокое озерцо, именно здесь можно было иногда встретить рыбака. Правды ради, надо сказать, что взрослым было не до рыбалки: дел в колхозе в летнее время невпроворот, а людей было маловато. А вот в образовавшемся перед плотинной водоёме рыбу почему-то не ловили. Дальше речка ныряла в густой Подовеченский лес. В этом месте через речку был проложен деревянный мостик, по которому мы бегали в Борщёвку, в маленький магазинчик за хлебом и баранками. По нему же в деревню из Скопина с самыми необходимыми товарами для жизни изредка приезжала товарно-продуктовая автолавка.

Дом и прилегающая округа стали для меня настолько родными, что я с тех пор мысленно считаю этот край своей малой родиной. Строки многих стихотворений написаны под этими впечатлениями. Вот одно из них, посвящённое моей матери, «Пенаты»:

*Ёжится день от дождя морозящего,
Словно распухла дорога в селе.
Пору осеннюю ветры студящие
Гонят листвою по Рязанской земле.*

*Рыжей пургой налетев в Милославское,
Вихрем шумящим умчались в Скопин...
Вижу я мазанку с низкими ставнями,
Чувствую запах родных луговин.*

*Мне не забыть белохатую Знаменку,
Чистенький дворик, ветлу до небес,
Как поутру я с любимой маменькой
Шёл по грибы в Подовеченский лес.*

*Помню я имя тропинки проулочной,
Той, что, петляя, бежала к реке;
Помню как старый Никифор над ульями
Сладко дымил в небольшом хуторке.*

*Всё западает здесь в душу влюблённую:
Крик петушиный и посвист кнута,
Руки, тяжёлым трудом измождённые,
И породнившая всех доброта...*

*Дружно поля зеленеют озимыми.
Вот и околица, верхний ручей.
Вновь я вернулся на землю родимую
Из неуютного мира дождей.*

*Стелется под ноги тишь необъятная,
Душу больную ласкает покой,
Да у просёлка осинки опрятные
Что-то мне тихо лепечут листовй.*

Однажды брат и его закадычный дружок, которого в деревне звали «Соловей», предложили мне пойти с ними в поход за мёдом. Где можно раздобыть дикий мёд я не представлял, и мне быстренько объяснили, что позаимствуют его у земляных пчёл. Они отличаются от обычных пчёл: головка тёмно-коричневая или почти чёрная, тельце может быть окрашено в разные цвета – чёрный, зелёный, оранжевый и даже голубой. Рой у них небольшой. Подземные ходы, которые они роют, не превышают метра в длину, но это целая разветвлённая сеть полукруглых туннелей, всегда заканчивающихся тупиковыми «кельями», где откладываются личинки и строятся соты из воска, которые заполняются мёдом. Всё это мне популярно изложили любители наживы.

– И как же мы доберёмся до мёда? – удивлённо спросил я.

– Отыщем вход, они нам его сами покажут. Потом, работая лопаткой, будем двигаться по подземному ходу, пока не доберёмся до гнезда, – сказали друзья. – А чтобы определить направление хода, лопаткой плашмя по земле постучим, они своим жужжаньем и укажут направление.

– И много добудем мёда?

– Нет, с грецкий орех, но дюже вкусный.

- Так нас же перекусают всех, и правильно сделают.
- Не успеют, они будут вылезать, а мы их передадим.

Я был просто ошарашен услышанным: разворотить построенные с таким трудом тоннели, чтобы забрать ложку мёда – всё, что подземные жители заготовили на зиму за весь сезон? И ради этого уничтожить пчелиный рой! Стал их отговаривать изо всех сил:

– В конце концов, у Никифора можно попросить, сами говорили.

Но друзья на мои уговоры не поддавались, взяли лопатку и пошли. Очень мне не хотелось участвовать в этом варварстве, но, надеясь все же отговорить их по дороге, поплёлся за ними. Пришли на луг, улеглись на траву и стали высматривать: где пчела заберётся в землю. Наконец, нашли гнездо. И только Соловей собрался копнуть, как Анатолий вдруг вскрикнул:

– Соловей, мотаем, объездчик!

Я тоже увидел человека на лошади, который направлялся в нашу сторону от мостика. Мы, как ошпаренные, рванули к лесу. Неслись, что было силы, разве что не летели. Я и без объяснений догадался, что за порчу луга по головке не погладят. Удрать нам удалось, но мои бедные босые ноги горели ярким пламенем. Наверное, я испугался больше их, подумав, что если бы попался, то что могла подумать про меня тётя Настя! И какая последовала бы за это кара? Но душа моя втайне порадовалась: ведь пока я их отговаривал, прошло время, объездчик успел подъехать и застал нас на месте преступления.

Вообще, деревенский уклад всё поменял в моей жизни: мне понравилось вставать с восходом солнца, любоваться его заходом: для этого я часто ходил на реку – как хорошо мечталось в одиночестве! Природа окружила своей заботой, словно приняла в свои объятия, как блудного сына, вернувшегося домой из городских каменных джунглей. У меня будто раскрылись глаза, и всё окружающее вдруг приобрело яркий цвет и пьянящий запах. Из-за кровожадных насекомых я старался не спать в избе, разве что на лежанке. Мест для сна было предостаточно, благо лето выдалось на загляденье: тёплое и сухое. Я облюбовал себе

место на сеновале. Эти яркие впечатления сохранились в строках стихотворения «На сеновале»:

*Была такая тишина,
Что я проснулся в душном мраке.
На небе жёлтая луна
Качалась, словно старый бакен.
Жил полной жизнью сеновал,
Врываясь в лето духом санным.
Ленивый ветер волны гнал,
Качая океан Вселенной.
И день, и ночь, за веком век
Мир каждый миг распахнут настежь,
Я, словно, первый человек,
Лежал без сна в блаженном счастье.*

А когда было душно, устраивался в амбаре – какая прелесть спать в полнейшей тишине, только в зерновых закромах слышится какое-то шуршание. Незабываемые впечатления легли в основу стихотворения «В деревне»:

*Какая прелесть – спать в амбаре
Во время летней духоты:
Лежишь в прохладе, словно барин,
Среди застывшей темноты.*

*И хлебным духом сладко пахнет
Зерном набитый «арсенал»,
Но поначалу я со страхом
К неясным звукам привыкал.*

*Вот мышь пугливая скребётся,
А это, вроде, дальний гром;
Вот под стрехою ветер вьётся,
А это дышит ларь с зерном.*

*Мне снилась роца молодая
И я, беспечный, молодой.
Над лесом туча, напухая,
Пугала близкою грозой.*

*И треск колючий, словно выстрел,
И рядом кто-то застонал.
Весёлый дождь в лицо мне брызнул,
И ветер холодом обдал...*

*Сон улетал, как не бывало...
Давно рассвет встречал петух,
Корова у ворот мычала,
И воздух рвал кнутом пастух.*

Устроил себе даже удобную лежанку в малиннике. Невозможно оторвать глаз от чистого звёздного неба: никогда раньше я не видел его таким необъятным и ярким. А проснёшься спозаранок – незабываемое зрелище: над головой туча аппетитных ягод, только руку протяни. Насладишься вволю крупной, сладкой малиной, и летишь бегом – помогать тёте Насте выгонять скотину в стадо. Пастух, как истинный хозяин раннего утра, жалил воздух кнутом, поднимая на ноги зазевавшихся колхозников. Эти впечатления о пробуждении села я попытался передать в стихотворении «Утро на селе»:

*Сполохи цветные
В небе голубом
Закружились в танце
Над большим селом.*

*Заливной духмяный
Луг лежит в росе,
Клевера синеют
В утреней красе.*

*Рядом светлооко
Озеро блестит.
В тишине бескрайней
Вся округа спит.*

*Роща, пробуждаясь,
Не шумит листвою.
Насторожен, чуток
Трепетный покой.*

*Вдруг в селе безмолвном
Прокричал петух,
И кнутом, как выстрел,
Знак подал пастух.*

*Люди, повинуюсь,
Пробудились вмиг.
Полетел по хатам
Петушиный крик.*

*Первая телега, –
Пыль из-под колёс.
Разминает кости
Полусонный пёс.*

*Вот уже и жертву
Отыскал слепень.
И пришёл к сельчанам
Новый летний день.*

Как-то брат предложил мне порыбачить, на что я ему ответил, что никогда не держал в руке удочки.

– Юрок, надо же когда-то начинать. Это занятие такое заразительное, что тебя потом с реки не дозовёшься, – запальчиво проговорил он. – Не будем откладывать, айда копать червей. Завтра с утречка и двинем.

Поднялись до восхода солнца. Утро выдалось прохладное, влезли в сапоги, натянули телогрейки – и в путь. Ночная тишина уходила, и первые утренние звуки особенно звонко улетали в высоту. Непередаваемо прекрасно летнее утро. Какое же это необыкновенное зрелище – наступление нового тёплого, летнего дня. Земля ещё сонная, а первые робкие, солнечные лучи уже начали медленно скользить по ней. Они прогоняли туман, который постепенно прощался с лугом, растворяясь в ярком свете. Мы быстро шли проулком, и я старался не отставать. А вокруг была такая красотища, о которой дома, в Москве, я не имел ни чуточки представления! Да, я, конечно, читал в книгах о живой природе, но читать и ощущать её живое дыхание – это вещи несравнимые.

Выбежали на клеверный луг. Фиолетовый цвет самых разных оттенков разливался, как бескрайнее море. Мы называли клевер кашкой, и запах от него исходил совершенно неповторимый, медово-розовый. Капельки росы то тут, то там вспыхивали яркими звёздочками под лучами солнца. Медленно поднимался край раскалённого огненного шара, и его яркий свет разливался по окрестностям. Солнышко начинало пригревать всё сильнее, становилось всё теплее и теплее, и вот уже было совершенно ясно, что день вновь будет жарким. Прямо перед нами села на тропе какая-то птичка. Она начала стрекотать и прыгать. Присмотревшись, догадался, что это трясогузка. Она повернула головку, как бы стараясь оценить незваных гостей (где-то рядом гнёздышко), и видя, что мы угрозы не представляем, взмахнула крылышками и скрылась в лазурной выси.

Как же великолепно было то необыкновенное лето – ласковое, тёплое, даже жаркое, с прозрачным, голубым небом и невесомыми белыми, светящимися облаками! Не могу припомнить пасмурных, серых дней, будто их не было вовсе. Каждое новое утро старалось предстать новыми красками и быть непременно красивее предыдущего. Помнится, что стихия только раз показала свой грозный нрав. Но какой! Такой грозы мне раньше видеть не приходилось. Потоки воды, словно громадный водопад, обрушились с небесной выси, разбрасываемые налетевшим вихрем. Внезапные раскаты грома пугали страшным треском, будто сотни

барабанов одновременно громыхали у самого уха. И страшно-вато и невозможно глаз оторвать от такого буйства стихии. Эти впечатляющие картины глубоко запали в молодую душу, чтобы много лет спустя оживить строчки стихотворения «Лето»:

*А вы бродили утром по росе?
Когда кусты в прозрачном серебре,
Тронь ветки – и окатят с головой
Звенящей, с тёплым запахом, росой.
А воздух, не забыв дневной теплыни,
Дурманит свежей горечью полыни.
Вдали стеной стоит дубовый лес,
И светел невесомый свод небес.*

*Ещё свежо – земля благоухает,
Но солнце выше, выше – наступает
Привычная июльская жара.
Согревшись паром, высохла трава.
Покой вокруг: загадочно и тихо,
Краснеет узкой полосой гречиха,
Рожь, колосясь, позолотила даль.
Есть в раннем утре скрытая печаль:*

*Очарованье – миг, и яркий день
Уже кладёт безжалостную тень
На акварельной утренней картине.
Сник бисерный узор на паутине,
И жжёт, и пышет неподвижным зноем
Колочий воздух. Бесшабашным роем
Клубами завихрилась мошкара:
В разгаре лето – дивная пора...*

*Но что это? Вдруг ветерок помчался,
Ленивый воздух вздрогнул, заметался,
Игриво зашумел зелёный склон;
И как-то незаметно небосклон*

*Свинцовым стал: да это же гроза!
Ах, что за вид – не отвести глаза:
Зигзагом, полосой сверкают ярко
Сухие молнии, и солнце светит жарко.*

*Разбухла туча, разом потемнело.
И вот уж капли крупные несмело
Упали, – и смешалось всё вокруг:
Поток стеной и грохот, и испуг!..
И тишина... Вновь солнце заиграло.
Всё ожило, призывно засверкало.
Как воздух свеж, с лугов парок кругами.
Как пахнет земляникой и грибами!*

Прибежали к Шуму. Осторожно спустились к воде. У Анатолия было своё облюбванное место. Разложили снасти и, устроившись поудобнее, приступили к рыбалке. Вернее сказать, приступил брат, а я просто забросил крючок с насаженным им же червяком в воду и продолжил любоваться просыпающейся природой. Позже, я много раз мысленно проделывал этот путь, вспоминая всё очарование раннего утра. Написал на эту тему много стихотворений. Вот одно из них «Воспоминание о лете...»:

*Вспоминаю Милославку –
Пыльный полустанок:
Развалюху автолавку
Да платки селянок.
И попутную телегу
С задремавшей сивкой,
Когда в сене в сладкой неге
Трясся, отрешившись,
Когда в горнице уютной
Пахло свежим хлебом,
Когда чутким ранним утром
Золотилось небо.*

*Отломив от каравая
Тёплую краюху,
И, запив чайком, зевая,
Мчались что есть духу,
Чтобы в брызгах водопада
Встретить луч восходный,
И жевать в речной прохладе
Овощ огородный...
И, живя, не замечали
Мы земного рая
В милом детстве без печали,
Взрослых бед не зная.*

Анатолий захватил с собой ведёрко для небольших рыбёшек и сетку на всякий случай: вдруг удастся изловить щуку, о чём он мечтал, всякий раз отравляясь на рыбалку, но она никак не попадалась, наверное, потому, что просто в нашей речке не водилась. Но кто запрещает рыбаку мечтать! А водились в нашем водоёме в основном плотва с краснопёркой, уклейка с голавлём и, если сильно повезёт, радовали рыбака караси. У брата в ведёрке уже плескались небольшие рыбёшки, а мой поплавок словно уснул беспробудным сном: замер на веки вечные. Слушая Анатолия, я несколько раз доставал крючок, проверяя, на месте ли червяк, снова закидывал – никакого результата. Это просто необъяснимо: сидим в метре друг от друга, его червяки рыбу привлекают, а от моих – она нос воротит.

Брат только посмеивался: повадки рыбы изучать надо было, она неумелых из-под воды видит. Я попытался пойти на хитрость. Вода была до того прозрачная, что всё видно, как на ладони. Я постарался подвести червяка прямо под нос плывущей рыbine: всё без толку. Мало того, она прямо в сторону шарахнулась от моего угощения, словно я ей отраву предлагал. Водопад весело шумел, и в разлетающихся брызгах вспыхивала блуждающая радуга. Плотвички с краснопёрками падали в ведёрко и, наконец, попался на крючок красавец-голавль!

А мне ничего другого не оставалось, как вернуться к прежнему занятию: любоваться расцветающей природой, пытаюсь разглядеть волшебную игру света и теней, которую ранее видеть не доводилось. Только тогда я понял, какая красота окружала меня, а я ничего этого не замечал! Каждый человек, хотя бы раз в жизни, обязательно должен встретить рассвет только для того, чтобы увидеть, как прекрасно рождение нового дня. Это совершенно незабываемое зрелище! Как же всё-таки завораживающе начинается рассвет. Тёмное небо постепенно осветляется, открывая глазам небесную красоту. Бело-серая дымка, нависшая над землей, постепенно рассеивается в воздухе и незаметно исчезает. Очень необычным кажется и запах рассвета: да, да, именно запах – его не сравнить ни с чем. Лёгкая свежесть вызывает приятное ощущение радости. Совершенно завораживающим зрелищем является пробуждение ото сна небесного светила. Об этом повторяющемся и вечно новом явлении у меня много поэтических строк: вот некоторые из поэмы «Страна детства»:

*...Ещё вчера я был в Москве
Средь шума, гама, в кутерьме.
И вот – предутренний покой
Над непроснувшей рекой.
По-дружески въюнком увита,
Склонила голову ракета.
Любуясь утренней звездой.
Природа дышит красотой:*

*Неброски и воздушны краски,
Как чудеса ожившей сказки,
И даль прозрачна и легка;
В гигантском строе облака,
Как боевые корабли,
В лазурной-розовой дали
Застыли, бросив якоря
В необозримые моря.*

*Всё ждёт, всё замерло... И вот,
Чуть позолотой небосвод
Окрашен, нежно разливаясь,
Всё выше, выше поднимаясь,
Лучится жёлто-алый свет.
Едва-едва теплом согрет
Зашевелился небосклон,
Нарушив первозданный сон.*

*Цвета всё ярче, всё сочнее,
Свет полыхает всё смелее;
Ещё мгновенье – ярко-красный
Родился диск, и мир прекрасный
С благоговеньем принял жар.
С реки поднялся лёгкий пар,
И, отряхнув сырую лень,
Родился новый летний день...*

Но, конечно же, деревенская жизнь – это не пионерский лагерь. И мы с Анатолием, бывало, целыми днями помогали взрослым, работая в колхозе. Анатолию, как совершенно взрослому человеку, доверяли серьёзную работу, и я, стараясь не отставать, во всех делах был его помощником. Случалось всякое. Помнится первая моя попытка прокатиться на лошади. Анатолий, я думаю, выбрал самую смирную, потому что седла не было: деревенские ребята и без него прекрасно управлялись. Подсадил меня, и только я попытался принять позу наездника, как лошадь быстрым движением скинула меня, да так неожиданно, что я макушкой ткнулся в мягкую траву, подумав про себя, – хорошо, что не на дороге.

Потом я всё же освоил езду верхом – ни с чем несравнимое удовольствие. Непередаваемые ощущения, совершенный восторг! Конечно, я научился свободно справляться с лошадью, запряжённой в телегу. У меня даже появилась «подруга», которую звали Зарянка: кусочек чёрного хлеба с солью подружил нас, но кроме этого, как говорил Анатолий, лошадь чувствует доброго человека, а злобливого может даже укусить, а то и лягнуть.

Чаще всего нам поручали возить бидоны с молоком после дневной дойки. Мы помогали таскать их, грузить и разгружать, а они тяжеленные: поднимали их постепенно с помощью специальной подставки. Какое удовольствие по жаркому дню, среди кружащихся запахов, неспешно трястись в телеге с нескончаемыми разговорами, а то и просто молча помечтать, думая о своём.

Бывало, меня отправляли потрудиться в зерновом бункере комбайна. Зерно летит в бункер непрерывным потоком, а я должен был успеть, работая руками и ногами, распределить его равномерно, чтобы оно, не дай бог, не просыпалось за борт. А зерно дышит, шевелится, живёт – столько в нём всякой живности! Кажется, простая работа, а к концу дня ни рукой, ни ногой пошевелить сил не оставалось. Хорошо, если находилась попутная повозка к дому, а нет – плетёшься по дороге с единственной мыслью: доползти до кровати.

Но больше всего мне нравилось работать на конных граблях. Это двухколёсная конная повозка, сзади которой опущены до земли, расположенные в ряд, загнутые прутья. Когда повозка едет по полю, то эти грабли собирают оставшуюся траву или сено, и когда наберётся достаточное количество, специальным рычагом они поднимаются, и остаётся, собранный в валок, небольшой стожок для последующей уборки. И это незабываемое время навсегда осталось со мной:

*...И словно не было разлуки.
Светает. Слышу утра звуки,
И, расставаясь с детским сном,
Бегу во двор. Пастух кнутом
Стреляет, стадо собирая.
В домах, калитки отворяя,
Выводят коз, овец, коров,
И в том гурте не счесть голов.*

*А тётка уж гремит ухватом,
И, значит, вскоре вместе с братом*

*Попробуем из чугунка
Пшеничной каши, а пока
Бежим Зарянку запрягать.
Сегодня сено собирать
Мы будем конными граблями.
С тех пор бескрайними полями*

*Я еду много-много лет...
Неизгладим тот яркий след,
Когда в пятнадцать лет от роду
Влюбился в русскую природу...*

Тяжёлый крестьянский труд остался в памяти, как часть беззаботного и счастливого детства. Эти воспоминания вновь и вновь заставляют обращаться к тому деревенскому житью, непродолжительному по времени, но очень богатому жизненными впечатлениями, которые не меркнут с годами и сами собой слагаются в строчки стихотворений. Такие, например:

*Молчит петух, а я уж на ногах...
Был летний день, обычный день из многих.
Лежала на мальчишечьих плечах
Для тёти Насти «знатная» подмога:
Сперва скотину в стадо проводить,
Затем в покосе жарком, взявши грабли,
Подсушенное сено ворошить,
Собрать его спеша в стожки до хлябей.*

*Но не было счастливее меня
Тогда, когда мне вожжи доверяли.
Я, чёрным хлебом «угостив» коня,
Спешил туда, где «ваньку» поджидали.
Как лёгок был мой этот первый путь
В телеге со скрипящей полуосью...
Не знал, что вспомню я когда-нибудь
И запах ржи, и птиц разноголосье.*

Постепенно яркий день, словно не желая уходить, но не в силах сопротивляться выползающим из-за кустов и из оврагов теням, терял краски. И так же, как был красив, настолько же красиво желал он и проститься. Наступало время красочного представления под названием «вечерняя заря». Казалось, что я видел его много раз, но оказывается, не видел ни разу. Как же изумителен – этот летний закат! Светило скатывалось с вершины, и горизонт постепенно вспыхивал ярким огнём. Жёлтое, слепяще яркое днём, оно меняло свой цвет и оттенок на более мягкий и тёплый, который, словно невесомая шаль, укрывал всё вокруг. Небосклон окрашивался в золотистые, розоватые, оранжевые и красноватые тона. Дальний лес на фоне фиолетовых оттенков становился далёким и таинственным. Ласковый ветерок после жаркого дня разносил лёгкую прохладу. Всё оживало, наполняя свежестью и душистыми, росными запахами замирающую природу. Это настроение умиротворённости позже отразилось в стихотворении «За околицей»:

*Над полями тихо реял золотистый свет,
В тёплом воздухе струился запах букет.
На гигантских рыб похожи, плыли облака
Нежно-белые, по кромкам – алые слегка.
Конь щипал неторопливо молодой острец.
Передразнивал кого-то посвистом скворец.
Еле слышно доносились звуки топора.
Синей узенькой полоской дальнего костра
Тёк дымок. Мошка звенела. Изнывал бурьян
Под дорожной пылью серой. Наползал туман.
Темнота росла, густела... И над всей землёй –
Необъятный невесомый сказочный покой.*

Однако, как я убедился, лучше всего на вечернюю зарю любоваться у реки. Вода неподражаемо передаёт краски вечернего неба. Отражаясь от водного зеркала, солнышко словно бы создаёт дорожку, тропинку из света, по которой, размечтавшись, можно унести в сказочный мир. Вот оно прячется за вер-

хушки деревьев, словно огненный розово-красный шар, затем медленно опускается всё ниже и ниже, оставляя на небосводе зарево уходящей красной зари. Всё увиденное так незабываемо, что возникает огромное желание остановить волшебный миг этого чудного летнего вечера, этой неповторимой вечерней зари! Лучше за меня скажут, передав мои незабываемые впечатления и надежду на новую встречу, строки следующего стихотворения:

*Лучи зари бежали по росе
И падали доверчиво в ладони.
Катилось солнце по речной косе,
Пугая тени на белёсом склоне.
Ночь остудила летнюю жару,
И свежий воздух густ и неподвижен,
И только в это время, поутру,
В безветрии черёмух шепот слышен.
А по небу цветной водоворот
По синеве нетронутой лучится.
Оттенком новым светится восход,
И завтра он уже не повторится.
И нужно было, замерев, смотреть,
Противясь быстротечности разлуки,
Чтоб сохранить в себе, запечатлеть
Живые краски, запахи и звуки...
Хранить счастливый миг и в час, когда
Те чувства скрытой болью шелохнутся –
Пуškai на миг, но всё ж прийти сюда
К черёмухе щекою прикоснуться.*

Много раз я сбегал в одиночку к реке, чтобы примостившись на берегу, вновь и вновь пережить эти необыкновенные мгновенья передачи эстафеты от дня к ночи. И каждый раз находил новые, ранее не виданные, оттенки, не переставая удивляться искусности и щедрости природы. Там, на берегу, под тихий плеск воды, было так хорошо помечтать. Время невозвратно

ушло, а строчки стихотворения «Река» напоминают мне о тех прекрасных мгновениях:

*Люблю в тиши на берегу реки
Смотреть на воду, как, загустевая,
Уходит за волной волна скупая,
Любовно омывая ивняки.
Люблю в тиши вечернею порой
Их плеск негромкий благодарно слушать,
И ощутить, как растревожит душу
Летающих мыслей животворный рой.*

*И этот разметавшийся покой,
И это ощущение благодати,
На уходящем тлеющем закате
Меня роднит с притихшею рекой.
И, пряча воды за небесный свод,
Катясь степенно меж лугов росистых,
Река, поняв, мои подхватит мысли
И в будущее тихо понесёт.*

В деревню возвращалось стадо, нам с Анатолием нужно было встретить и загнать скотину. Правда, подгонять сильно не приходилось: животные хорошо знали дорогу к дому, нам нужно было лишь проводить их и закрыть загон. После вечерней дойки нас ожидал стакан парного молока. Я долго не мог привыкнуть к необычному вкусу, но в итоге распробовал и полюбил.

Каждый вечер мы поджидали почтальона. Почему-то почту в деревне разносили по вечерам. Мы с нетерпением ждали очередного номера «Пионерской правды». В ней в это время публиковалась повесть Александра Авдеенко «Над Тиссой». Небольшими отрывками, на треть листа, на последней странице. Переживая за судьбы героев, мы тут же прочитывали отрывок, делились впечатлениями и, в ожидании следующего номера, строили догадки на будущее.

Иногда по вечерам мы с Анатолием ходили к нашему слепому соседу дяде Мише. Он жил один вместе с беспородным псом по кличке «Серый». Это был настоящий и верный друг. Не дворняга, а красавец! Умный и сообразительный, казалось, что он всё понимает, лишь сказать ничего не может. Когда его окликали, он поднимал морду и смотрел прямо в глаза говорящему, как будто пытаюсь по губам понять человеческую речь. Его умные глаза выдавали какую-то грусть, которая не покидала его никогда. Мы никогда не слышали его лая, только, бывало, подойдёт к хозяину, прижмётся головой к коленям и поскулит негромко, о чём-то своём, собачьем.

А дядя Миша никогда не грустил. Кроме Анатолия, и другие соседи помогали ему, чем могли. На селе его все любили. А он всеми силами старался не быть людям в тягость. Однажды он показал мне, как колет дрова. Это стоило видеть. Слепой человек выдумал множество хитрых приспособлений в виде разнообразных клиньев. С их помощью он топором разделявал на полешки толстые чурки, да ещё с множественными сучками. Такие поленья разрубить не всякому зрячему человеку под силу. Я, помню, как-то раз попробовал, и ничего у меня не вышло.

Мы не раз оставались у него на весь вечер. Он нам всегда был рад, а мы не уставали слушать его рассказы о прошлой жизни. Дядя Миша в бытность свою жил в Сибири, работал лесником в леспромхозе. Привык к одиночеству. Его друзьями долгое время были звери да птицы. Он настолько хорошо изучил их повадки, что они, наверное, принимали его за своего. Из рассказов выходило, что часто звери его совершенно не сторонились, и, мало того, даже обращались за помощью. Как же были интересны и поучительны его рассказы. Казалось бы, простой человек, но он так аппетитно и образно рассказывал свои истории, что картина словно оживала перед глазами, будто мы только что вместе с ним видели это своими глазами. Особенно меня впечатлил рассказ о встрече с медведем.

Была середина ноября, снег уже выпал и по ночам уже бывал лёгкий морозец. Дядя Миша был на обходе, и вдру на

него внезапно вышел медведь. Он по какой-то причине не залёг в спячку, а встреча с рассерженным мишкой ничего хорошего для человека не сулила. На какое-то время оба замерли на месте. Явной агрессии медведь не проявлял. Дядя Миша ранее нам рассказывал, что медведи к человеку относятся дружелюбно, но от встречи всегда стараются уклониться. Хочешь избежать с ним встречи, – иди по лесу и пой или свисти, обозначай своё присутствие, и мишка всегда уйдёт от нежелательной встречи. Или ещё проще: иди по ветру, чтобы твой запах летел впереди тебя. Медведь его за версту учует и обойдёт тебя стороной. Дядя Миша быстро сорвал с плеча двустволку и, два раза пальнув в воздух, бросил её на снег. Медведь постоял ещё несколько секунд и, повернувшись, ушёл в сторону. Все эти воспоминания присутствуют в строках стихотворения «Лесник»:

*В старом доме жил старик.
В дождь, накинув дождевик,
Уходил старик из дома.
Весь продрогнет до костей,
Поседевший дуралей,
И придёт в свои «хоромы».*

*А когда зимой завьюжит,
Он всегда спешит наружу,
Словно ждут его дела.
Так и рвётся в непогоду,
Будто узник на свободу,
От домашнего тепла.*

*Где-то ходит день-деньской
Неприветливой порой,
А придя окоченелый –
Отогреется; потом
Обласкает дом трудом,
Раны вылечив умело.*

*Дом его причуды знает,
Терпеливо ждёт, встречает,
Но никак не разберёт:
Почему он в день несносный
На печи не греет кости,
А совсем наоборот.*

*Раз пришёл старик без сил,
Дом, не выдержав, спросил,
Скрипнув ставнями негромко:
«Ведь не видно же ни зги...
Умоляю, помоги
Разгадать головоломку». –*

*«Друг ты мой, тут нет секрета.
В гиблый день, зимой и летом,
Смерть шатается в лесу.
Я её капканы знаю,
Вместе с нею проверяю
И кого-нибудь спасу».*

Но чаще всего мы поздними вечерами были у себя дома: или проводили время за чтением, или просто делились впечатлениями, а иногда тётя Настя нам тоже рассказывала разные истории из колхозной жизни, о военной поре. Время было тяжёлое, голодное, работали не покладая рук, до полного изнеможения. И дисциплина была военная, наказания были суровыми, вплоть до тюрьмы – бывали и такие случаи. Для Анатолия это не было откровением, а мне трудно было представить, как по дворам на телеге развозили колхозных овец, которых нечем было кормить, чтобы колхозники своими скудными кормами помогли спасти общее поголовье. Голод на селе коснулся каждого, потому что почти весь урожай, все продукты: мясо, яйца, молоко и всё, добытое трудом детей и женщин, – колхозники отдавали для фронта.

Но больше всего мне запомнились вечера, когда тётя Настя пекла в печи каравай ржаного хлеба. Предварительно днём мы

с Анатолием должны были натолочь нужное количество муки. Доставалась тяжёлая деревянная ступка, выдолбленная из части ствола дерева, и длинные закруглённые толкушки, которыми нужно было толочь зерно, засыпанное в ступку, пока оно не превратится в тонкую муку. Протолчём порцию зерна, выгребем муку и засыпаем новую порцию. Длительное и довольно утомительное занятие. Долбишь изо всех сил по очереди, стоит ударить неловко – зерно, а того хуже готовая мука, вылетали из ступки наружу. Как ни старались, но огрехи случались. Под конец работы, все в белом, мы становились похожи на настоящих мельников.

Потом тётя Настя месила тесто, мы растапливали печь и замолкали в ожидании. Я очень любил это время. Слышался весёлый треск разгорающихся поленьев. Дом наполнялся теплом, запахом горячей смолы и дымка. Мерцающие блики от первых язычков огня начинали бегать наперегонки по стенам – печка постепенно просыпалась. Я тогда понял, что такое русская печь. Никакие рассказы не могут передать того родного и глубокого чувства дома, которое пробуждается в душе, когда разгорается огонь в печи. Ведь для русских людей русская печь с лежанкой всегда была символом очага, семьи, любимым персонажем народных сказок.

Но всё-таки главным назначением печи всегда было и остаётся приготовление пищи. А выпечка хлеба – это настоящее таинство. Выпечка начиналась уже после того, как прогорали дрова. Тесто помещали в печь с помощью деревянной лопатки, после чего ставили на место заслонку. Непередаваемое чувство, когда избу наполнял душистый аромат горячего хлеба, а вместе с ним тепло – и ещё что-то такое, о чём душа моя раньше и не догадывалась, чего не объяснишь словами. В такие минуты и тётя Настя добрела, глаза её светились радостью, которой в её жизни было не очень много. Не зря я назвал своё стихотворение с этими впечатлениями «Розовое счастье». Вот отрывок из него:

*...Как под самый вечер после дойки
Пил с баранкой козье молоко,
И в окне, за ригию по-свойски,
Звёздочка плыла невысоко.*

*А в печи с открытой заслонкой
Танцевал огонь на спинах дров.
Я мечтал, смотря заворожённо
Этот танец до отрадных снов.*

*А когда по небу ярко-синий
Разливался ласковый рассвет,
Я босой летел в сырой малинник,
Зная, что меня счастливей нет...*

*И при встрече с часом своевластным
Горькою печальною порой,
Я хотел бы розовое счастье –
Запах детства унести с собой.*

В эти вечера засыпалось особенно сладко. А как хорошо мечталось в нетронутой тишине! Весь день проплывал перед глазами, как в замедленном кино. И каждый из них был каким-то особенным. Я представить себе не мог, что самая простая крестьянская жизнь может быть такой интересной. Люди не улыбочивые, но очень добрые. Бывало, я проходил по тропинке вдоль домов, а какая-то незнакомая женщина чуть не силой затаскивала меня в избу со словами:

– Ты же Алексеев сынок. Заходи, милоч, молочком попою.

Я, краснея от стыда, отнекивался, но в итоге подчинялся, думая про себя: что такого сделал мой отец, что его до сих пор помнят и уважают? Было приятно. Однажды тётя Настя попросила меня сходить в Верхнюю деревню за ведром, которое до сих пор кто-то не вернул. В ведро мне насыпали красных, медовых яблок, и я довольный пустился в обратный путь. Дорога уже пошла под уклон, когда я решил попробовать яблоко на вкус. Только откусил, как на меня буквально набросился рой пчёл. Я в панике (хорошо, что сообразил), бросив ведро, понёсся к реке, и с разбегу бросился в воду. Только так и спасся. Потом, когда Анатолий рассказал об этом на ферме, доярки так хохотали, только что на землю не попадали от смеха. Оказывается, надо было выбросить

яблоки, и надеть на голову ведро. Но этот добродушный смех долго звучал в моих ушах. Стоит только подумать о том времени, как воспоминания выплёскиваются в новое стихотворение. Вот одно из них, посвящённое моему брату:

*На рязанском небе ни единой тучки,
Перегретый воздух сладок и упруг.
Полдень полон звоном, розовый и жгучий,
В запахе духмяном разметался луг.*

*Этот луг бескрайний «Знаменки» примет,
И в ночном мальчишки дружно у костра.
Где-то затерялось пламенное лето
И смогло присниться только лишь вчера.*

*Вековые вётлы дремлют на закате,
Горизонт далёкий призрачен и ал.
Здесь когда-то жил я в пятистенной хате,
На лежанке русской сладко засытал.*

*Пахло тёплым хлебом в горенке уютной,
В простоте крестьянской крылась красота.
И скотину бабы выгоняли утром
Чуть слышав звуки звонкого хлыста...*

*Что порой навевает сладкий сон глубокий,
Не пугает грёзы вспыхнувший рассвет:
Бабушкины сказки старины далёкой
Возвращают в детство невозвратных лет.*

Но бывали ночи, которые мы с Анатолием проводили без сна. Это случалось тогда, когда нас отправляли в ночное. С нами были неизменный Соловей и ещё один мальчишка, которого звали Малыш. Паренёк действительно был младше нас, а главное – маленького роста. Он с таким рвением выполнял поручения Соловья, стремясь во всём ему угодить, что я даже подумал,

а не брат ли он ему. Стреноженные кони небольшим табуном паслись на знакомом лугу, а мы располагались на берегу речки, заранее принеся с собой картошку и небольшую вязанку сучьев для костра. Как только костёр разгорался, мы подбрасывали в огонь сухой коровий навоз: подсохшие серые блины, которых на лугу было в избытке. Костёр сладко пах дымком и давал отличный жар, именно такой и был нужен для запекания картошки.

И тогда думалось: как бы хорошо не было днём, летняя ночь по-своему прекрасна, особенно после дневной жары. С наступлением сумерек от реки шло приятное ощущение прохлады, особенно когда дул тёплый и ласкающий ветерок. Белая луна красиво отражалась в воде. Где-то неподалёку издавали приятные звуки светлячки и светились таинственным светом. По всему небу разбросаны тысячи звёзд и, если хорошо взглянуть, можно увидеть созвездие Большой и Малой Медведицы, а может, даже и Полярную звезду. В какой-то момент всё затихало. Понимаешь, что всё вокруг спит, тишину ничто не нарушает, не слышно ни пения птиц, ни голосов людей. А какой воздух! Смачно пахло свежей травой и цветами, и этот запах кружил голову. Особенно интересно было наблюдать за падением звёзд, загадывать желание и верить, что оно обязательно сбудется. Загадывали вместе, но тайну свою никто не открывал.

О чём только мы ни говорили в это время. Мои друзья с интересом и пристрастием расспрашивали меня о жизни в Москве. С большим недоверием воспринимали мои слова о высоких Ленинских горах (ну, какие горы могут быть в городе!), о том, что велосипеды, для проезда по шоссе, тоже должны иметь номер, как и автомобили. Долго не мог объяснить моим друзьям, что такое торт. Как ни пытался, они всё упирали на какое-то ягодное угощение, которое, в свою очередь, никогда не пробовал я, а они его называли «тёр», уверенные, что это одно и то же. Я удивлялся тому, как плохо они представляют городскую жизнь, ведь они и в Скопин-то редко наведывались, а с ним они город и сравнивали. А сколько было совершенно фантастических рассказов о духах и ведьмах, которые виделись ими воочию. Моё недоверие воспринималось чуть ли не с обидой. Об этих разговорах

в тёплую летнюю ночь можно писать отдельный рассказ, но я ограничился небольшим стихотворением:

*Речушка упряталась в Знаменский луг,
В плотину толкаясь, легко разлилась.
Шумящей струёй шелестит водопад.
Стреножены кони пасутся в ночном,
Печётся картошка в шипящем костре,
Два мальчика смотрят на быстрый огонь,
Мечтая о будущей жизни большой.
Над ними несметное сонмище звёзд,
И стелется по лугу полный покой,
И в нём бесконечны и звёзды, и ночь...
А где же костёр? Отгорел и погас.
А где же мальчишки? Уже старики...*

Развлечений в деревне почти не было. Был сельский клуб, скорее обычный сарай, освещаемый керосиновыми лампами, с десятком длинных лавок, для зрителей, когда в деревню приезжал киномеханик. Тогда «вечёрка», на которую собиралась сельская молодёжь, начиналась с демонстрации кинофильма. В это время и мы с Анатолием тоже стремились в клуб. Занятны и памятливы были первые сборы. Когда брат увидел на моих брюках отглаженные стрелки, он тут же потребовал у своей матери, чтобы и на его брюках были такие же. И тут выяснилось, что в хозяйстве утюга не имеется. Тётя Настя намотала брюки на большую скалку и специальной доской с ручкой и зубцами на поверхности стала катать по столу скалку с брюками – так в деревне происходил процесс глажения. Ничего другого своему сыну мать предложить не могла.

На вечерку поехали на велосипеде: он за рулём, а я примостился на багажнике. Хорошо помню, что тогда киномеханик привёз хорошо мне знакомый фильм «Александр Пархоменко». Когда фильм закончился, при выходе из клуба неожиданно случилась перепалка: к нам пожаловали ребята из соседнего села «Казачье». Когда на вечерку приходили соседи, стычки

случались частенько. Услышав в темноте голос Анатолия, я тоже полез в шевелящуюся кучу, и тут же получил хлыстом или нагайкой по спине. Спину зажгло ужасно. В это время ко мне подскочил Анатолий и вытащил меня на воздух. Боль постепенно уходила. Кто-то видел, как меня огрели в потасовке, и задрал мою рубаху. Рубец, по возгласам, оказался приличный, но зато присутствующие за смелость меня зауважали.

Незванные гости ретировались и всё пошло своим чередом: девчата непрерывно лузгали семечки и танцевали друг с другом под гармошку. Ребята стояли кучками, курили самокрутки и громко смеялись какой-нибудь шутке. Они тоже танцевали, но как-то не активно, такое впечатление, что в мужской компании им было сподручнее. Но всё равно было интересно видеть танцы на плохо освещённой песчаной поляне, под гармошку и с постоянными шутками и смехом. Так развлекалась молодёжь после рабочего дня. Расходились поздно, а ведь на работу – с восходом солнца!

Когда явились домой, Анатолий рассказал матери о произошедшем. Тётя Настя чем-то смазала спину и завернула меня в полотенце. Утром положила на спину какие-то листья, и через пару дней я был совершенно здоров.

А назавтра был новый день, новые впечатления. На удивление, я, с большим трудом вытерпевший одну смену в пионерском лагере, жил уже два месяца вдалеке от дома и, часто вспоминая свою мать, на самом деле домой не рвался. Я знал, что этот подарок судьбы не вечен, и старался наглядеться и надышаться впрок, как будто зная заранее, что потом буду вспоминать это время всю оставшуюся жизнь. Что и случилось на самом деле. Стихи помогали мне вернуться в то золотое время, которое оставило в моей душе яркий след. Вот одно из воспоминаний – «Песня детства»:

*Думы за полночь тронули сон.
Песня детства мне слышится где-то...
Снова слышу полуденный звон
Золотого рязанского лета.*

*Я бегу по песчаной косе
В облаках лугового дурмана...
Жизнь летит в перевозданной красе,
В птичьих криках, цветах и туманах.*

*Благодарная память хранит
Лучик света пронзительно алый,
И предутренный шёпот раки,
И пахучий уют сеновала.
Открываю глаза... Петухи
В предрассветной зашились лихорадке.
И стремглав из-под ветхой стрехи
Вылетают на волю касатки.*

*Новый день улыбается мне
Бирюзой с золотистым отливом,
В деревенской моей стороне,
Небогатой, но самой счастливой.
Босиком выхожу на крыльцо.
Тянет яблоня тонкую ветку...
И любовно мне гладит лицо
Милый край беззаботного детства.*

Но время неумолимо. И мало того, в это благодатное лето оно пронеслось так стремительно, что дни просто замелькали перед глазами: рассвет – закат, рассвет – закат... А ночи были такими короткими, словно их и не было вовсе, разве что у костра в ночном. Бывало, только устроишься на сеновале, как уже петух побудку горланит. Я привык ходить босиком, как и все деревенские мальчишки. Не загорая на солнце специально, потемнел и обветрился до неузнаваемости. Я научился управлять лошадью, ездить верхом без седла, колоть дрова и управляться с русской печью, разжигать самовар, таскать по два ведра воды от колодца, окучивать картошку и отыскивать яйца кур, которые они прятали по укромным углам. Многому научила меня эта жизнь на природе. Вообще деревенская

жизнь – это совершенно особая жизнь. Мне судьба предоставила такую возможность, и я убедился, что это и есть настоящая жизнь. Не зря она не отпускает меня до сих пор, а вернее, те юношеские годы на протяжении всей жизни всегда со мной. Жизнь в деревне – это наслаждение природой, общение с простыми людьми, это, наконец, свобода, которой не может быть у городского жителя.

Настал день моего отъезда. Грустный день. Мне показалось, что даже тётя Настя в этот день была со мной как-то особенно ласкова. Накануне она испекла необычный каравай, наверное, из муки, приготовленной без нашего участия. Запах в хате был умопомрачительный. Упаковала хлеб в специальный холщовый мешочек с завязками и уложила в мой вещевой мешок. Туда же насыпали целую кучу отборных жёлто-красных яблок. Момент расставания остался в стихотворении «Мамин дом»:

*Ветла с чернеющим дуплом
Склонила ветви молчаливо,
Соломой крытый старьёй дом
Стрижей привадил говорливых.*

*На сердце детская тоска,
На сердце робкая тревога:
Сверкнуло лето, и близка
Разлука – дальняя дорога.*

*Последний заревом закат
И ночь – дышать, не надыхаться.
Подвода, поскуневший брат
И время грустное – прощаться.*

*Не знаю, свидимся ли вновь.
Как угадать, что будет с нами?..
Но ждёт меня под мамин кров
Ветла с понишими ветвями.*

Я очень надеялся вернуться сюда вновь, и судьба в будущем исполнила моё желание. А тогда мы погрузились в подводу. Председатель колхоза Мария Фёдоровна не сразу, но всё же выделила Анатолию подводу, наверное, за мои трудовые «подвиги». Бывало, она нас сама благодарила за помощь. К тому же, как мне сказал Анатолий, за меня тоже трудодни «капали», так что тётке Насте я тоже был не в обузу. И вот мы тронулись в путь. Анатолий спереди, а я сбоку телеги уселся на сенную подстилку, свесив ноги. Было даже непривычно засовывать ноги в ботинки, пришлось потрудиться: ступни раздались вширь, и ботинки оказались маловаты. Брюки и заправленная рубашка тоже стесняли движения. Солнце старалось изо всех сил, чтобы впечатления от жаркого красивого дня остались в моей памяти на всю жизнь. Запахи кружили голову, так мне нравилось это смешение ароматов сена, цветов, унавоженной земли и просто устоявшегося запаха деревни, ни на что не похожего и породнившегося с природой.

Мы ехали, почти не разговаривая, расстроенные вынужденным расставанием. Да и говорить-то особенно было не о чём: вроде всё переговорено. Мы твёрдо договорились писать друг другу. Список книг, которые я обещал ему прислать, лежал у меня в рюкзаке. Оставалось только на прощанье постараться запомнить все греющие душу мелочи, которые неизвестно когда придётся увидеть снова, да и придётся ли... Кто знает, что нас поджидает за поворотом... Наверное, тогда мне приходили в голову мысли, которые потом переплелись со строчками стихотворения, в котором я представил себя не гостем, а человеком, покидающим родину:

*Жара томила. Тихо лошадёнка
Брела, не поднимая головы.
Не уставая, жаворонок звонкий
Пел, растворясь в просторах синевы.*

*Наискосок по выпасному лугу,
В низину к серым стареньким мосткам,
Скрипя легонько, колёй упругой
Тряслась телега по родным местам.*

*Ещё чуть-чуть – и скроется деревня,
Как только луг прижмётся к озерку;
И жердевой загон, большой и древний,
Вселил мне в душу робкую тоску.*

*Я всё смотрел, смотрел не отрываясь,
Как лезли ели на крутой обрыв,
На то, как речка, спину выгибая,
Блестела сквозь листву плачущих ив.*

*На золотую хлебную равнину,
На островок берёзок вставших вкруг;
На пыльную обочину в поляни
Со сладковатой горечью вкруг.*

*А вот и полустанок: домик, касса,
С травой пожухлой маленький газон.
И добрый дядя подсказал: «В запасе
Лишь три минуты, чтобы сесть в вагон».*

*...Я день тот летний часто вспоминаю,
Я даже помню, что была среда,
И как был счастлив: в город уезжаю...
Ах, если б знать, что еду навсегда.*

Мы простились с Анатолием, но на всю жизнь остались верны нашему обещанию: никогда не расставаться. И ту детскую клятву мы выполнили. Больше полувека прошло с того золотого времени, жизнь била нас и мотала, но разлучить не смогла.

Сама судьба, словно идя навстречу, когда мы уже были взрослыми, чуть было не свела нас на Дальнем востоке, где мы оба проходили военную службу на Тихоокеанском флоте в соединениях морской авиации. Анатолий – после окончания военного училища, офицером по радиотехническому оборудованию, а я – старшиной первой статьи, при прохождении действительной воинской службы механиком радиотехнического оборудования.

Не угадала судьба только с местом службы: Анатолия направила в Советскую Гавань, а меня во Владивосток. Разделяли нас всего-то тысяча километров, но тогда встретиться нам было не суждено.

Сейчас бывший офицер морской авиации СССР живёт в Балашихе, а я – бывший сухопутный моряк, а в дальнейшем создатель специальной техники, живу в Москве. Видимся мы, к сожалению, редко, но связи не теряем...

И вот я снова лежу на полке, в окне вновь мелькают поля, луга, перелески. Колёса поют свою извечную песню. И всё вроде бы также, и одновременно совершенно другое. Прошло совсем немного времени, но я понимаю, я отчётливо чувствую, что стал совершенно другим человеком.

Колёса отстукивали дробь, я пытался понять и объяснить себе своё новое состояние. На самом деле, произошедшее со мной было вполне объяснимо. Я неожиданно оказался внутри живой природы, когда можно не только смотреть картинки и читать книжки, а видеть, трогать, нюхать, слышать, пробовать... В этот момент чувствуется в душе какое-то особенное умиротворение. Ведь ни одно самое красивое описание, ни одна иллюстрация в книге не могут заменить созерцания утренней и вечерней зари, необъятного луга с его удивительными запахами, ранней рыбалки вблизи шумящего водопада, общения с домашними животными и особенно с лошадью – терпеливым, понятливым и добрым существом. Кто способен проскакать верхом без седла, тот сохранит это непередаваемое чувство полёта на всю жизнь. Мне много раз в жизни снился один и тот же сон. Сон о вечно живом, счастливом времени:

*Счастливый сон вчера приснился мне:
С родным оконцем низкая лачуга,
Вихрастый мальчик на гнедом коне
Скакал босым по заливному лугу.*

*Встречая утро, пели соловьи.
Мне был знаком пострел голубоглазый,*

*Я силился припомнить имя и
В наезднике себя узнал не сразу...*

*Мне ранним утром улыбалась мать,
И ждал проулок из громадных вётел.
Свою мне удаль некуда девать,
Я счастлив и беспечно беззаботен.*

*Меня встречал шумящий водопад,
Простор полей дарил мне хлебный запах.
Ещё не лазил я в колхозный сад,
И дед Матвей не звал меня «растяпой».*

*Из горькой чаши я ещё не тил,
На удивленье ловким был и гибким,
В короткой жизни я не совершил
Пока что ни одной своей ошибки.*

*И пусть был не богат мой милый дом
В тяжёлой той поре послевоенной,
Но, Боже мой, ещё я не знаком
С болезнями, разлукою, изменой...*

*В жестокий мир несёт меня гнедой,
Я воздух детства на скаку глотаю.
Что ждёт меня за дальнейю верстой?..
Я в тот прекрасный миг ещё не знаю...*

Тогда, своим детским умишком, я совершенно отчётливо ощутил, что это короткое время заставило меня взглянуть на свою городскую жизнь иными глазами. У меня в душе нарастало чувство, которое рождало непоколебимую уверенность в том, что счастлив лишь тот, кто чувствует и слышит природу, кто способен черпать силы в ней, и находить поддержку в трудных ситуациях. И ещё – я неожиданно понял, что равнодушие к окружающему миру – один из самых страшных человеческих

пороков. Поэтому, для меня особенно близки строки стихотворения Фёдора Ивановича Тютчева:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

Я возвращался домой, в Москву, другим человеком. Словно отрешившись ото сна, я увидел то, что незаметно проходило мимо меня. Именно тогда, когда вся эта живая красота вдруг стала мне близка и понятна, – я словно заново родился. Теперь я совершенно уверен в том, что люди, которые остаются глухи к красоте природы, существовали, и будут существовать, но их неумение чувствовать – достойно только сожаления, ведь они живут в этом мире, словно в потёмках.

Нина ДУБОВИЦКАЯ

Нина Александровна Дубовицкая – поэт, член МГО Союза писателей России, руководитель ЛИТО «Ясноцвет». С 1987 по 2001 год – член ЛИТО «Трёхгорка», с 2002 по 2007 год – член ЛИТО «Наша Пресня» при МГО Союза писателей России. С 2008 по 2015 год – член клуба «Московский Парнас». Автор 20 сборников стихов. Редактор-составитель нескольких поэтических сборников, выпущенных ЛИТО «Ясноцвет», участница многих поэтических сборников.

Награждена медалями от МГО Союза писателей России. Как редактор-составитель книги «Огненные горизонты Первой Мировой» награждена дипломом «Лучшая книга 2014–2016 гг.».

Живёт в Москве.

ПЛАМЯ ЗАРИ ЗАВЕТНОЙ...

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Всё чаще смерть косила молодых.
Мальчишек-воинов от всей души «жалела»,
И, провожая юность в стан святых,
Со временем она помолодела.

На откровенность вызывая жизнь,
Она шептала: «Ты меня пугаешь!
Ведь молодость тебе принадлежит,
А ты её на гибель посылаешь».

И был ответ: «Во лжи погрязла я.
Перед тобой раба поганых денег,
И молодость – заложница моя.
Зловещей правды никуда не денешь!

Продажная перед тобой стою.
Когда отдам долги свои, не знаю.
А молодые воины в раю
Твой образ молодой благословляют».

НА ЗАРЕ ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ

Гнутся прибрежные ивы,
Листья роняя с ветвей.
Ветра шальные порывы
С каждым мгновеньем сильней.

На сиротливые листья
Лёг поминальный рассвет –
Словно невидимой кистью
Вечность оставила след.

Перестрадавшие горе
Чуют сердцами – не зря.
Цвет человеческой крови
Напоминает заря.

Лишь бесноватому ветру
Памяти боль нипочём.
Пламя зари заветной
Не говорит ни о чём.

ПАМЯТИ ВАДИМА КОЖИНОВА

Знал Россию наизусть.
Зреньем ясновидца
Открывал народу суть
Вековых традиций.

Русь родную понимал
И умом, и сердцем.
Как свою, воспринимал
Боль единоверца.

Много вёрст он отмахал
В поисках селений,
Где в забвеньи прозябал
Самородный гений.

На заре и в небесах
С думой о России
Всей души его размах
Вечности по силе.

МАМЕ

Памяти Ольги Михеевны Шуваловой

Чудеса любви в душе храня,
Помню, что не мёдом и малиной
Вылечила матушка меня
От сорокоградусной ангины.

В дни горячей немощи моей
Мама от меня не отходила...
Солнышко рассветное при ней
И нежней и ласковей светило.

Мамина улыбка, мамин взгляд,
Ласковой руки прикосновенье –
Всё, как в доброй сказке, шло на лад.
Всё дарило мне выздоровленье.

Наше небогатое жильё
Показалось мне светлицей рая –
«Матушка, ты солнышко моё!» –
Я шептала, маму обнимая.

Торжествует истина веков –
В свете солнца всех цветов единство.
Главное в основе всех основ –
Солнечная радость материнства.

Галина РОМАНОВА

Галина Александровна Романова – поэт, прозаик, публицист, член МГО Союза писателей России (2012), член Союза журналистов России (2009), член правления ЛИТО «Метафора» городского округа Балашиха. Автор и соавтор более 20 книг, сборников и альманахов, в т.ч. «Хрустальная капля», «Под ливнем дней», «Хочется жить», «И музыкой прощалась ночь», «Какое ты разное, небо», «Наш завод. Время. События. Люди», «Балашиха. Прошлое и настоящее», «День Победы: Международная антология поэзии», «За веру и Отечество», «Своих не бросаем», «Родники России», «Родники Подмосковья», «Рать», «Стихи, воспевшие Победу». Произведения и материалы об авторе печатались в журналах «Воин России», «Крылья Родины», «Юность», «Смена», «Великороссь», «Московский вестник», «Подмосковный летописец», «Открытый урок. Подмосковье», «Балашиха: Голоса сердец» и др., в газетах «Московский литератор», «Литературная газета», «ЕНП. Подмосковье», «Факт» и др. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов. Имеет многочисленные награды за профессиональную, общественную и литературную деятельность.

Живёт в г. Балашиха Московской области.

И ЛИШЬ МЕРЕЩИТСЯ ПОКОЙ...

С ТОБОЙ, РОССИЯ!

Этот воздух российский привольный
Наполняет надеждами грудь.
Этот звон сквозь века колокольный
Пролагает нам праведный путь.

Мы богаты сердцами и душами
И величием наших святынь.
Голос предков мы слышим и слушаем.
Сердце Родины! Бейся, не стынь!

Нас питают ключи благотворные.
То покаемся, то согрешим.
Непокорные мы! Непокорные!
Мы на помощь повсюду спешим.

Не спугнуть нас словами и ордами,
Не потерпим ни лжи, ни оков.
Были, есть и останемся гордыми –
Никогда не боялись врагов!

Я бегу за твоими рассветами
Не чужими, твоими дорогами.
Я живу наших предков заветами
И твоими, Россия, тревогами.

Снова вижу, любимая Родина,
Эту вещую радугу снов:
Как ты смотришь задорно и молодо
В ярком золоте всех куполов.

ПЛОЩАДЬ ГАГАРИНА

Застыл истории момент –
Как центр непознанной Вселенной.
Отлит в титане монумент –
Как символ мощи дерзновенной.

Сквозь годы вынес на плечах
Судьбу страны майор Гагарин,
Сияет в солнечных лучах
И снова к звёздам рвётся парень.

Он за собой зовёт наш век.
Он навсегда – тот самый, первый,
Взлетевший в космос человек.
Он не боится звёзд и терний.

Таких же тысячи парней,
Его к вершине возносили –
И не забыть своих корней
Надевшей триколор России.

Нам снова – время обгонять!
Летит титановый Гагарин.
И не идти России вспять:
Зовёт нас к звёздам этот парень.

НА ПУШКИНСКОЙ

Тебе, о, Пушкин, поклониться
Пришли на площадь в центр Москвы.
Стоим, подняв к подножью лица
Под сенью липовой листвы.

Под парусами флагов синих
Плывёшь с бульвара до Тверской,
А вслед тебе глядит Россия –
И лишь мерещится покой.

Бурлят, шумят в фонтане струи,
Звучат над площадью слова,
И рифма новый мир волнует –
Твоя поэзия жива!

Пусть будем мчаться к Триумфальной
Сквозь вьюгу самых грозных зим,
Но пред тобою персонально
На Пушкинской притормозим.

Мы снимем шапки преклоненно,
Цветы возложим на гранит.
Твой голос, Пушкин, незабвенно
Великим словом нас роднит.

СНЕЖНАЯ РАДОСТЬ

Снег! Представляете – снег!
Белый, пушистый, волшебный.
Вместо лекарств и аптек –
Воздух чистейший, лечебный.

После двухмесячной тьмы,
Боли сердечной щемящей
Мы на пороге зимы –
Снежной, родной, настоящей.

Сброшена с города тень
Длинных осенних депрессий.
Светом пронизан вновь день,
Мир стал опять интересен.

В парке шумит детвора,
Снежные бабы повсюду.
Крякают утки с утра,
Радуюсь зимнему чуду.

Снег! Ты не тай! Задержись!
Мы тебя ждали, поверь!
Снежная русская жизнь –
Счастливы будем теперь.

ДИМКА

Идём с любимым внуком
Заснеженной Москвой
Среди огней и звуков
Походкой неживой.

Идём мы с ним в обнимку
От дома до метро.
«Не отпущу я Димку», –
Кричит моё нутро.

Болтаем о футболе,
О школе, о кино,
Моя была бы воля,
Я б сделала одно:

Я увезла бы внука
Недельку погостить,
Но тянется разлуки
Связующая нить.

Сую ему в ладошку
Конфетку-леденец.
Расстроены немножко.
Прощание. Конец.

Как быстро он взрослеет...
Как ездить далеко...
Пульс бьётся еле-еле...
Рукой махнул легко.

И скрылся в белой дымке.
И будто меркнет свет.
Неужто внуку Димке
Уже двенадцать лет?!

ЯБЛОНЬКЕ ПЕРЕД МОИМ ОКНОМ

Ты продрогла, яблонька? Бедняжка!
Дует ветер северный в ночи?
И от холода бегут мурашки?
Жалуйся в окошко, не молчи!

Вижу, как дрожат твои цветочки,
Словно хлопья снега, лепестки.
Мелкие зелёные листочки
Берегут бутонов огоньки.

Потерпи, смотри в моё окошко.
Мне за ним не так уж и тепло.
И под глянec радужной обложки
Много грусти жизнью намело.

Ты как будто бы поддайся силе
И по ветру мирно ветки гни.
Многое видали мы, пожили –
Унесут и этот холод дни.

Надо быть готовой к переменам.
Он таков, наш ранний яркий май.
Вопреки ветрам, снегам, изменам
Всё равно о счастье ты мечтай.

Как ты ослепительно красива,
Яблонька перед моим окном!
Сколько лет мы дружим молчаливо
В шуме суетливом городском.

РАЗГОВОР С ПОЭТОМ

Николаю Дмитриеву

Мы с тобой ровесники, Никола,
Только не встречались никогда.
Каждому своё досталось коло,
Каждому – своя в судьбе беда.

Прав, с годами сердце не умнеет,
Так же, так же бьётся в нём печаль,
Сквозь завесу страхов и сомнений
Терпким запахом тревожит даль.

Лес другой, но так же смотрит в душу
Сквозь ненастный льдистый свет небес.
То покаюсь, то опять нарушу –
Так же, как и все, несу свой крест.

И мечтаю: кто-нибудь найдётся,
Будет яблоньку беречь мою,
И антоновка по осени нальётся
Соками в моём родном краю.

У КЛЁНА

Почему мне так нравятся клёны
В этом городе грустных дождей,
И мерещится взгляд твой влюблённый,
Затерявшийся в толпах людей?

Машут тихо мне листьев ладошки,
Кроны клёнов – как шляпки грибов.
Отыщу боковую дорожку,
Где поменьше людей и зонтов.

Прислонюсь я к промокшему клёну,
Замерев, в тишине постою
И, доверив пейзаж телефону,
Не сдержавшись, тебе позвоню.

Никому не расскажет багряный,
Приютивший меня нежный клён,
Как ты шепчешь, любимый и пьяный,
Что любовью моей опьянён.

ЛИСТАЮ

Я листаю страницы книги –
Эти годы и эти миги
Под весенний капельный звон,
Под осенний прощальный стон.

Вновь влюбляюсь и верю смело,
Вновь меняю замки и дело,
Благодатную тяжесть уз
На неверность игривых муз.

И ЛИШЬ МЕРЕЩИТСЯ ПОКОЙ...

Замираю над длинной строчкой
И небрежно прощаюсь точкой.
Не поймав промелькнувший день,
Ухожу, испугавшись, в тень.

Слышу в шелесте ритм мелодий;
Вижу: рифмы по строфам бродят
Осуждает чужой наряд
Укоризненный чей-то взгляд.

Полистать бы ещё немножко,
Да коварно близка обложка.
Понимаю, что это – блиц
Из летящих моих страниц.

Светлана ВЬЮГИНА

Светлана Васильевна Вьюгина – прозаик, детский писатель. Родилась в селе Николо-Урюпино Красногорского района Московской области. Выпускник факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Работала в газете «Советский патриот», последние 40 лет – в приёмной комиссии СП России. Публиковалась в журналах «Аврора», «Мурзилка», «Весёлые картинки», «Балтика», «Вертикаль»,

«Дон», «Дон новый», «Новая книга России», «О, русская земля», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Простоквашино», «Русское эхо», «Север», «Сура», «Юный натуралист» и др. Автор книг для детей («Конопастик», «Солнечные краски», «Черёмуховое крылечко», «Сибирский Валенок», «Тайна зелёных ёжиков», «Дика-Дик», «Рыжий снег», «Волшебное словечко», «Вьюнок» и др.). Член Союза писателей России с 1994 г.

Живёт в Москве.

ДВА РАССКАЗА

ВЬЮНОК

Звали жеребёнка просто: Вьюнок. Кто и почему его так называл, теперь вряд ли кто скажет, может быть, взрослые – хозяева или соседи, – а может, и ребятишки, они мастера давать прозвища кому угодно...

Мало-помалу рос да рос Вьюнок и, в конце концов, превратился в молодого коня. Его хозяин, зоотехник Николай Николаевич, слыл человеком образованным и весёлым. Надумал он однажды солнечным майским утром переименовать своего любимца; прикинул так, прикинул этак, что бы такое историческое подыскать... И решил: лучше мифического силача Самсона ничего подходящего для молодого коня нет. Что за побежка, что за статья!.. Уже две медали вручили на сельскохозяйственной выставке Николаю Николаевичу за всяческие достоинства питомца. Правда, новое прозвище Вьюнок никак не хотел признавать; ты – ему: «Самсон, Самсон...», а он даже ухом не шевельнёт. И ещё одно обстоятельство ставило зоотехника в неловкое положение: никак не хотел конь, чтобы на нём восседал кто-нибудь из приезжих начальников, любителей погарцевать, скажем, на таком вот кауром жеребце. Ногу в стремя кто-то из них поставит, лихо вскочит в седло, тронет поводья, а Вьюнок – на дыбы, с места да в галоп! И вот уже горе-всадник с земли встаёт обиженно, травинки сухие со штанов отряхивает и что-то под нос себе бурчит... А кого, скажите, винить? Спросил бы прежде хозяина, Николая Николаевича, посоветовался... Но советоваться с подчинёнными начальники не очень-то любили, а советовать – да. Вот по их указанию и определили Вьюнка на самые простые хозяйственные работы – возить сено с луга на большой телеге, дрова из леса, родниковую воду в деревянных бочках для работающих в поле крестьян, огороды пахать... С переменной судьбы конь легко смирился: а что?.. работа как

работа. Люди вместе с ним трудились обыкновенные, добрые; к примеру, достают из торбочки краюху хлеба, пополам ломают: себе – половину, коню – половину; потом Вьюнок свёколкой похрумкивает или сочную траву рядом щиплет (пасётся), а человек хрустит зеленопёрым лучком да варёным яйцом закусывает. А вечером наступает наилучшая для коня пора. Старшие ребяташки купают его в речке, расчёсывают деревянным гребнем гриву, тихонечко приговаривают: «Вьюнок наш миленький! Красавец наш!» И щекой к его губам припадают ласково... Чем не житьё!

Так и проходил в посильном труде и счастливом покое год за годом.

И кто же знал, что однажды вслед за ранним алым восходом придёт на родные летние просторы неожиданное огромное горе.

Со знакомых лиц разом пропали улыбки, затих в округе смех.

Днём и ночью слышались в закатной стороне раскаты странного грома, от которого нервно вздрагивала земля.

Из-за дальних холмов по пыльной дороге потянулись обозы с перебинтованными и стонущими людьми; от них пахло тёмной кровью.

Как-то раз в село приехал пожилой командир с красными петлицами на вороте новой гимнастёрки и объявил, что он по приказу свыше проводит р е к в и з и ц и ю всех годных к службе лошадей для нужд действующей армии.

Вот так неожиданно-негаданно и случился новый поворот в судьбе Вьюнка.

...Путь выдался недолгий, всего-то сутки. Правда, поначалу, первых часа два-три, все лошади, тесно заполонившие товарный вагон, то и дело гулко постукивали подкованными копытами по деревянному полу, пряли ушами, вразной всхрапывали, а то и тревожно ржали, потом постепенно поутихли, опустили головы, задремали...

Рассвет у Вьюнка всегда начинался с охалки пахучего сена, а это хмурое, сверкающее дальними вспышками утро началось по-новому: шумно откатилась в сторону широкая дверь вагона, люди в линиях гимнастёрках положили на порог длинные

деревянные сходни, и один из них, усмехнувшись в усы, командовал:

– Выходи строиться!

Лошадей явно ждали: поодаль толпились какие-то бойцы и командиры, с нетерпением поглядывали на хвостатое пополнение.

Сопровождавшая лошадей команда – знакомые бойцы – взяла своих подопечных за уздечки (по две в каждую руку) и построилась вдоль состава, принимающая сторона стала напротив, на пыльной привокзальной площади.

– Вьюнок, ты ли? – растерянно окликнул коня человеческий голос. – Ты?

От группы командиров, стоявших в сторонке, отделился человек и скорым шагом направился к Вьюнку. Он сразу узнал человека. Это был Николай Николаевич. Только какой-то странный резкий запах сопровождал его.

– Золотой мой! Ты! Надо же... И тавро на ухе твоё...

Боец отпустил уздечку, и конь зацокал копытами вслед за Николаем Николаевичем, капитаном в гимнастёрке с малиновыми петлицами.

Понятное дело, что и здесь, на фронте, на такого статного коня с интересом поглядывали начальники. Одни просто трепали по холке, протягивали на ладони сухари, кусочки сахара, другие уговаривали капитана из ветеринарной службы передать Вьюнка в их часть или подразделение, суля выгоды и хозяину, и коню, третьи чуть не угрожали, мол, отдай животину, тебе же легче станет... Но были у Николая Николаевича и его четвероногого друга и тайные заступники, так что разлучить давних друзей никому не удавалось.

Не раз и не два попадали капитан и его конь в разные передраги, но, слава Богу, выходили из них живыми. А большего и не нужно на войне...

Вот, скажем, получил полк приказ готовиться к атаке, а время и место для наступления не самое лучшее. На рассвете идти из широкой низины на хорошо укреплённые врагом холмы – дело, можно сказать, гибельное. Но приказы не обсуждают,

командованию дивизии, а может, даже и корпуса виднее, где наступать такому-то полку и когда, там ведь вырабатывается большой замысел военной операции.

Командиры проверили наличие у бойцов оружия, боеприпасов, необходимой амуниции, приказали отвести полевые кухни в лесистую лощину в тылу, верховых и тягловых лошадей – в узкий глинистый овраг, чтобы спрятать их от бомёжки. К тому же враг наверняка начнёт огрызаться: могут сначала огнём ударить из миномётов и пулемётов по нашим траншеям).

...В семь ноль-ноль грянуло и поплыло над низиной, потом над пригорками «ура» – полк пошел в атаку всеми наличными силами. Уже изрядно удалось продвинуться поредевшим цепям бойцов. И вновь шквальный миномётный и пулемётный огонь прижал их к земле. Но вновь вставали по команде и вновь залегали... И только к одиннадцати часам удалось захватить нашим воинам господствующие высоты. Когда стало ясно, что с холмов полк уже не хлынет вспять, а будет помалу, упорно продвигаться вперёд, капитан с группой бойцов подогнал из тыла лошадей и вместе с медсёстрами стал вытаскивать раненных с поля боя, укладывать их бережно на телеги, заранее умощенные дырявыми шинелями, изношенными ватниками, соломой и прошлогодней травой – и поскорее, поскорее в лазарет! Тут уж ветработник не отделял себя от медиков – дело-то общее, чрезвычайное! Сил не жалей – спасай людей! Как отмечал про себя Николай Николаевич, Вьюнок тоже ни на минуту не отлынивал от напряжённого совместного труда. Раз за разом уходили скорые обозы в тыл, раз за разом возвращались, облегчённые, и вновь – погрузка стонущих от боли бойцов, и вновь – уплывающие одна за другой по кочковатому полю телеги, и вновь... А там уж, когда командиры подсчитали потери и захваченные в бою трофеи, когда поредевший полк на скорую руку обосновался в полуразрушенных вражеских укреплениях, и к возвышенностям подтянулись полевые кухни, Николай Николаевич отправился на свидание с Вьюнком. Как он? Не сбилась ли, к примеру, подкова? Нашёл ли себе

какой-нибудь прокорм? Да и вообще постоять рядом с ним, дать гостинчик, похлопать по крупу, привести в порядок гриву – милое дело.

...Молодой усталый подполковник оглядел строй отличившихся на поле боя и, увидев опаздывавшего капитана, не по уставу махнул ему рукой, мол, давай-давай становись...

– Так вот, братцы мои... – опять же не по-уставному обратился он к бойцам и командирам. – Все представлены к правительственным наградам. По заслугам, считаю я. Приказ выполнен...

Получать свои награды бойцы отправлялись небольшими группами, боевые позиции всегда должны быть надёжно прикрыты. Николай Николаевич выбрал себе в попутчики Василия Ананьевича, пожилого сержанта. С ним они, случилось, неспешно толковали о том и о сём, вспоминали мирные денёчки, тем более что оба родом были из-под Костромы, знатного русского города. Добираться до командного пункта дивизии было, в общем-то, просто: следовало пересечь наискосок большое поле, а за ним – берёзовый лесок... Земляки решили накануне, что на Командный пункт надо явиться солидно; в восьмом часу утра бережно оседлали двух коней – Ворику и Бьюнку – и тронулись в недалёкий путь. У самой у опушки над головами что-то противно и ноюще загудело. «Самолёт! И не наш! У наших звук другой»... – мигом поняли всадники. «Мессершмитт» пронёсся на бреющем полёте раз, потом ещё раз... «В третий или четвёртый раз несдобровать!.. – сообразил Николай Николаевич. – Спешиваться! Немедленно!» Они соскочили с лошадей и подняли головы. Растянутый в улыбке рот фашиста-лётчика, его беспощадные холодные глаза навсегда впечатались в память Николая Николаевича. «Конец! – подумалось. – Всё!»

Пулемётная очередь... Ещё одна... Мимо!

И самолёт пошёл на новый круг...

Николай Николаевич оглянулся, ища глазами хоть какую-то кочку, хоть какой-то бугорок... Мостик! Над высохшим руслом заросшего травой ручья горбился бревенчатый мостик!

– Вася, бежим туда!

Он стегнул плёточкой коней, прикрикнул: «Домой!» и рванул к спасительному укрытию, за ним, шумно дыша, бежал сержант...

Мостик был невысок и невелик, но спрятаться двоим можно вполне.

– Заползай поглубже!

– Да я же постирал одежду! И – в грязь? Нет!

Очередь стегнула по надраенным сапогам, по чистым галифе, по чистой гимнастёрке Василия... Что-то резко ударило капитана в бок – и он потерял сознание.

Кто бы и где бы искал земляков, если бы не прибежавший к бойцам Вьюнок! Он бил копытом в землю, ржал, но в руки не давался, убегал по направлению к леску, возвращался и снова ржал...

– Надо идти за конём – искать наших! – догадались боевые товарищи. – Что-то случилось...

А когда конь уверился, что его поняли, то помчался через поле, добежал до мостика – и взвился на дыбы!

Как ни удивительно, земляки остались живы. Правда, Николай Николаевич вернулся к своим из лазарета через две недели, а Василий Ананьевич провалялся в тыловом госпитале около года и был демобилизован из армии по ранению.

А сколько ещё историй приключалось с Вьюнком и его другом-капитаном, о том и не рассказать. Война – дело долгое, опасное и трудное.

А потом наступил мир. Какое славное наступило время! И в этом времени надолго продлилась неразлучная судьба доброго человека и доброго коня.

ДЯДЯ ПЕТЯ

Город детства. Далёкое время, когда мир казался прочным и незыблемым, а все люди – добрыми и бессмертными.

Мир, увиденный широко открытыми детскими глазами...

* * *

Снег в марте не выпадал. Ну, почти совсем... Его и зимой-то не особо много видели! Вот в тот бесснежный март мы частенько и собирались вечерами на лавочке у подъезда. Вовка Евграфов, Люба Рыжая и я – все учились в одном классе, пятом «А», и жили в одном подъезде стандартной девятиэтажки. А ещё мы вместе ходили в лыжную секцию. В неё нас зазвал-заманил учитель физкультуры Николай Иванович. Ему надоели постоянные побеги учеников с уроков. Вот благодаря физруку я и полюбила лыжи! Да и по физкультуре вытянула отметку на крепкую четвёрку.

Но когда снега нет – как кататься? Вот и просиживали свободное время у телевизоров. А когда приходили родители с работы и прогоняли нас, непутёвых чад, от теликов – то выходили во двор и рассаживались на лавочке. У нас было в то время такое поветрие – все хотели научиться играть на гитаре.

На первом этаже жил дядя Петя. Если он находился в хорошем настроении, то выходил с гитарой, в своей неизменной тельняшке, и устраивал всем желающим мастер-класс.

Не поверите, но все ребята с нашего двора научились, пусть и простенько, но вполне сносно бренчать на трёх аккордах...

А нам с Любой родители даже купили гитары. Я потом свою гитару Евграфову подарила, когда расхотелось учиться. Сейчас, спустя годы, благодарно поражаюсь терпению жителей тех квартир, окна которых выходили на нашу «музыкальную» лавочку!..

Как-то раз к дому подъехал огромный фургон, и рабочие в спецовках стали разгружать мебель. Вместо нашей добросердечной Веры Ивановны, уехавшей к сыну в Севастополь, в доме поселилась модная молодая женщина.

– Лионелла, – так кокетливо представилась она нам и дяде Пете, который не только был нашим соседом, но и последние годы после увольнения в запас с военной службы, о которой он никогда не распространялся, – бесменным дежурным (консьержем) в нашем подъезде. Тогда эти дежурные только

появлялись в округе... Нам Лионелла понравилась: красивая, высокая, она, возвращаясь с работы, иногда даже подпевала дяде Пете...

Но как говорится – «новое не всегда лучшее». Ссоры начались через несколько недель. У Лионеллы, оказывается, был свой пунктик – ей не нравилось, что дядя Петя кормил у подъезда птиц. Они слетались со всей округи на хлебные крошки. А может, на залихватские песни.

Раньше с жильцами из-за этого никаких ссор не возникало. Ведь дядя Петя брал шланг у дворника Мурата и тщательно смывал последствия птичьего пиршества. А бывало, после изучения новых аккордов и мы в этом помогали. Да и Мурат – сначала усмехался на причуду жильца часами кормить птиц, но вскоре сам влился в дружную компанию и в любую свободную минуту присаживался к нам на лавочку и пел грустную песню про далёкую возлюбленную Изабель.

И тут вдруг новая соседка объявила непримиримую войну птицам, а значит – и дяде Пете. Однажды мы увидели нашего учителя на стремянке, моющего окно строптивой соседки.

– Чего не сделаешь ради пернатых... – кратко, без эмоций прокомментировал дядя Петя.

Как позже выяснилось, Лионелла пожаловалась в домоуправление: мол, прикормленные дядей Петей птицы пачкают подоконник.

Но и этого Лионелле показалось мало. Один раз во время нашего концерта она, открыв окно, выставила магнитофон на подоконник и включила его на полную мощность. Мол, мало птиц, так он всю ребятню под крыло собирает.

В другой раз, как самый настоящий пират, она гитариста без припасов оставила...

А дело было так. В то время из-за «внезапно» напавшей на страну «перестройки» в магазинах случались перебои с продуктами, например, вдруг на какое-то время пропали из продажи соль и мыло. Некоторые стали закупаться впрок, создавая ненужный ажиотаж. А вот дядя Петя и в ус не дул! Припасы не делал, в очередях не стоял: сидел на лавочке и весенним солн-

цем наслаждался. Он много лет жил со старенькой мамой, пережившей военные тяготы, а потому и сделавшей внушительные запасы и соли, и мыла. И много чего ещё...

– Мало ли что... – рассуждала эта немолодая и очень достойная женщина.

Так вот, после смерти мамы дядя Петя раздавал всем на память кусочки ароматного туалетного мыла. Что было – то и раздавал. А соляных запасов – так вообще после мамы много оставалось. Поэтому пока магазины разбирались со сложившимся немудрёным дефицитом, дядя Петя делился с каждым соседом, кто попросит.

И бойкая Лионелла тоже, видимо, обратилась с просьбой. И он, добрая душа, пустил козу в свой соляной «огород». Вечером, сварив картошки, Петя обнаружил, что солонка пуста. Полез в свой пятикилограммовый жбанчик. Тоже пуст! Но дядя Пётр не растерялся – картошку съел с солёным огурцом. А вечером попросил ребят со двора купить ему, при случае, утащенные Лионеллой «дефициты». Ведь ушлая соседка и всё оставшееся мыло из дома прихватила – вот какая припасливая и хозяйственная!

– А что? Сам разрешил взять сколько нужно. А мне нужно много! Всё законно. А лоха, как говорится, «грех не обуть», – так Лионелла объяснила соседям своё пиратство.

Вечером дядя Петя, как всегда бодрый и весёлый, в неизменной тельняшке, сидел на лавочке с гитарой. И мы около него со своими гитарами толпились. Тротуар был помыт. Мы ждали мастер-класса. Лионелла не выходила, может, капелька совести терзала, а может, от жадности «в зобу дыханье спёрло»...

Телефон прервал нашу музыкальную репетицию. Звонил товарищ нашего дяди Пети, друг молодости и военной службы, мол, на машине еду мимо, ни прихватить ли чего в связи с надвигающимся возможным дефицитом? Петя, подмигнув нам, весело так попросил соли и мыла.

Мы дружно замахали руками и закричали, чтобы тот заказал икры, вина и сыра, мы знали, что товарищ Пети не беден (недаром же высокий пост занимает!) и щедр. Его редкая по тем

временам иномарка по праздникам частенько притормаживала у нашего подъезда с гостинцами...

Но дядя Петя и слушать нас не стал:

– Соли и мыла. Больше ничего не надо.

Дядя Петя ещё не знал, что мы, рассказав родителям историю про экспроприацию Петиных соляных запасов, собрали с ними вместе «перестроечный» набор – где было много соли, мыла и всего другого-разного – и собирались сегодня вечером вручить «дефицит». Хотели сделать сюрприз своему учителю...

Через часик примерно подъехала серебристая машина – и из неё сначала показались коробки, которые мы со щенячьим восторгом принялись разгружать, а потом и сам двухметровый силач с сумкой на плече.

– Там разная соль – и морская и, с зеленью. И для засолки и так просто, ну и мыла запасец, – широко улыбнулся Петин друг. – А это, – он небрежно указал на огромную сумку, висевшую у него на плече, – всякие вкусности для будущего праздника, когда всем миром соберёмся... Твои ученики, молодцы, подсказали. Я услышал их сердечный совет. У меня знаешь, какая мощная интуиция? – И для убедительности дурашливо хлопнул по своей тельняшке, точно такой же, как у дяди Пети.

На растерянные возражения дяди Пети его друг только отмахнулся:

– Твоё любимое присловье какое? «Да не оскудеет рука дающего... да не отсохнет рука берущего»...

Мы притихли. Что-то происходило на наших глазах чудесное. Какой-то кругооборот добра в природе. Мы подняли глаза вверх и увидели в окнах наших родителей, с улыбкой наблюдавших за происходящим.

Лионелла тоже таращилась из-за занавески на встречу друзей. И нам показалось, что она всхлипывала. Но никому не было до неё дела.

А друзья, заноса продукты в подъезд, не сговариваясь, всё-таки посмотрели на её окно. И Пётр раздумчиво протянул:

– А глаза-то, оказывается, у Лионеллы зелёные-презелёные, когда она в слезах. Таким зелёным я видел только Баренцево море после шторма...

* * *

Теперь, по прошествии такой немислимой толщи времени, вижу, что и мир оказался не таким прочным и незыблемым, как виделся нам в детстве. И люди, покорные общему закону, оказались смертными, но всё-таки так отраднo опираться на незримую руку, ведущую нас по жизни.

Лидия ВОЛКОВА-ГРЁЗА

Лидия Юрьевна Волкова-Грëза – поэт, прозаик, член Щёлковского ЛИТО «Слово», член МГО СП России. Автор сборника рассказов и коротких повестей о любви «Ананас и горчица» (М., 2011), романа в стихах «Ночной дождь» (Севастополь, 2011), двух книг стихов: «Крымская роза» (Севастополь, 2012) и «Ворон. Собрание сновидений» (Щёлково, 2019).

Награждена медалями: «М.Ю. Лермонтов, 1814–1841», «60 лет МГО СП России», «И.А. Бунин (1870–1953)», «90 лет городу Щёлково», «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы».

С 2011 г. Л.Ю. Волкова-Грëза активно участвует в конкурсах и фестивалях поэзии в родном Щёлково и Подмоскowie. В 2012 она заняла 3 место (диплом 3 степени) в номинации «Пейзажная лирика» фестиваля поэзии «Пристань менестрелей» (г. Балаклава). В 2015 г. её стихотворение «Первый день в Праге» вошло в шорт-лист международного фестиваля «Славянские традиции» в номинации «Стихотворения о Праге».

Живёт в г. Щёлково Московской области.

НЕСОКРУШИМОСТЬ БЫТИЯ

* * *

Город у моря, крымской акации цвет.
Солнцем согреты, в горах виноградники дремлют...
Ветер над морем, истории тысячи лет...
Как я люблю эту древнюю крымскую землю!

След корабля, за кормой убегающий вдаль...
Бухты и пристани, доки, подъёмные краны.
Город у моря, седой героический край,
Памятью детства, счастливой судьбою мне данный.

ЗАПОВЕДНОЕ СЛОВО

Словом можно убить.
Словом можно спасти.
Словом можно дорогу
Во тьме обрести.

Словом можно создать.
Словом можно крушить.
Словом можно рыдать.
Словом можно смешить.

Словом можно зажечь
Или жар потушить.
Словом можно сберечь
Заповедник души.

Перепутать слова
Не желаю врагу.
Заповедное слово
В душе сберегу.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Е. Зерновой

Завалило снегом село.
Завалило снегом до крыш.
И сугробы кругом намело,
И звенит перемёрзлая тишь.

Колокольчик звенит под дугой,
И скрипит по снегу возок...
Сыплет ночь стеклянной крупой,
И до дому путь недалёк.

Посреди неземных дорог
Жёлтый свет одиноко льёт
Ясный месяц, янтарный рог...
Вот последний, наш, поворот!

Мы приедем, затопим печь,
Будут жарко гореть дрова,
Будем пышки-ватрушки печь,
Говорить о любви слова!

ЗОЛУШКИНО СЧАСТЬЕ

Нет худа без добра,
И нет добра без худа.
И в ожиданье чуда
Природа так мудра!

Вот снова выпал снег,
И нет как нет ненастья,
И предвкушением счастья
Охвачен человек!

И скоро Новый год, и запах мандаринов.
Нарядны магазины. Предпраздничный народ
Сметает всё подряд, как тот электровеник,
И не жалеет денег на ёлочкин наряд.

Всего лишь ночь одна, как Золушкино счастье!
Всего лишь сопричастье блаженным временам
Классических манер, карет и кринолинов,
Свечей и клавесинов – о радость, фейерверк!

Крошась, мерцают звёзды восторгом настоящим
Над городом неспящим, где всё ещё не поздно
Цвести, сойти с ума!
А в городе – зима...

В ГОРАХ НАД МОРЕМ

Палящий зной. Макушка лета.
Кругом истома и покой.
Роскошной зеленью одета,
Лежит долина подо мной.

Ветра привольно лес полощут,
И льётся хвойный аромат.
Здесь скалы вздыбились над рощей
Массивом каменных громад!

Дорога вьётся серпантином,
Небезопасная в горах,
И пахнет мятою и тмином,
И раскаляется жара.

Шикарных яхт десятки – ух ты! –
И катера, и сейнера!
Манит прохладой лента бухты.
Трепещут пальмы-веера.

КАЛЕЙДОКОП

Вите

Они уходят в никуда,
Все ненаписанные строки,
Как запоздалые упрёки,
Как слёзы, горечь и беда,

И эти вянущие розы,
Пересыхающий поток,
И неприкаянные грёзы,
И жизни пройденный урок.

Но вдруг, откуда ни возьмись,
Взыграют новые надежды,
И снова заискрится жизнь –
Калейдоскоп в руках невежды!

И эти вянущие розы...
Как будто за руку схватив,
Опять грядут метаморфозы,
И слышен флейты лейтмотив –

И я, воспрянув от стыда,
Подарков жду от мироздания,
Спешу прибыть без опоздания,
Летя неведомо куда!

ЧУДО ДОЛГОЖДАННОЕ

*Голова повинная, молчу.
Вглядываюсь вдаль из-под руки.
Ставлю запоздалую свечу
Возле недописанной строки.*

Ю. Левитанский

После нескончаемых дождей,
Посреди отчаянной любви,
Отказавшись от игры теней,
Наконец, позволь себе: живи!

Сердце на ладони – ты, Любовь!
Мир вокруг – без режущих углов...
В изголовье выплаканных снов –
Чудо-эхо высказанных слов!

Страшно счастьем верить своему?
Знай, что чудо ждёт нас впереди!
Голова в огне и мир в дыму?
Раковину сбрось, не уходи!

И пока не стынет в жилах кровь,
Жди и верь, над пропастью держись!
Чудо долгожданное – любовь!
Сколько ждать тебя, не всю ли жизнь?

НА ЗЕЛЁНОЙ ВОЛНЕ

Четверть века спустя
Молодое вино замутилось.
Над печалью летя,
Повторять кривизну берегов...

Видно, очень давно
Мы изведали судеб немилость,
А «эффект домино»
Отражает наличие врагов...

Погружаясь в беду,
Узнавая предательство друга,
Повторять нараспев
В продолженье забытого сна:
«Я любовь уведу
Под защиту надёжного круга,
Где, обиды презрев,
Поселилась царица-весна!»

Убегая от дум, подбирать на гитаре аккорды,
Подпевая весне
И клаксонам авто за окном:
«Я люблю этот шум –
Милый город, спокойный и гордый,
На зелёной волне
Между явью и утренним сном!»

КУРОРТНЫЙ БЫТ

Как явка на квартире Плейшнера,
Курортный быт всегда грозит провалом.
Не испугайся таза здешнего –
Всего полдня, и стирка миновала!

Но если кто рассчитывал, что вечером
Я хилый сей утюг рискну включить...
Без спецдиплома даже думать нечего
Поэта электричеством лечить!

А схватка с престарелым пылесосом
В тупой попытке хоть песок убрать
Поставит жизнь мою на грань вопроса!
На всё философически плевать,

Мыть голову шампунем с резедою,
Опять жевать остывший чебурек
И говорить ночами со звездой
О том, что ты – счастливый человек!

НЕСОКРУШИМОСТЬ БЫТИЯ

О, я ещё их напишу,
Свои немеркнущие строки,
Переучу судьбы уроки
И все загадки разрешу!

Судьбу свою переверну,
На добрый труд себя направлю.
Ошибки в мудрость переправлю,
Потери сторицей верну!

И в сад золотой мечты войду,
Чтоб позабыть свои тревоги,
У милосердия на пороге,
У всех созвездий на виду!

И над обыденностью серой
Тройной звездой взойдёт моя
Любовь с надеждою и верой
В несокрушимость бытия!

НЕ БЫВАЕТ НЕЛЕПОЙ ЛЮБВИ

Ни в боязни дурных перемен,
Ни в тоске о живом человеке
Не построишь незыблемых стен,
Не получишь гарантий навеки!

Не забудешь надломленных плеч
И распахнутых глаз-обещаний:
Не бывает нечаянных встреч.
Не бывает случайных прощаний.

Расставание длится года,
Затемняя твоё изголовье?
Я желаю тебе навсегда
Оживать утолённой любовью!

Трепещи и сгорай, но живи,
Не заламывай белые руки:
Не бывает нелепой любви,
Не бывает ненужной разлуки!

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

Юлия Геннадиевна Александрова – поэт, прозаик, член МГО СП России с 2009 г. Преподаватель английского языка, доцент Всероссийской Академии Внешней Торговли. Печатается в газете «Московский литератор», журналах «Великороссь» и «Свет столицы», альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот». Автор семи сборников лирических стихотворений и четырёх сборников городских рассказов. Награждена дипломами за верность служения отечественной литературе с вручением ордена «В.В. Маяковский» и медалей «М.Ю. Лермонтов» и «И.А. Бунин».

Живёт в Москве.

ПОСТРОЙТЕ ХРАМ В СВОЕЙ ДУШЕ...

ВДОХНОВЕНИЕ

А лучик света заблудился на стене,
От мира скрыв лицо уставшего поэта.
«Ты прилети, о, вдохновение, ко мне
И подари для новых образов сюжеты.

Дверь приоткрой в страну волшебную из строк.
Пусть будут яркими, как блики на бокале.
Поэт всегда к словам бывает очень строг,
Ведь «Слово – Бог». Его услышали в начале.

Поэт запишет их в старинный фолиант,
Свою он душу распластает на страницах.
Я верю: в том и заключается талант –
Поймать навеки вдохновение – Жар-птицу!

О ЧЁМ МОЛЧАТ КАРТИНЫ

О чём молчат картины? О былом?
О смысле жизни? Бытия? А есть ли смысл?
Они загадочно молчат всегда о том,
Куда их авторов вела по тропке мысль.

Она вела то в поле скошенных идей,
То в чащу леса заблудившихся эмоций,
То уносила их туда, где нет людей –
В миры иные, где не светит даже солнце.

Сирены голосом художников звала
И разъедала изнутри и днём, и ночью.
Картины – душ во сне парящих зеркала,
И убедиться в этом сможете воочию.

ХРАМ ДОБРА

Постройте храм в своей душе.
Пусть это будет храм искусства.
Вы словно кисть, а краски – чувства.
Всё без прикрас, всё в неглиже.

Пусть это будет храм любви –
Любви волшебной, будто замок.
Где нет условностей и рамок,
А есть лишь Вы и визави.

Пусть это будет храм добра
К семье, друзьям, простым прохожим.
Ведь это мир созданий Божьих,
И Вам постичь его пора.

КРАСОТА

Когда внутри одолевает пустота
Рутинных мыслей и поступков повседневных,
Сходите в лес – там торжествует красота,
Дошла до нас посланьем истины от древних.

Вас поприветствует деревьев разных строй:
Берёз и елей, что застыли, как солдаты.
А под ногами земляника, зверобой,
И муравьи с поклажей движутся куда-то.

И нарушая первозданность тишины,
На корабле «Арго» плывут по небу птицы.
В лесном болоте голосами так сильны,
Лягушки вам расскажут быль и небылицы.

И вы, пропитанные запахами трав,
И тины, что как одеяло на болоте,
В сто крат сильнее и мудрее в жизни став,
Поклон отвесив красоте, назад уйдёте.

АКВАРЕЛИ

Снова зима и её акварели.
В свадебных платьях танцуют метели.
А на деревьях боа, пелерины...
Зиму сменяют другие картины.

Дева-весна создаёт акварели –
Это рисуют на ткани капли.
Водные краски... в них радуга цвета.
Трав изумруд – приближается лето.

Лето приносит свои акварели,
Ягоды просятся в туюс: созрели.
Красные, жёлтые, синие краски...
Леса опушка – вступление к сказке.

Ветер подул, птицы прочь улетели.
Осень рисует свои акварели.
Жёлтый ковёр. В середине багрянец.
Вьюга исполнит на нём белый танец.

Будет зима, всё опять повторится.
Только не стоит на это сердиться.
Дарит природа свои акварели,
Души людские пейзажи согрели!

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

Зима простужена, и серые глаза
Глядят так грустно на замёрзшие деревья.
Непрошенная катится слеза –
Ведь так убога ты, о, русская деревня!

Тебя покинули давно и навсегда:
Закрывают ставни, заколочены все двери.
А знойным летом в огородах лебеда,
И в возрождение домов никто не верит.

Ведь молодёжь навеки в город подалась,
И покосились и калитки, и заборы.
Ветра-разбойники гуляют нынче всласть,
Но не колышутся от них на окнах шторы.

Не всколыхнутся у людей, увы, сердца –
Давно им русская деревня безразлична.
И песня боли без начала и конца
Звучит жалейкой так печально и привычно.

ВСПОМИНАЮ ДЕТСТВО

Вспоминаю детство: старую рябину,
Под которой мама ставила меня
В серенькой коляске, вечно без ботинок,
А в глазах бездонных – искорки огня.

Вот большие плиты – папа клал их рядом,
Чтоб дорожки были сказочно-легки.
В год и два под зорким бабушкиным взглядом
Сделала на даче первые шаги.

Беззаботность детства: старые качели
Между двух деревьев папа привязал.
И когда качалась, яблони скрипели,
А смола стекала, как из глаз слеза.

А за домом скрылась маленькая лужа.
Бегала по ней я вечно босиком,
Зная, что по жизни мне никто не нужен –
Только мама, папа, бабушка и дом.

Много лет промчалось, и давно нет близких,
И большие плиты заросли травой.
Старые деревья все спилили низко,
Высохла и лужа – только дом живой.

И моей любви в нём так пылает сердце,
Знает каждый угол рук моих тепло.
Сохраняю дом я, как кусочек детства,
Чтобы ощущение счастья не прошло!

МАЛЫЕ ГОРОДА

У малых городов своё очарованье,
Историю веков в себе они хранят.
Здесь можно загадать заветное желанье,
Когда колокола малиново звонят.

Приземисты дома, заборы покосились...
А на пригорке ждёт к себе красавец-храм.
В нём жители давно венчались и крестились,
И неподвластен он ни снегу, ни ветрам.

Он распахнул для нас свои стальные двери,
Готов всех прихожан теплом души объять.
Духовности оплот и православной веры –
Пока жив русский люд, ему вовек стоять!

Я ПОСТРОЮ РАДУГУ

Я построю радугу
От Москвы до Питера.
Здесь останусь надолго,
Как в печати литера.
Лягут листья осени
Ковриком оранжевым.
Небо с яркой просинью
Кажется мне замшевым.

Солнце как подсолнушек –
Жёлтое, пушистое...
Бьют сквозь неба доньшко
Лучики ершистые.
И закаты красные
С голубыми нитями.
Ощущенья разные,
Словно формы лития.

Ночи фиолетовы
Со следами млечными.
Чувства эполетами
Лягут вновь на плечи мне.
Уползает змейкою
Грусть-тоска зелёная.
Радуга – скамейкою,
Где сидят влюблённые.

МОЯ МОСКВА

Какая же Москва моя красивая
Весной, когда умыта вся дождём.
И церкви, будто кони златогривые,
Зовут, как мать зовёт ребёнка в дом.

А летом, когда зной испепеляющий,
Пройдётся по бульварам не спеша.
И солнышком, в листве дерев играющим,
От счастья замирает вдруг душа.

И в платья Воробьёвы горы осенью
Оденутся. Готовы к дефиле.
И небо кружевное с яркой просинью
Подарит на показ тебе билет.

И набережных грусть на радость сменится
Зимой. От снега кругом голова...
Я стала навсегда твоею пленницей,
Мой город и судьба. Моя Москва!

Я СМОТРЮ НА МОСКВУ

Я смотрю на Москву через лупу заката.
Хорошеет она с каждым прожитым днём.
Защищали её в сорок первом солдаты,
Не позволив врагу ни мечом, ни огнём
Уничтожить всё то, что любя воспевали
Грибоедов и Пушкин, Есенин и Блок.
Хоть текли в нашем городе реки печали,
Вид златых куполов был как счастья глоток.
Время-скальпель внесло в город наш коррективы:
Очертанья другие домов у реки.
Но рождённые здесь град считают красивым –
Настоящее чувство всегда вопреки.

ПЕСНИ ВОЙНЫ

На баяне играл паренёк в переходе.
Душу рвали мелодии огненных лет.
Знают, любят военные песни в народе,
Потому подпевали тихонько в ответ

Проходившие мимо. И песни, как птицы,
Разлетались по улицам сердца страны.
Как украшена к празднику наша столица!
Только песни – осколки минувшей войны.

И мне хочется верить: опомнятся люди,
Перестанут друг друга они истреблять.
Повторения ужасов больше не будет.
Ни к чему время войн поворачивать вспять!

* * *

Очертания утра ныряют в тумане,
Лучик солнца пытается дымку пробить.
Детство прячет секретки в верхнем кармане.
Не понять никому: ну зачем их хранить?

В полдень яркое солнце катит в колеснице,
След её в небесах – золотистая нить.
Сделав жизни глоток, юность всё веселится –
Кубок полон ещё. Так к чему же грустить?

Вечер пьёт из реки воду чистую залпом,
Горизонта губа заалела вдали.
Средний возраст, как хищник, подкрался внезапно.
Ты зачем убегаешь так быстро с земли?

Опускается ночь покрывалом небесным.
Оно вышито золотом гаснущих звёзд.
Отзывается старость о жизни нелестно,
Неужели в ней нет ничего, кроме слёз?

Ночь растает, и солнце нам вновь улыбнётся,
И раздастся вокруг детства искренний смех.
Новый день наступил. Сердце радостно бьётся:
Пусть он будет красивым и мирным для всех.

ПРОСТО ЖИТЬ

Какое счастье – просто жить,
Проснувшись рано, на рассвете,
Смотреть в окно, как солнце светит,
И мигом этим дорожить.

Какое счастье слышать дождь,
Что бродит за окном, мальчишка,
Читать под эти звуки книжки
И ждать, что ты ко мне придёшь.

Какое счастье ощущать,
Как ветер волосы целует
И в ухо ласково так дует –
Готов любовь пообещать.

Какое счастье различать
И запах трав, и запах хлеба,
И дыма, что взлетает в небо...
Ведь запах – памяти печать.

Пытаюсь снова полюбить,
А вкус любви... Он кисло-сладкий.
Любовь – извечная загадка.
Какое счастье – просто жить!

Юрий ЯХОНТОВ

Юрий Александрович Яхонтов – поэт, член МГО СП России. Лауреат Международного славянского форума «Золотой витязь» за 2016 год. Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями «А.С. Грибоедов», «М.Ю. Лермонтов», «Литературный Олимп», «А.П. Чехов», «Серебряный крест», «И.А. Бунин» и другими медалями и дипломами.

Живёт в Москве.

И ДУША ЛЕГКА...

РЫБИНСКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ

Как-то так, здесь времена бывают –
Упадёт вдруг уровень воды.
И тогда сквозь воду проступают
Давних лет забытые черты.

Это град затопленный Молога.
Недвижима водяная гладь.
Чуть видна мощёная дорога,
И решётки кладбища видать.

Жизнь когда-то повернулась круто.
Старой болью воздух напоён.
Над покоем вечным слышу, будто
Колокольный раздаётся звон.

То ли это отзвук службы дальней
Над лугами трепетно звучит.
То ли это глухо и печально
Под водою колокол гудит.

* * *

В сельский старенький автобус
Набралось народу много.
Из Ростова до деревни
Трудовой народ спешит.
Впереди старушка с сыном,
Хоть недолгая дорога,
Нелегка она для сына –
Он «афганец», инвалид.

От контузии лечился,
Только без толку, похоже.
И беспомощно старушка
Теребит свой белый плат.
Говорит он раздражённо,
Успокоиться не может,
Только люди понимают
И сочувственно молчат.

Есть особая душевность
В этой сельской жизни тихой.
И в общинности старинной
Наша будущность легка.
От того, что сами люди
В этой жизни знали лихо –
От того им боль чужая
И понятна и близка.

* * *

На весёлой улице песня раздаётся,
Люди улыбаются, я им тоже рад.
Всё здесь получается, всё-то удаётся,
И садов цветение дарит аромат.

Небо – синь бездонная, сфера голубая,
На весёлой улице и душа легка.
Шёл бы так и шёл по ней, встречным улыбаясь,
Только жаль, что улица эта коротка.

На печальной улице – за спиною лето.
Всё вокруг смиреннее мне бы ощущать.
И не ценно тщетное, понимаешь это,
Если что обидное – хочется прощать.

Лето всё прохладнее, всё неуловимей.
Тайной неразгаданной, время всё быстрее.
На печальной улице и душа ранимей,
И чужие горести чувствуешь острее.

* * *

И нужна была для счастья только малость,
Только детство, только лето,
наконец –
Керосиновую лампу, как смеркалось,
Чтоб под вечер зажигал для нас отец.

Это было время тихих обретений,
Огонёк от дуновений трепетал,
Как живые, по стене скользили тени,
Все родные засыпали, я читал.

Абажур бумажный, темень за спиною,
И казались бесконечными лета.
И читал я, забывая всё иное,
Как потом уж не читалось никогда.

Рядом сад шумел – вишнёвое соседство,
Что-то липы мне шептали в вышине.
Только книги, только лето, только детство
И других богатств не нужно было мне.

Детство дальше, ощущения те глуше,
Но с годами начинал я понимать
То, что счастье наше вовсе не снаружи,
Это внутренняя наша благодать.

* * *

В этой тихой родной стороне
Даже небо прозрачней и шире.
И всегда-то здесь думалось мне,
Что не всё изменяется в мире.

Незабудками пруд голубел,
Зеленели луга за рекою.
И холмы были словно предел
От вселенской волны непокоя.

Но всё ближе встревоженный мир,
Грозовые небесные сферы.
Стрелы-молнии мечут в эфир
Запредельные аркебузьеры.

Вот и здесь тот небесный полёт
С грозовым и неведомым даром.
По реке над водою плывёт
Плазма-молния огненным шаром.

* * *

Когда окончена работа,
И не поднять усталых рук,
Когда октябрь и непогода
И сутки замыкают круг,
В автобусе под вечер мгlistый
Я дух почувствую родной –
Запахнет добро и пречисто
Из чьей-то сумки хлеб ржаной.
И вспомню я ржаное поле,
Ржаное солнце вспомню я.

И деревенское раздолье
Внезапно опьянит меня.
И словно лето постучится,
На сердце станет веселей,
А дома, ночью, будет сниться
Пречистый лик ржаных полей.

* * *

На кусочке общего катка
Кружит, кружит пожилая пара.
Только он совсем ещё не старей,
И она в движениях легка.

В тишине чуть слышно лёд скрипит.
Музыкальных нет сопровождений,
Но видать по пластике движений,
Что в душе мелодия звучит.

Как легка связующая нить!
Возникают давние виденья,
И давно забытые мгновенья
В танце снова можно пережить.

Не согнулась под годами стать.
Отцвело, но главное осталось –
Жизнь прошла в любви – совсем не малость,
Потому и грусти не видать.

* * *

Был такой обычай – ночью, в мае,
Только звёзды было и видать,
Лошадей из шахты поднимали,
Чтобы ночь на воле погулять.

Аромат забытый веял с поля,
Тихо ржала лошадь. Может быть,
Вспоминалась жеребячья воля,
Как ей с мамой славно было жить.

Только ночь одна в году даётся,
Надышаться вволю, не успеть.
И сердечко часто-часто бьётся,
И от счастья можно умереть.

Ночи коротки в начале лета,
И уже светлеет бирюза.
Значит, снова опасаться света,
И повязка снова на глаза.

И быть может, лошади казалось
В глубине, где не видать и зги –
Лучше бы сердечко разорвалось
Там на воле, в травах, у реки.

* * *

Я мальчишка, что мне надо?
Чтобы солнышко светило,
День беспечный был бы долгод
И клевали окуньки.
Чувство лёгкости какой-то,
Словно свыше, приходило.
От того, что были мысли
И дела мои легки.

По уделам ароматным
Шмель мохнатый проносился.
Луговое разнотравье
Ненавязчиво цвело.

Босиком по тёплой тропке
Я к обеду торопился.
Дома, там была забота
И домашнее тепло.

Это время, мне казалось,
Бесконечно будет длиться.
И не верилось, что быстро
Пролетят мои лета.
Что об этом тихом доме
Только память сохранится,
Что родителей не будет –
И не думалось тогда.

Засыпал я, снилась речка,
В колокольчиках дорога.
Вот такой был день из детства –
Ни успехов, ни потерь.
Заурядный день, обычный,
Их за лето было много...
То, что это было счастье,
Понимаю лишь теперь.

* * *

Мы приезжали – дом был пуст,
Был сад, и зелени довольно,
И одичавшей розы куст
Разросся буйно и привольно.

И дуновенья ветерка
Нам ароматы приносили.
И дом был прочен – на века,
И эфемерны розы были.

Но в череде ушедших лет,
Всё как-то странно оказалось.
Того, что прочно было – нет,
А эфемерное осталось.

* * *

Здесь над полем дух осенне-грустный,
Дрёма, дрёма об ушедшем лете.
Поедает заяц лист капустный,
А меня вблизи и не заметил.

Мир вокруг в осенний цвет окрашен.
Тишина на опустевшем поле.
Я смотрю – меньшие братья наши
Так красивы и чисты на воле.

Место здесь – подальше от дороги,
Всё-то видно, все пути открыты.
Станешь тут пугливым, если ноги
Всё, что есть у зайца для защиты.

Здесь я гость – твои пространства эти.
Каждый миг в тревоге ожидаешь...
Не скажу я никому на свете,
Что на этом поле ты бываешь.

* * *

Городок был тих и скромн,
И дышалось в нём привольно.
Словно здесь царил старинный
И нетронутый уклад.
Мы ходили мимо церкви,
Там часы на колокольне.
Помню, с речки, с километра
Различали циферблат.

Время медленно тянулось,
И родные не старели.
Всё в природе волновало –
В детстве чувствуешь острей.
Было лето, было солнце.
На часы порой смотрели.
Мы пришпоривали время,
Чтобы вырасти быстрей.

Годы шли, но всё тянуло
В это место дорогое.
Я приехал, лик природы
Был загадочен и прост.
Но ушли картины детства,
Дом другой, и всё другое.
И часы не видно было,
Лишь кладбищенский погост.

* * *

От осенних дождей поразмытая,
Сквозь орешник тропинка ведёт.
И неожиданно нахлынет забытое,
Что давно не сбылось, позовёт.

К низу ветки намокшие клонятся,
Мне орехи даря на пути.
И дороги другие припомнятся,
По которым уже не пройти.

А туман всё густеет и движется,
Это марево, словно обман.
То ли образ мне девичий видится,
То ли это осенний туман.

ДЕТСТВО

Омут был глубок и страшен,
Дна никто не доставал.
Даже тот, кто беспшибашен
Здесь с опаской проплывал.

И воронки здесь крутились,
Как опасный хоровод.
И мальчишки сторонились
Этих мрачных чёрных вод.

Дальше жить – себя проверить,
По плечу ли мне суметь
Бездну водную измерить
И себя преодолеть.

Глубже, глубже – в неизвестность,
Давит грудь, а дна всё нет.
Чуть виднеется поверхность,
Белый цвет – стал зелен цвет.

Ни движения, ни звука
Не доносится извне.
В темноте метнулась щука
И застыла в глубине.

Здесь внизу – темнее ночи.
Не осталось больше сил.
Не дышать – уже нет мочи,
Но черпнул ладошкой ил.

Значит, быть здесь нет причины,
Снова – в светлые миры.

.....

Эти чистые глубины
Полюбил я с той поры.

* * *

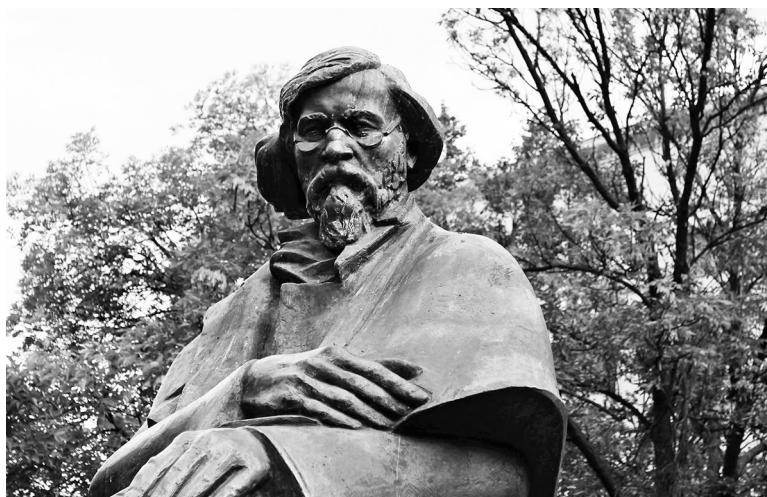
Незнакомая, просто прохожая,
Подождите, постойте чуть-чуть.
Вы на маму мою так похожая,
Что болит, разрывается грудь.

Я взгляну – от такого общения,
Может, будет и мне благодать,
Хоть на миг, но придут ощущения
Из времён, где уже не бывать.

Далеко, там родное и славное,
Там простые дела и слова,
Бесконечность дороги... И главное –
То, что там ещё мама жива.

И теперь, в наши годы бескрылые
Над материей, над пеленой
Вспомнутся черты твои милые,
Первый друг, первый слушатель мой.
Вспомнётся, как в дни безнадёжия
Ты вселяла надежду опять...

Незнакомая, просто прохожая,
Я прошу Вас чуть-чуть подождать.

**КРИТИКА,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

Ирина ЛЕСНАЯ-ИВАНОВА

Ирина Сергеевна Лесная-Иванова – поэт, прозаик, драматург, литературный критик, член МГО СП России, кандидат философских наук, доцент, член Академии российской литературы, член Союза журналистов.

Родилась в 1966 г. в Москве. В 1988 окончила Московский Государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. В 2002 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Феномен времени в лирике Серебряного века» по специальности «эстетика». С 2002 года преподавала в различных университетах Москвы и Подмосковья.

За достижения в области поэзии награждена Золотой Есенинской медалью «За верность традициям русской культуры и литературы» и другими наградами. Автор книг поэзии и прозы.

Живёт в Москве.

ИСПЫТАНИЕ НА СИЛУ ДУХА

*Любовь ЗЕМНАЯ. «Лидуня». Роман-абрис. –
М., 2022. – 64 с.*

Любовь Земная – известный и любимый поклонниками современной литературы автор. Поэт, прозаик, переводчик, литературный критик, она проделала долгий творческий путь к познанию и раскрытию души человеческой и смысла жизни человека. Произведение «Лидуня» – девятая книга Любви Земной. Особенно интересен роман тем, кто пережил перестройку и «лихие девяностые», и тем, кто изучает это время. Но, как и в каждом высокохудожественном произведении, в создании Л. Земной есть нечто вечное. Это проблемы смысла жизни человека, его жизнестойкости, умения сатанинским испытаниям противопоставить чистоту души и твёрдость в служении добру. И сюжет, и умелые диалоги, и художественные особенности – всё служит решению указанных вопросов. Автор мастерски создаёт портреты. Интересно, что читатель собирает образ сам по отдельным строчкам. Так возникает перед его мысленным взором Лида – девушка в тёмно-малахитовых вельветовых юбке и пиджаке, с «большими миндалевидными глазами», «нежно-земляничными» губами, чёрными, «точно вороново крыло», волосами. А вот её мама – с пшеничными волосами, «синими, словно гжельская роспись, глазами», редкими морщинами и чуть вздёрнутым носиком. А вот где-то на страницах книги, да и в жизни Лидуни, затерялся «русоволосый парень в цвета морской волны водолазке», юноша, который отчасти и, увы, только отчасти определит судьбу героини.

В тексте присутствуют оригинальные художественные приёмы, соответствующие восприятию мира героями, например, слабовидящая Лида воспринимает сквер как «зелёное пятно». Читатель отмечает олицетворения («в окно заглянули сумерки», «высотки приветствовали пару фейерверками света от

оконных стёкол»), метафоры («слёзы крупными фианитовыми бусинами катились из глаз девушки», «янтарники глаз»), иносказания: вместо «прошло четыре года» – «Земля обернулась вокруг Солнца четыре раза». Есть говорящие фамилии: Лидия Читалкина, профессор Недогляд.

Основа сюжета – попытка бедной иногородней студентки и юноши из элитного круга построить самостоятельную жизнь, создать семью. Тема неравенства людей и при социализме обрисовывается тонко: самошитая одежда Лидуни и модные джинсы и кроссовки Александра; «бутерброды с красной икрой и сервелатом, шампанское, фрукты на блюде» в холодильнике друга главного героя и талоны на питание в студенческой столовой; реплики матери-москвички о знакомой сына: «иногородняя студентка», которая способна только «отвлекать от учёбы» её любимое детище; «дешёвые цветочные духи». Мама-врач, спасающая больных, не желает видеть женой сына бедную иногороднюю девушку с плохим зрением. Этому снобистскому миру противостоит любовь Александра к своей избраннице. Читателя сразу захватывает ситуация, ведь он задаётся мыслью: выдержит ли юноша противостояние враждебному миру и окажется личностью, или мир снобов, подлецов и жестоких нелюдей растопчет его любовь и уничтожит Лиду, дерзко бросившую вызов судьбе, а его запишет в разряд пошлых слабаков-неудачников. Александр и Лидуна преодолевают препятствия судьбы: не сидят на шее у родителей, стараясь заработать денег, снимают комнату в коммунальной квартире, решают укрепить семью, родив ребёнка, сталкиваются со страшным миром, в котором всё устроено для блага тех, кто даёт взятки, и ничего – для тех, кто верит в книжный социализм; где в погоне за наживой существа в белых халатах не щадят даже беременных женщин и их будущих детей. Рушится социалистическая система. Умиравший профессор Недогляд думает: «Как мы всё это допустили? Как мы недоглядели? Мы хотели впустить рыночные отношения в экономику, но о них больше писали в научных журналах, больше говорили. Мы проиграла Западу психологическую войну». Но тем и ценно

для нас произведение Л. Земной, что автор показывает: несмотря на царившее падение нравов, оставались порядочные люди. И профессор Недогляд, не ставший разрушать любовь молодых людей; и его сын Леонид, решивший уйти из этого уже нечеловеческого мира и оставивший квартиру другу; и Лидия, талантливая изобретательница не принятой бюрократами и взяточниками методики преподавания английского языка; и её простая трудолюбивая мама, которая, поддерживая дочь в трудные минуты, говорит слова, достойные стать заповедью человека, кинутого в почти бездуховный мир: «Ты служишь людям – это великое дело. Но в своей любви к ним ты должна пойти дальше. Ты должна уметь прощать. Ты должна быть открытой людям несмотря ни на что. В этом радость жизни». Здесь вспоминаются строки стихотворения Редьярда Киплинга «К сыну»:

*Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.*

Образ Лидуни из хрупкой полуслепой бедной иногородней девушки, сначала пригретой, а потом на время или навсегда брошенной с ребёнком обеспеченным юношей, вырастает до образа героини, которая несмотря на все препятствия, выбирает служение добру, истине. И это угодно Богу. Недаром мама Лидии раскрывает перед ней страницу Библии, в которой есть слова: «Зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославили Отца вашего Небесного». Последняя строка произведения «Лида отставила чай в сторону, посмотрела на Юленьку, взяла Библию из рук матери, прижала книгу к груди и крепко задумалась», на мой взгляд, является переходом от романа-абриса к эпосе, которая развернётся за кадром произведения. Народным бедствием является то, что многие мужчины часто не выдерживают жизненных испытаний и бросают женщин с детьми. А мировым злом – то, что в мире существуют несправедливость, эгоизм.

Но как Георгий-Победоносец одолел змея, так и человек верующий должен одолеть все невзгоды и спасти дитя-мироздание великим служением.

Роман Л. Земной, как путеводная звезда, показывает нам выход из лабиринта бед, утверждает, что жизнь на этой планете есть испытание души на кротость, веру, надежду, любовь, способность прощать и служить людям и Богу.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Инна ВАРВАРИЦА

Инна Петровна Варварица – поэт, прозаик, детский писатель. Родилась в Свердловске. В 1948 г. семья переехала в Москву. Окончила фармацевтический факультет 1-го Московского Медицинского института им. Сеченова. Более 40 лет работала химиком-аналитиком. Много путешествовала по Европе от Скандинавии до Кипра, побывала в США, Египте, Японии. Автор восьми

поэтических сборников, книги стихов и прозы, двух детских книг. Член МГО СП России.

Живёт в Москве.

КАК-ТО ЛЕТОМ УТРОМ РАНО...

ГНОМ

За солнечной опушкой темнеет лес густой.
Там в крошечной избушке жил гномик небольшой.
Такой трудолюбивый, умелый этот гном –
Избушку сам построил под старым лопухом!
А рядом под навесом для дров устроен склад –
Сосновые иголки поленницей лежат!
Из высохших травинок сплёл кресло и кровать,
Чтоб все дела закончив, спокойно отдыхать.
Разросшийся черничник – его фруктовый сад,
Там ягоды на ветках, как яблоки, висят!
В плетёную корзинку их гномик соберёт
И сварит сам варенье, кисель или компот.
Печёт картошку гномик и варит суп с лапшой.
И крохотную кошку гном любит всей душой!
Стоят вокруг избушки густые травы в рост,
Они полны знакомых кузнечиков, стрекоз!
Гном знает все тропинки в лесу наперечёт
До озера лесного, где лучший друг живёт.
Когда погожим летом цветы цветут кругом,
На озере у друга гостит частенько гном.
На отмели песчаной мальков резвится рать –
Там любят наши гномы и плавать, и нырять!
Зимой, когда сугробы всё заметут вокруг,
На лыжах по-соседски заедет к гному друг.
Наш гном затопит печку и испечёт пирог,
За чаем скоротают морозный вечерок!
Свеча в окне избушки рассеивает тьму.
Не хочешь в воскресенье и ты зайти к нему?

ПЕДАЛЬНАЯ МАШИНА

Каждый день играли с Ваней
Заяц Стёпа, кукла Таня,
Антарктический пингвин
И большой медведь Мартын.
Но сегодня все забыты:
У окна Мартын сердитый,
Брошен на полу один
Антарктический пингвин,
И скучают на диване
Заяц Стёпа с куклой Таней,
Потому что в воскресенье
Был у Вани день рожденья,
И купил в подарок сыну
Папа классную машину!

Настоящая, большая,
Цветом – светло-голубая.
Есть и фары, и гудок,
И педали есть для ног –
На педали нажимай
И хоть целый день гоняй
На машине по квартире,
Словно гонщик лучший в мире!
И теперь у Вани дом –
Настоящий автодром!
Ваня, как мотор, рычал
И сигналы подавал,
Чтобы все, кто на пути
Поспешили отойти.
Бак «бензином» заправляя,
Влил в машину чашку чая
И опять поехал быстро!
А потом он стал таксистом

И подвёз сестрёнку Катю
От дивана до кровати –
Было спать пора сестрёнке!
Спят с игрушками девчонки,
Потому отвёз заранее
К ней в кроватку куклу Таню.
Мигом довезла машина
До Антарктики пингвина,
Где пристроился он ловко
В холодильник на зимовку!

В лес решил свозить медведя,
Да не вынесли соседи!
Возмущается сосед:
– Нам от вас покоя нет!
Что за грохот здесь с утра?
Детям спать давно пора!
И ушёл. Пришлось таксисту
До стола доехать быстро,
Совершить крутой вираж
И такси загнать в гараж –
Под столом, сказав Мартыну:
– Сторожи мою машину!
Завтра будет дальний рейс –
Мы с утра поедem в лес!

ХУДОЖНИЦА

Полётом творческим полна,
Рисует Машенька слона.
Известно всем, что слон большой.
Пусть упирается спиной
Он в верх бумажного листа.
Вот справа место для хвоста,

А слева – для ушей и щёк.
Внизу – столбы огромных ног.
Слон – во весь лист! Большой и серый.
Но от чего вдруг заревела
Художница? Что огорчило?
На хобот места не хватило!

ПЕВИЦА

Лягушка в болоте наивно мечтала
Учиться отправиться в школу вокала –
Открыли такую в лесу за болотом.
Там учат артистов! Лягушке охота
Туда поступить, чтобы петь научиться
Красиво и звонко – не хуже, чем птицы,
Чтоб школу закончив, с концертом, как птицы,
И ей на гастроли летать за границу.

Желающих много таких набралось:
Чиж, Грач и Ворона, Синица и Дрозд...
Прослушивать должен всех мэтр Соловей –
Он так виртуозностью славен своей!
Оркестр из кузнечиков скрипки наладил.
Сова-секретарь записала в тетради
Всех тех, кто явился – и птиц, и Лягушку,
Чтоб пели они под оркестр, друг за дружкой.

Настал наконец и Лягушкин черёд.
Ей скрипка чудесную песню поёт.
Звучала мелодия нежно и тонко.
Лягушка старалась и квакала громко!
Допев, ожидала хвалебных речей!
Но крыльями уши заткнул Соловей:
– Нет, это не пенье, а странное что-то!
Вы часто берёте неверные ноты!

Рад Чиж и Малиновка, Дрозд и Синица –
Их приняли в школу вокала учиться,
Сумели пройти они с честью прослушку.
Не взяли – Ворону, Грача и Лягушку –
Они не годятся для школы вокала,
Ни каркать, ни квакать певцам не пристало!
И что же Лягушка? Забыв про гастроли,
Поёт на болоте в лягушечьем хоре!

МОКРАЯ ВОРОНА

Осенний дождь идёт немало дней,
То посильней польётся он, то тише.
Вокруг дома – защита для людей,
И только у вороны дом – без крыши!

Мал воробей, он поместился в щель,
Где сухо от нависшего балкона.
А по дорожке, где ручей теперь,
Уньло бродит мокрая ворона.

Без зонтика и даже без сапог!
Босые лапы застудила в луже.
В комбинезоне, ей навстречу – дог.
Ему тепло гулять, вороне – хуже.

Глядит в окно на дождь мордастый кот,
На застеклённом нежится балконе.
Он сыт. А ей никто не принесёт
Еды в гнездо промокшее воронье.

Пока была зелёная листва,
Спасала от дождя густая крона.
Сейчас остатки держатся едва.
В такую пору плохо быть вороной!

ДЯТЕЛ

Крепко в ствол упёрты лапки.
Час, другой – стучать не лень!
Это Дятел в красной шапке
Долбит дерево весь день.

Очень важная работа –
От личинок лечит лес!
Не о дереве забота –
Он личинки эти ест!

Но отлично пообедав,
Лес спасёт от короедов!

ЛИСИЧКИ

Лес. В ветвях щебечут птички.
А в траве сидят лисички –
Родились в глуши лесной
На поляне под сосной.

Я нарочно их пугаю,
Но они не убегают!
Рыжей стайкой сбились вместе,
Хоть кричи – сидят на месте!

Можно палкой замахнуться,
Всё равно не шелохнутся!
Заберу я их с собой –
Мама сварит суп грибной!

ЛЕСНОЙ КОЛОБОК

Как-то летом утром рано
Вышел Ёжик из тумана
И соседа Зайца встретил.
Тут туман развеял ветер,
И на солнечной лужайке
Заболтались Ёжик с Зайкой.

Обсудили для порядка,
Где капуста есть на грядках,
Где грибные есть поляны.
Вдруг мелькнуло что-то странно –
Это хвост Лисицы рыжей,
Что крадётся к ним поближе!

Заяц – Ёжику: «Бежим!»
Но не бегуны ежи
На своих коротких лапах!
Ёжик нос и лапки спрятал
И свернулся весь клубком –
Стал колючим колобком!

Заяц куст перемахнул –
Только хвост в траве мелькнул!
А Лисе достался Ёж.
Только как его возьмёшь?
Если соберёшься сцапать,
Вмиг исколешь нос и лапы!

От Лисы и даже Волка
Защитят Ежа иголки!
Завтра снова на лужайке
Встретит Ёжик друга Зайку
И ответит на вопросы,
Как Лису оставил с носом!

ШУБКА

Лес. К концу подходит осень.
У Ежа Ежиха просит:
– Мне бы шубку меховую,
Не колючую, другую!
Я тогда зимой суровой
Щеголяла б в шубке новой!

Ёж Ежихе говорит:
– У тебя прекрасный вид!
А одевшись попушистей,
Ты обедом станешь лисьим!
Нам в холодном декабре
Лучше в тёплой спать норе!

ПИНГВИН

Белая манишка, фрак – чёрный.
Он на суше – увалень, а в воде – проворный.
Крылья у пингвина есть, только не летает
Он в метель и стужу. Где снега не тают,
И мороз лютует, там в воде теплей.
Крылья у пингвина, чтобы плавать в ней.
Поныряв за рыбами, выпрыгнет на льдину.
Антарктида снежная – родина пингвину!

ПОЧЕМУ БЕЛЫЕ МЕДВЕДИ НЕ ЕДЯТ ПИНГВИНОВ

В царстве льда и снега холодно и вьюжно.
В океанских водах стаи льдин плывут.
Белые медведи не боятся стужи.
Увальни-пингвины и во льдах живут.

Смотрят вдаль медведи, плаывая на льдинах, –
Может, попадётся на обед тюлень!
Белому медведю не поймать пингвина,
Но под лёд за рыбой броситься не лень.

Белые медведи не едят пингинов,
Что на льду и между льдин в воде снуют,
Потому что в Арктике не живут пингины,
В Антарктиде белые медведи не живут.

ХИЩНИК

Спят зимой в норе ежи,
Спит медведь в берлоге.
Волк без дела не лежит,
Волка кормят ноги!

Белка шишек наберёт.
Мишка косолапый,
Как дитя, зимой сосёт
Собственную лапу.

Зяец кормится корой
С молодой осинки.
Хватит мышке полевой
Корешков былинки.

Рыщет волк в глуши лесной
В поисках добычи.
Если голодно зимой,
Тут не до приличий!

Встретит зайца на пути
И не скажет: «Здрасьте!»
Зайцу ноги б унести
От зубастой пасти!

Если зайцев не ловить,
То придётся волку
Зубы острые свои
Положить на полку*.

И кабан замрёт лесной,
Вой услышав волчий.
Вздрогнет даже лось большой,
Глядя в чашу зорче.

По натуре волк не злой:
Если что случится,
Он всегда стоит горой
За волчат с волчицей!

Ну не могут волки есть
Корешки и шишки,
В нору на зиму залезть,
Как в берлогу мишка.

И не накормить волчат
Шишкой с ёлки колкой.
Волк совсем не виноват,
Что родился волком!

ПРО БОБРОВ

Лес. Ручей течёт в овраге.
Здесь живут бобры-трудяги.
Строит дом семья бобра
Без пилы и топора.

* Пословица.

Им, бобрам, совсем не трудно
Сделать на ручье запруду.
У строителей-бобров
Зубы вместо топоров.

Нагрызут стволов и веток,
Чтоб в ручей упали метко,
Прыгнут в воду прямо в шубе,
Палки, брёвна – всё, что срубят,
Соберут, обмажут илом,
Чтоб течением не размыло.
У построенной запруды
Бег ручья замедлен будет –
Не ручей уже, река
У плотины глубока!

Сверху на свою запруду
Натаскают веток груды.
Вот идут на задних лапах,
А в передних – мох и лапник.
Даже камни носят споро!
Сильный, плоский хвост – опора,
А в воде он – руль и вёсла.
Строить прочный дом не просто!

Дом внутри обмажут глиной,
Илом укрепят и тиной –
Будет комната сухой!
Вход и выход – под водой.
Дом бобра зовётся хаткой.
Будут в нём расти бобрятки,
Плавать в речке и нырять.
А потом бобриха-мать
Позовёт бобрят обедать.
Хочешь их еды отведать?

Погрызи коры осины –
Вкус поймёшь еды бобриной!
Кроме веток и коры
Могут травы есть бобры –
Травы водные, прибрежные.
И растут бобры не нежными –
Без печенья и конфет!
Погрызут простой обед
И едой довольны вроде!
Вот такая на природе
Жизнь строителей-бобров, –
Самых крупных грызунов!

КАК НА КОРОВЕ СЕДЛО

Однажды увидела скачки корова.
Корова была молода и здорова,
Резвее в округе едва ли сыскать.
И ей захотелось самой поскакать,
Чтоб мчаться галопом, чтоб ветер игриво
Ей хвост развевал, раз отсутствует грива,
И зрители весело, громко кричали,
А после – цветами её осыпали.
На зависть другим или, может, назло
Купила она на базаре седло.
Наездник на ней, как гимнаст на шпагате,
Никак он коровьи бока не обхватит
И стремя ногами не может достать.
Как только пустилась корова скакать,
Подпрыгивать стали крутые бока
И выбросили из седла седока.
Свалился он в пыль с этой скачущей глыбы
И грустно сказал, потирая ушибы:

– Уж больно коровья спина широка,
На ней неудобно ногам седока.
Поднялся, хромая:
– Мне не повезло.
Ужасно сидит на корове седло!

С тех пор, как не красит кого-то наряд,
То: «**Как на корове седло!**» – говорят.

СЛОЖНЫЕ СЛОВА

В доме есть вод-о-провод,
Кон-е-вод коня ведёт,
А кон-о-крад – украсть готов.
Ловит птичек птиц-е-лов.
Сам летает сам-о-лёт,
Пар-о-ходы пар ведёт.
В цирке есть канат-о-ходцы,
А в глуши – перв-о-проходцы,
Те, кто первыми идёт.
А когда весенний лёд
Разобьёт река на глыбы
И начнёт течением двигать,
Мы явление природы
Называем лед-о-ходом!

Татьяна ШИПОШИНА

Татьяна Владимировна Шипошина – прозаик, детский писатель, член МГО СП России. Председатель ТО ДАР (Тв. объединения детских авторов России). Гл. лит. редактор сайта ТО ДАР «Дети и книги».

Автор более шестидесяти книг для взрослых, детей и подростков. Многие книги переизданы (издательствами). Печаталась в журналах «Мурзилка», «Костёр», «Шишкин лес», «Кукумбер», «Фома», «Полдень XXI век» и др.

Автор и автор-составитель многочисленных альманахов и сборников.

Лауреат и дипломант литературных конкурсов.

Обладатель знака «Золотое перо Руси», ордена В.В. Маяковского и других лит. наград.

Живёт в Москве.

ДВА РАССКАЗА

«Бродячий» кактус

Мама тащила Саньку за руку из детского сада. Саньку и два пакета с продуктами.

Не то, чтоб Санька устал, нет. Просто ему нравилась сумрачная улица. Солнце спряталось за дома, а фонари ещё не зажглись. Вот Санька и старался идти помедленнее, чтоб любоваться мерцающей синеватой улицей.

Снег почти растаял, а листочки зелёные – ещё не появились. Так, кое-где почки набухли.

Весна... Воздух свежий.

Возле мусорных бачков, при входе во двор, Санька приостановился. Около бачка валялся круглобокий ребристый кактус в разбитом горшке.

– Мама! Смотри!

– Саша, я же говорила тебе, что мне надо скорее домой! Мне работу надо доделать!

– Мам! Смотри, кактус валяется!

– Ну, и что? Мало ли что люди выбрасывают!

– Ма, но он же – живой!

Санька изо всех сил «затормозил».

– Ма!

– У меня нет сил с тобой! – вздохнула мама и поставила пакеты с продуктами прямо на асфальт. – Иди, смотри.

Санька склонился над разбитым горшком. И подумал:

«Интересно... Интересно, о чём думают кактусы? Больно ли кактусу валяться на мусорке? Может, кактус даже плачет... По-своему, по кактусному. По кактусовому. И вообще, ему, наверно, холодно. Ведь родина кактусов – дикие прерии Южной Америки...»

Это Санька хорошо знал, потому что недавно видел, по телевизору.

– Ма, а давай его домой заберём, – попросил Санька.

– Так и знала, что этим сейчас всё закончится, – вздохнула мама. – То ты хотел подобрать котят, а неделю назад – бродячего щенка. А ухаживать за всеми – кто будет?

– Мамочка! Давай подберём хотя бы «бродячий» кактус! – Санька распрямылся и теперь смотрел на маму широко распахнутыми глазами.

– Хорошо, что не бродячий баобаб! – вздохнула мама ещё раз. – И как ты его собираешься тащить? Он же – колючий!

– Это он так защищается!

– К сожалению, от некоторых вещей он не может защититься, – сказала мама. – Впрочем, этим кактус похож на человека. Так бывает: кто-то колючки выставляет, а его просто берут и выкидывают. Вместе с колючками.

Санька не совсем понял то, о чём говорила мама. Но он понял главное – мама согласна! Мама согласна приютить «бродячий» кактус!

Кое-как Санька с мамой подняли беднягу с помощью пакета. И Санька понёс домой этот пакет со спасённым жителем прерий Южной Америки.

Вместо того, чтоб заняться «доделыванием работы», маме пришлось ещё раз выйти из дома, чтобы купить в цветочном магазине новый горшок и специальный грунт для кактусов. И вот слегка пожухлого, желтовато-зелёного бедолагу, наконец, извлекли из пакета и пересадили в новую землю и в новый обширный горшок. Корешки у кактуса оказались короткими и почерневшими.

– Не отойдёт, – вздохнула мама. – Не спасём!

Санька закусил нижнюю губу и изо всех сил подумал: «Спасём! Спасём! Пожалуйста, кактус! Давай, спасайся!»

Потом мама и Санька два часа сидели и вытаскивали из рук и из других, самых неожиданных мест, тонкие кактусовые колючки.

Санька вытаскивал колючки молча, так как чувствовал себя немного ответственным за нового члена семьи, а вот мама высказала кактусу обиду:

– Вот, – говорила она. – Мы его спасли, а он нас своими колючками наградил!

Кактус ничего не отвечал. Вероятно, он сожалел. Но не мог иначе. Он же – кактус...

Мама это поняла. Ставя новый горшок с кактусом на подоконник, мама сказала:

– Но ладно, ты кактус. А вот некоторые люди тоже стараются уколоть своих близких. Самых близких. До тех, кто выбрасывает, их колючки не достают...

Санька обнял маму:

– Мам, не грусти...

– Ладно, Саня. Но раз уж мы этого колючку приютили, надо почитать в интернете, как правильно за ним ухаживать. Как его поливать, удобрять и всё прочее. Раз уж мы его взяли... будем смотреть за ним, как положено. И учти – многое придётся делать тебе самому. Ты понял это?

– Мамочка! Спасибо тебе! – Санька ещё крепче обнял маму.

А когда мама вышла на кухню, тихо прошептал кактусу:

– Ты не бойся, мама добрая. А я тебя буду поливать. Я тебя...

Санька хотел сказать кактусу, что будет его любить. Но как-то постеснялся. Только погладил пальцем ребро кактуса, даже не боясь, что снова подцепит колючку.

Кактус ожил. Более того. Ближе к маю выпустил мохнатую почку, которая оказалась бутоном. Санька наблюдал за тем, как бутон растёт. Смотрел каждое утро и каждый вечер, до детского сада и после. А уж в выходные – по десять раз на дню.

Однажды под вечер мама сказала:

– И правда, как человек. Отогрелся и оказалось, что колючки способны цвести... И даже благодарить.

Наконец, наступил тот день, когда коричневый лохматый бутон превратился в прекрасный белый цветок.

Такой чудесный, что от него невозможно было отвести взгляд.

Хорошо, что это случилось в субботу. У мамы выходной, и Саньке не надо в детский сад.

Санька и мама любовались цветком...

Нужны ли слова при этом?

Наверно, нет.

Харизма

До окончания работы детского садика оставался один час. Воспитательнице ясельной группы, Ниночке, требовалось срочно уйти. Она договорилась с воспитательницей младшей группы, Ольгой Николаевной, что приведёт ней двоих оставшихся малышей.

В ясельной группе – дети с двух до трёх лет, а в младшей – с трёх до четырёх.

– Это – Коля, – представила Ниночка первого малыша.

Полненький, сероглазый Коля исподлобья озирался в новой обстановке.

Зато второй малыш освоился довольно быстро. Через минуту он уже стоял возле большого фанерного грузовичка.

– А это – Сашка, – представила его Ниночка. – Он такой...

– Ладно, беги уже! – Ольга Николаевна подтолкнула коллегу. – Разберёмся с твоим Сашкой. Беги!

Ниночка быстренько испарилась.

Ольга Николаевна строго осмотрела детишек. Второй «ясельный» малыш оторвался от грузовика и тоже посмотрел на Ольгу Николаевну.

К воспитательнице полетел такой радостный взгляд светло-карих глазёнок, что губы Ольги Николаевны сами стали расплзаться в улыбку. Надо лбом малыша топорщился русый чубчик с единственной кудряшкой на самом верху.

– Бика! Бика! – громко закричал малыш, словно приглашая Ольгу Николаевну порадоваться вместе с ним.

Дети обернулись. Ребятишки группы Ольги Николаевны давно уже привыкли к грузовичку. Но призыв маленького Сашки они услышали.

– Не «бика», а «машина»! – поправила малыша Ольга Николаевна, – Ма-ши-на. Понял?

Маленький Сашка одарил воспитательницу радостной улыбкой:

– Бика! – уверенно повторил он. – Бика!

– Машина, – не сдавалась Ольга Николаевна.

– Бика! Бика!

Народ стал подтягиваться поближе к фанерному грузовичку. А ближе всех – Света, дочка Ольги Николаевны. Света находилась в младшей группе вместе с мамой, хотя ей уже исполнилось четыре года. И скоро должно было исполниться пять.

Маленький Сашка, в это время, начал ходить вокруг грузовичка, повторяя громко и радостно:

– Би-ка! Би-ка! Би-ка! Би-ка!

Потом остановился, погладил грузовичок по колёсам и произнёс:

– Гика! Гика!

– Не «гика», а «колесо», – проявила характер Ольга Николаевна. – Ко-ле-со!

Мальш остановился:

– Гика! – громко и радостно отозвался он. – Гика!

– Колесо! – начала раздражаться Ольга Николаевна. – Колесо, а не «гика»!

– Гика! – лучезарно улыбался малыш. – Гика! Бика!

Тут Ольга Николаевна решила прибегнуть к помощи дочери. Светочка прекрасно разговаривала, и даже знала наизусть несколько стишков.

– Светочка, хоть ты ему скажи, что это «ма-ши-на»! А это – «ко-ле-со»! Ну, Светочка! Ну-ка, ребята, давайте научим малыша разговаривать. Давайте хором: «Ма-ши-на»!

«Ма-ши...» – нестройный детский хор затих, едва произнеся первый слог.

Зато маленький Сашка снова двинулся вокруг грузовичка, громко повторяя:

– Би-ка! Би-ка! Ги-ка! Ги-ка!

И тут Светочка...

ТАТЬЯНА ШИПОШИНА

Да, Светочка оказалась первой. Увы...

Она встала за маленьким Сашкой и двинулась за ним вокруг грузовичка, радостно повторяя:

– Би-ка! Би-ка! Ги-ка! Ги-ка!

О, сигнал был сразу услышан, расшифрован и понят! И через мгновение за улыбающимся малышом шагали уже все, кого родители не «забрали» домой к тому времени.

Шагали и скандировали:

– Би-ка! Би-ка! Ги-ка! Ги-ка! Би-ка! Ги-ка!

Последним, пыхтя, ковылял маленький Коля из ясельной группы.

– Би... ги... ка... – сопел он.

Тут Ольга Николаевна решила «включить» строгую воспитательницу. Она подошла к детворе поближе, и...

И опять наткнулась на сияющий взгляд карих глазёнок Сашки.

Ольга Николаевна инстинктивно сделала шаг назад.

Не смогла...

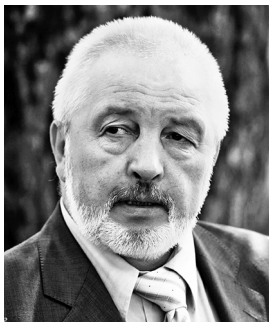
Да, Ольга Николаевна поняла, что скрывалось за словами Ниночки. Вернее, что скрывалось за словом «такой». «Такой» вот.

«Би-ка! Ги-ка! – звучало в голове воспитательницы. – В бике четыре гики. Интересно, сколько мне потребуется времени, чтобы переучить их обратно? Би-ка! Би-ка! Ги-ка! Ги-ка!»

А малыш шагал вокруг грузовичка, смешно потряхивая кудряшкой на чубчике. В полной уверенности в правильности своих действий, и искренне радуясь всему происходящему.

За ним, разделяя его неподдельную радость и уверенность, шагала Светочка и вся малышня младшей группы, ещё не «забранная» родителями.

Александр ТОРОПЦЕВ

Александр Петрович Торопцев – писатель, автор 40 книг по мировой и отечественной истории, по истории Москвы и Московской земли для детей, юношества и взрослых, 1 книги прозы, книги «Лесков и Ницше. Сравнительное описание двух параллельных творческих миров», многочисленных публикаций на темы современной литературы, в том числе и детской. Председатель творческого объединения детских и юношеских писателей МГО СП России. Доцент Литературного института им. А.М. Горького, руководитель семинара по детской литературе в Литературном институте. Руководитель литературных семинаров при ЦДЛ (возраст участников от 15 до 70 лет и выше), при Московской городской организации СП России (для наиболее перспективных молодых писателей), при юношеской библиотеке им. М.А. Светлова (возраст участников от 12 до 25 лет), в школе № 1306. Лауреат нескольких международных и всероссийских литературных премий. Являлся членом и председателем жюри более десятка литературных конкурсов для юношей и взрослых, руководителем мастер-класса Сопевания писателей «Газпрома».

Живёт в Москве.

КОРОТКО О ПРОБЛЕМАХ И ГЛУБИННЫХ ТАЙНАХ ЛИТЕРАТУРЫ О ДЕТЯХ ДЕТЯМ И ВЗРОСЛЫМ

*Свободные размышления для тех, кто рискует
писать ребёнка для детей и (или) для взрослых*

Глава 1. Человек взрослеющий...

Можно ли познать непознаваемое?

Человек взрослеющий, а тем более взрослый человек, не способен взобраться на вершину детского незнания, которое представляет собой некое пространство сплошь белого цвета, то есть суперпозицию всех знаний, пониманий и чувствований, то есть всех тайн жизни. Вполне возможно, что на этой вершине детского незнания царит та сама пустота, которая есть всё, суть которой пытаются осмыслить величайшие умы человечества уже, как минимум, 4–5 тыс. лет. Пока безрезультатно. Пустота намертво хранит свою Тайну, позволяя людям по мере их взросления открывать для себя лишь частицы этой Тайны. Познавая их, человек медленно, но безальтернативно спускается с вершины детского незнания и превращается в существо векторное. Потому что любое знание векторно. Только на вершине детского незнания человек свободен от пут земных знаний, пониманий, чувств. Эта свобода, однако, не позволяет ему осмыслить своё безмерное богатство, потому что мысль должна опираться на эти самые понимания, знания, чувствования. А их у него ещё нет. Потому что в самый момент зачатия, находясь на самом пике детского незнания, человека окружает, человека пронизывает даже ещё не хаос, в котором тоже невозможно разобраться, но пустота, которая, повторюсь, есть всё. Приобретая те или иные знания, человек получает в дар и точки опоры, и этикие стерж-

ни, за которые можно держаться, на которые можно опираться в своих рассуждениях и формировать своё личностное, творческое «Я», а затем в человеке формируется этакий базовый фундамент, на котором он строит некое сооружение опять же из суперпозиции своих уже познанных, значит векторных знаний, пониманий и даже чувств.

Естественно, на этот процесс самое непосредственное влияние по мере взросления человека, уже родившегося, оказывают сразу несколько факторов: ближайшее взрослое окружение, книги, написанные взрослыми авторами, школа с её взрослыми учителями, друзья, и т.д.

Так должно быть, так было, есть и будет. Взрослые не просто обязаны, но на генетическом уровне запрограммированы вести воспитательную и обучающую работу. Они этим и занимаются испокон веков.

Причём, вот что удивительно: очень часто взрослые люди (родители, педагоги, учёные и даже писатели) напрочь забывают о существовании величайшей, недостижимой для них вершины детского незнания, и исходят в своём творчестве, в своей работе с детьми из того, что их взрослых знаний вполне хватает для воспитания, образования детей, для формирования их личностных качеств.

Можно ли и нужно ли менять это положение дел? – Нет! Хотя бы потому, что каким он был, человек, таким он и остался, то есть остался он в тех рамках, которые очертил для него Господь Бог.

Но Он же разрешил нам познавать... непознаваемое.

И шедевры мировой литературы о детях детям и взрослым говорят о том, что процесс познания ребёнка приносит и радость, и знания, и восторг от интуитивных прорывов авторов.

Но если процесс идёт, то зачем писать разные учебные пособия для пишущих, для руководителей семинаров?

На этот вполне законный вопрос я отвечаю так:

Даже люди очень талантливые часто идут к цели окольными путями. Да, интуиция им помогает выбрать форму и наполнить её содержанием для вполне конкретного возраста, вполне кон-

кретного читателя. Но даже им полезно будет почитать это пособие, как информацию к размышлениям, к быстрой и точной ориентации.

А уж о людях, просто способных писать книги детям (иной раз у них получается хорошо), это пособие окажет большую помощь.

Я – за конкретного читателя

Подавляющее большинство произведений мировой литературы было написано «не для всех», а для конкретных читателей. Но написаны они были так хорошо, что читательская аудитория выросла почти до предельного уровня, и эти произведения, созданные столетия, даже тысячелетия назад, остаются востребованными и в наши дни.

Социальная, временная, пространственная локализация, личностные приоритеты, возрастная градация – эти и другие составляющие должны иметь в виду все писатели, и особенно те, кто пишет для ребёнка.

Коротко о возрастных возможностях

Приблизительно до 5–7 лет ребёнок живёт в системе активного накопления житейского материала, задавая себе и взрослым главный на этом этапе вопрос: «А это что?» Чуть позже (7–11 лет) его чаще волнуют ответы на вопрос: «Как?» А приблизительно в 12 лет он всё чаще задает себе и взрослым вопрос: «Почему?» И всё чаще пытается ответить сам на него. Именно этой попыткой отвечать на вопрос «почему?» человек принципиально отличается от любого животного. Именно в тот момент, когда вопрос «Почему?» становится преобладающим в его сознании, а то и доминирующим, и происходит рождение человека, «существа социального».

Как было? (Или «Велосипеды уже изобретены»)

Великобритания. Первая пол. XIX в.

«По моему глубокому убеждению, детям следует решительно запретить читать современные заурядные романы, в них нет

и намека на воображение, зато есть жалкие попытки возбудить и удовлетворить их любопытство. Чтение таких романов особенно пагубно отражается на развитии воображения, на нравственность, ибо, возбуждая чувства, эти сочинения не побуждают к действию». (Кольридж С.Т. Избранные труды. М., 1987. С. 258).

«Такая разновидность литературы, единственная цель которой – развлечь читателя, ничему при этом не научив, никогда не имела стольких приверженцев, как теперь, ибо не было ещё общества с таким количеством бездельников, каким располагает современная Англия, причем бездельники эти по большей части поставлены в такие условия, что, захоти они хоть что-нибудь предпринять, и это оказалось бы им не под силу; к тому же все они связаны общим интересом, который, основываясь на заблуждения, ещё больше восстанавливает их против кропотливой работы разума и отважных изысканий истины, чем это свойственно разодетому мещанству». (Эссе о модной литературе: Пикок Томас Лав. Аббатство кошмаров. Усадьба Грилла. М., 1988. С. 222).

«То, что способность развлекать, с точки зрения большинства читателей, является главным достоинством литературного произведения, не так уж и удивительно, особенно если учесть, что англичане – самая думающая нация во вселенной; однако то, что способность развлекать оказывается столь же недолговечной, как и лоск нового сюртука, на первый взгляд может показаться несколько странным, ибо хотя все светские люди читают (за вычетом тех, кто обучался в колледже), тем не менее, коль скоро мода зиждется на новизне, книги выходят из моды вместе с нарядами, а потому наслаждаться в этом году тем, чем другие наслаждались двенадцать месяцев назад, значило бы признаться в самом гнусном преступлении – неспособности идти в ногу со временем.

В результате поток новых книг врывается в окна кабинетов, наводняет будуары и гостиные с тем лишь, чтобы дать исчерпывающий ответ на вопрос мистера Бездельника, что в настоящий момент читает миссис Ленивец со своими дочерьми,

и, выполнив тем самым свое предназначение, а также недолго усмирив чудовище Время, благополучно устремляется в Лету». (Там же. С. 222–223).

«Природа этой легковесной литературы и те изменения, какие она претерпевает в соответствии с колебанием моды последних двадцати лет, требуют специального рассмотрения и могут служить поводом к размышлениям, которые оказались бы небезынтересными и – я бы добавил – поучительными, если бы не боялся преждевременно смутить своих читателей. Поскольку каждая эпоха отличается своим характером, своими нравами и развлечениями, которые даже в самых поверхностных формах обусловлены глобальными чертами времени, пристальный наблюдатель даже из самой легковесной литературы, как бы далека она ни была на первый взгляд от морали и политики, может составить впечатление о моральном и политическом климате эпохи и нации». (Там же. С. 223).

А гораздо раньше Сократ говорил:

«Нет ничего более божественного в решениях людей, чем то, что касается воспитания – самого ли человека или членов его семьи». (Платон. Собрание сочинений в четырёх томах. Том 1. С. 113).

«Обладание всевозможными знаниями без знания того, что является наилучшим, редко приносит пользу и, наоборот, большей частью вредит владельцу». (Там же. С. 133).

«Государства для своего благополучия не нуждаются ни в стенах, ни в триерах, ни в корабельных верфях, ни в многонаселенности, ни в огромных размерах, если они лишены добродетели». (Там же. С. 264).

«Они (лакедемоняне – А. Т.), как и критяне, не позволяют своим юношам отправляться в другие земли, чтобы те не разучились тому, чем они учат сами». (Там же. С. 454).

«Даже сказки и те, говорят, нельзя рассказывать кое-как: надо непременно придать им заглавие, чтобы они не скитались вокруг безголовыми». (Там же. С. 550).

«Поэт должен творить мифы, а не рассуждения». (Платон. Собрание сочинений в четырёх томах. Том 2. М., 1993. С. 11).

Как познать ребёнка?

Я могу доказать (не в этой работе, естественно), что многие современные авторы, пишущие для детей, имеют весьма однобокое представление о ребёнке и о детстве. То же самое я могу сказать и об издателях этих книг. Впрочем, так было всегда ранее: читай предыдущую главу. И эта странная взаимосвязь не знающего писателя с незнающим издателем и незнающими родителями, покупающими однобокую литературу, меня, мягко говоря, удивляет.

Но как же познать субъект литературного исследования, то есть будущих героев произведений о детях детям и взрослым? Помощниками в этом сложнейшем процессе могут стать личные наблюдения авторов и классики мировой и отечественной литературы. Не обязательно – детские писатели, но обязательно – классики, признанные мастера, героями произведений которых были дети.

Жизнь шарообразна

Жизнь шарообразна и многогранна как шар, то есть бесконечно многогранна, и любое явление в жизни людей шарообразно. И ребёнок, как одна из главных идей (даже не явлений, а именно субстанциональных идей) жизни, шарообразен в своих проявлениях, в бесконечных личностных гранях и в их взаимных проникновениях и взаимозависимости.

Дети живут в своём шаре жизни, взрослые – в своём. Детский шар – во взрослом шаре и вне его. Взрослый шар – в детском шаре и вне его. Они существуют порознь и одновременно – друг в друге, и одновременно – в едином шаре жизни.

В центре «детского шара», в этой бесконечной малости, открыта суть ребёнка, которая проявляет свои качества исходящими из центра шара лучами, коих бесконечное множество. Каждый из этих лучей и лучиков высвечивает на поверхности шара симпатичные грани любого ребёнка, любого из нас.

А детская литература?

Детская литература, литература с ребёнком в главной роли, должна быть шарообразна. В идеале. Но не на деле. Так называ-

емая «взрослая литература» гораздо ближе к шару. Достаточно вспомнить великое множество героев мировой литературы, начиная с Гильгамеша и Энкиду, чтобы убедиться в правомерности вышесказанного. Да, в «Махабхарате», в мифах народов мира, в трудах классиков исторической, мемуарной и художественной литературы далёкого и не столь далёкого прошлого дети есть. И чем выше по хронологической лестнице мы поднимаемся к XXI н.э., тем детей-героев становится всё больше.

А уж в начале так называемого Нового времени в России, например, появились авторы, специализировавшиеся на работах для детей, либо уделявшие этому благородному занятию значительное время. Подчёркиваю, для детей. К тому времени (XVII в.) мировая поэзия давно уже обрела форму шара изумительной красоты. И проза. И историологическая литература. И драматургия. И философская литература. И теологическая. О мифах я и не говорю, они уже пережили своё *акме* к этому времени, оставив нам в наследство и тайны, и загадки, и упрямое в этих тайнах и загадках очарование. Тоже ведь – шар, если вспомнить многообразие форм и других изысков в мифах, рождённых народами во всех цивилизационных и даже не очень цивилизационных центрах Земного шара.

Казалось бы, авторы рождаемых новых лучей литературного детского шара должны были использовать наработанное предшественниками, которые, между прочим, может быть, ничего не зная о шарообразности жизни и всех её явлений, творили-таки со времен рождения мифов и эпосов лучи будущих шаров. К сожалению, с детской литературой этого не произошло ни в XVII, ни в XVIII, ни в XIX, ни в XX веках. Нигде на Земном шаре. Потому что она получила мощный вектор-путеводитель сразу же, в момент своего, нет не рождения, а пробуждения. Родилась-то она еще до рождения Гильгамеша, первого литературного ребёнка, то есть в мифах и эпосах народов мира. Родилась и долгие-долгие тысячелетия находилась в состоянии крепкого сна. И то ли этот сон её расслабил, то ли громы и молнии огнестрельного оружия, уже обретшего мощь, дезорганизовали её, но она почему-то забыла, что в её двойственном названии –

«детская литература» – доминирующим, стержневым, опорным, определяющим, ключевым является слово «литература».

Забыла ли, проигнорировала ли, увлеклась ли лёгкой славой, не важно. Важно то, что вот уже четыреста лет кряду подавляющее большинство авторов (слава Богу, не все!) детской литературы исходят в своей работе из того, что это сначала «детская», а уж потом «литература».

Грубейшая ошибка. Ошибка, которую в современном мире невозможно исправить. Невозможно!

Я могу обосновать утверждения предыдущего абзаца, но для этого потребуется много времени, то есть отдельная большая работа. Пока прошу поверить мне на слово.

Да, уже во времена Советского Союза такие великие (без преувеличения) издательства, как «Детская литература», практически, вплотную приблизились к объёмному пониманию задач и целей этого важнейшего вида литературы, именно вида литературы. Дело издательства «Детской литературы» явилось апофеозом более чем четырехсотлетнего литературного движения. Сейчас оно находится в плачевном состоянии, и его будущего предугадать не может никто. Но, повторюсь, «Детская литература» ближе всех отечественных издательств подошла к шарообразному понимаю детской литературы (далее ДЛ).

Теперь же ДЛ отброшена на уровень третьей четверти XIX века с его сюсюканьем, дидактикой, бабушкиными охами-вздохами, то есть с заигрываньем с ребёнком. Но литература не есть игра. Литература есть работа! И гении детской литературы сделали эту работу такой увлекательной, захватывающей, такой мудрой, что читатель даже не догадывается, что его воспитывают, обучают, социализируют. Он просто читает, живёт книгой и радуется жизни.

Главный пробел

Главным пробелом современных авторов является то, что они не осмысливают ребёнка во всей его многогранности, но играют с ним (игрушечная литература – не литература), обучают и воспитывают его (педагогическая литература – не литература),

иной раз лечат (логопедическая, вообще лечебная литература – не литература). Они очень часто увлекают читателя в мир примитивных иллюзий, сооружают вокруг ребёнка странные теплицы, внутри которых всё искусственно и безжизненно. Книги подобных авторов я называю бумажно-картонной продукцией.

Нет-нет, я не призываю к отмене этой продукции, к изъятию её из человеческого обихода. Чем бы дитя не тешилось, лишь бы к «калашу» не тянулось. Но я за то, чтобы у детей с самого раннего возраста развивался вкус к русскому слову, к русской фразе, к системному мышлению и, главное, к интуитивным прозрениям, без которых русский человек не мыслим.

Главными богатствами любого племени, народа, государства являются территория, народ и язык, квинтэссенцией которого является литературный, пусть не всегда письменный, но литературный язык. Нет языка (то есть литературы) – нет народа, нет государства.

В любом человеке, племени, народе, государстве сосуществуют три типа мышления: образно-интуитивный, прагматический и системный. Обычно, один из них превалирует, а то и доминирует. В русском человечестве доминирует образно-интуитивное мышление. Именно его-то и должна развивать русская ДЛ. Именно об этом авторы современной русской ДЛ (не все, слава Богу, не все) забывают.

Мода губит

Каждое крупное, даже гениальное литературное произведение с ребёнком в главной или заглавной ролях отражает максимум несколько граней. И если это произведение становится модным среди читателей и писателей, либо его делают модным, как то случилось с произведением симпатичной англичанки наших дней, то в пишущем мире тут же появляются авторы, копирующие модное произведение. Это, в принципе, нормальное явление для человека обыкновенного, наносит громадный вред и ребёнку, и детям, и человечеству в целом.

Яркий пример – клоны «Гарри Поттера» многочисленных любителей быстрой славы.

Почему я категорически против этих модных клонов? Потому что каждая книга должна стать ступенькой на лестнице взросления, социализации и интеллектуального развития любого человека. Все клоны упомянутой книги находятся на одной ступени. Мода, созданная рекламой этого сочинения, обязала наших детей читать все эти книги и топтаться на одной ступени, как минимум, год, а то и два.

Пусть взрослые смотрят до умопомрачения свои сериалы, пусть. Они уже пришли. Но дети – идут! А мода вынуждает их стоять на месте. Это очень опасно для будущего детей и государства, в котором они живут, стоя на месте годами.

Есть ли выход? Или коротко о «канате жизни»

Движение жизни Земного шара в пространственно-временном поле можно представить себе в виде сверхпрочного каната, туго скрученного из линий жизни разной длины и прочности, разных социально-психологических и других качеств. У каждого писателя есть возможность влиться в одну из этих нитей и служить ей, извините за пафос. Кто не хочет, я не виноват. Другие потянут эту нить. И они тянут. И вытянут.

Я могу сходу назвать двадцать, а то и больше, современных писателей, для которых в словосочетании «детская литература» главным и определяющим является литература, в каком бы жанре они не работали. И они, я уверен, понимают меня. И на них – вся надежда.

Глава 2. Вначале были дети

Вначале были дети

Дети повзрослели, и появились люди, которые с азартом давно не пивших алкоголиков стали обустривать Мир Божий и своих собственных детей, используя самые разные средства, в том числе и художественную литературу, и часто забывая при этом одну важную деталь в Мире Божием.

Господь Бог, или Природа (для не верующих), а может быть, и Бог, и Природа, предложили думающему человечеству много задач. Одна из них непосредственным образом касается главной проблемы литературы о детях для детей и взрослых.

Формулируется эта задача так: почему Бог наградила ребёнком человека, которого многие мыслители, атеисты и идеалисты, называют венцом творения? Растительному и животному миру Он дал адекватного «ребёнка»: зернышко пшеницы обязательно вырастет пшеницей, змеёныш – змеёй, волчонок – волком и так далее в какой бы среде они ни выросли, кто бы ни взращивал, ни кормил, ни воспитывал их. Только человеческий ребенок, оказавшись, скажем, в волчьей стае, вырастит «нечеловеком» и «неволомом», то есть никем.

Аристотель Стагирит говорил, что человек – существо общественное (социальное). Семья, общество, государство делают все, чтобы из ребёнка сделать человека. Эта качественная метаморфоза происходит где-то на 8–12 году жизни, когда ребёнок превращается, нет, еще не в венец творения, а всего лишь в человека конкретного, в котором уже сформировалось на всю оставшуюся жизнь и «человеческое, слишком человеческое», и «общественное, слишком общественное».

Я подчеркиваю: уже сформировалось!

Из сказанного ясно, какую огромную роль в формировании «человеческого, слишком человеческого», «человечкиной души», «общественного, слишком общественного» в конкретном ребёнке играет общение. И в этом общении главная роль принадлежит языку общения и литературе как квинтэссенции языка того или иного народа.

<...>

Вспомним Сократа

Сократ говорил, что очень плохих и очень хороших людей очень мало. Все остальные люди – обыкновенные, какое бы место они не занимали на социальной лестнице.

Бесчисленные примеры современной литературы свидетельствуют о том, что и среди писателей очень хороших и очень пло-

хих очень мало, все остальные – обыкновенные, то есть приспособляющиеся, пишущие для таких же, как и они, обыкновенных людей. Только высокая литература, а не бумажно-картонная продукция, какой бы измалёванной и яркой последняя не была, даёт человеку шанс не забывать, что Бог не потехи ради навёл людей думающих на мысль о том, что человек есть венец творения.

Вышесказанное касается и так называемых детских писателей. Сократ о них тоже писал, о чём разговор пойдёт ниже.

Проблемы

У писателей, пишущих детей для детей и взрослых, проблем гораздо больше, чем у всех остальных литераторов и всех, кто занимается детством. Потому что:

- до сих пор никто на Земном шаре толком не разобрался в ребёнке – человеке ещё не взрослого возраста, но уже читающего, либо пока слушающего,
- никто с математической точностью не ответил на великое множество вопросов, касающихся данной темы,
- практически все вопросы из этого множества имеют антиномичные, то есть противоположные по смыслу, пары ответов,

Мы не знаем и не узнаем

- Общую Теорию творчества,
- Теорию Кривой творческой роста,
- Теорию Творческого диполя «Учитель – Ученик»,
- Теорию Оптимальных сопряжений в творческом диполе «Учитель – Ученик»,
- Теорию Предела Творческих возможностей,
- Теорию Влияния социума на творческую личность,
- Теорию Творческого взаимодействия трёх типов мышления: прагматического, системного, образно-интуитивного, в рамках Творческого диполя «Учитель – Ученик», в нашем случае – Творческого диполя «Автор – Читатель».
- Теорию Влияния профессиональных знаний на творческий процесс,

- Теорию Влияния многогранности каждой личности на её творческий процесс,
- Теорию Обучаемости,
- Теорию Возрастных возможностей,
- Теорию «Быстрого ума».

Не зная этого, мы, люди, проводим над детьми самые разные эксперименты, которые иногда нам удаются, а иногда и приводят к очень печальным последствиям, портят жизнь ребёнку, целым поколениям и даже государствам.

Наука о ребёнке и литература о ребёнке

Несмотря на то, что в людях гораздо больше общего, чем частного, каждый человек, тем не менее, уникален. Наука занимается общим в человеке, обществе, государстве. Литература отображает уникальное в общем, то есть в том, что делает человека человеком.

Можно ли найти истину?

Истина, сокрытая в ребёнке, часто напоминает электрон, не имеющий состояния, и полностью зависит от конкретного ребёнка. Истина в конкретном ребёнке. Истина в любом конкретном детском коллективе. А значит, в конкретном ребёнке нужно искать все те ответы, которые интересуют писателей и ученых, занимающихся на разных уровнях познанием детством.

А нужно ли её искать?

«А зачем, в самом деле, голову ломать, если есть рыночные отношения, которые всё отрегулируют и упорядочат, а значит, в значительной степени повлияют на правильные ответы?! – могут воскликнуть люди, безоговорочно верящие в якобы безграничные возможности рынка. – «Вода течёт туда, где ниже, и в этом её справедливость», – говорили древние китайцы. Издатели идут вслед за ребёнком, и в этом их справедливость, а, значит, и мудрость. Ребёнок сам откроет нам истину, покупая ту или иную книгу!» Именно так действовали практически все

издатели в 1990-е годы, именно так многие из них работают и сейчас. Но правы ли они? Но...

Можно ли доверять ребёнку в столь важном деле?

И этот вопрос имеет два противоположных ответа: есть дети, которым можно доверить истину, сокрытую в каждом конкретном ребёнке, то есть самого ребёнка, то есть самого себя, и идти вслед за ним, за его желаниями, потребностями и возможностями. Моцарты всегда были, есть и будут среди людей, среди детей. Но это гении. Гениям можно не волноваться. Ими можно только восторгаться, у них можно многому учиться, но... гениям нельзя доверять ответы на заявленные вопросы! Потому что гении живут и работают в пространстве генерации идей, высшей и малопонятной субстанции жизни.

Немного о гениальных, талантливых и способных

Писатели, в том числе и те, кто искали в своих произведениях детей, для детей и взрослых, не так уж и часто призывали гениев в главные герои. «Вода течёт туда, где ниже!..» Писателям более интересны люди попроще, которых гораздо больше гениев и которые (я рискну заявить) оказывают (все вместе, естественно) куда более важное влияние на судьбы людей! Разве герои всем известных детских книг были гениями? Том Сойер, Гекльберри Финн, Мальчиш-Кибальчиш, Алиса, герои Фолкнера, Платонова, Гюго, Горького, Гайдара, Радия Погодина, Юрия Ковалю... Между прочим, не поэтому ли дети любят сказки, что и там главными героями часто являются люди обыкновенные, которым (не потому ли?) разные волшебники даруют разные чудеса?!

Разве интересно гениям читать многотомные собрания нашумевших в предыдущее двадцатилетие приключенческих детских книг? Нет! Гениям интересно движение вглубь, в суть любой из проблем, а не обсасывание этих проблем вдоль и поперёк. Гений слишком стремителен в самопознании, в познании мира в себе и себя в мире. Каждая книга для него является этапом, ступенькой, на которой долго стоять неинтересно и некогда. Нужно

идти вперёд. Нужно познавать мир во всем его великолепии, чтобы либо открывать тайны природы и жизни людей, либо генерировать новые художественные идеи для более убедительного отображения уже известного в природе и в жизни людей.

Гении совершают открытия, которые затем увлекают десятки талантливых людей, способных оценить по достоинству сами идеи, и, главное, их мощные возможности познания и самопознания. Образно говоря, гений это то, что делает берёзу берёзой. Удел талантливых людей – украшать эту берёзу берёзовым. Нашёл в берёзе суть её – гений. Увидел в этой сути многогранную, объёмную во всех измерениях уникальность, отобразил в своём произведении – талант. Смог понять и оценить дело того и другого – способный человек.

Почти все люди планеты Земля способны понять и оценить красоту природы и красоту, сотворённую людьми. Нужно только... что?

Множественная задача детского писателя

Что нужно сделать, чтобы читающие дети одновременно радовались и смеялись, грустили и переживали, учились и воспитывались, незаметно для самих себя формируя в себе самих литературный вкус (имеется в виду вкус к высокой литературе, а не к бумажно-картонной продукции)? На данный вопрос можно ответить и так: нужно, чтобы соответствующие произведения лежали на книжных полках. Тогда и вопросов, и проблем никаких не будет.

Но беда в том, что подобных произведений и их авторов во все века и во всех странах было чрезвычайно мало. Гораздо чаще писатели, думая только о том, как бы угодить покупателю, а значит, и издателю, не думали о тех множественных задачах, которые должен решать любой уважающий себя человек пишущий.

Возрастная градация по Дзэами Мотокиё (1363–1443)

Выдающийся деятель японского театра, актер, автор почти ста пьес, Дзэами писал пьесы для театра Но, разработал

теорию театрального искусства. Его отец – Канъами Киёцугу (1333–1384), первоначально мастер *саругаку*, придворный артист, драматург и композитор, считается основоположником японской национальной драмы – театра Но, основателем театра «Кандзэдза». После смерти Канъами его сын Дзэами возглавил труппу театра Но. Вершины актёрской славы он достиг к сорока годам. После смерти сёгуна Асикага Ёсимичу, немало сделавшего для процветания театра и самого Дзэами, жизнь его изменилась. Театр стал выступать в основном в провинции и отдалённых деревнях. Новый сёгун Асикага Ёсинори в 1434 г. сослал актёра на остров Садо за то, что актёр отказался отдать тексты своих трактатов своему племяннику, фаворита нового сёгуна. Через два года Дзэами вернулся из ссылки, потому что к власти пришел новый сёгун, и остаток жизни провел в Киото в доме зятя (по другой версии – в деревне Оти, в доме внука). Актёрская династия оборвалась: старший сын Дзэами Мотома-са, подававший большие надежды, скоропостижно умер, младший – Мотоёси – стал буддийским священником.

Семь лет

«Итак, обыкновенно к нашему искусству приступают в семь лет.

При занятиях Но в эту пору в самих по себе возникающих действиях ребёнка непременно заложен некий совершенный стиль. В танце маи и в танце хатаракки, в пении и даже в изображении бурного характера нужно положиться на непринуждённую манеру игры, исходящую от ребёнка, и предоставить ему делать всё по движению сердца.

Не следует поучать, прямо говоря: «это хорошо», а «это дурно». Когда увещают слишком чувствительно, ребёнок теряет расположение к занятиям. А если искусство становится в тягость, то вскоре и способности прерываются.

Требовать от дитя упражняться в чём-либо ином, кроме пения, танца хатаракки и танца маи, никак не годится. Даже способного проникнуться тонкостями подражания посвящать в них не подобает. Не надо выпускать на сцену ребёнка и на пред-

ставление ваки-но саругаку, когда оно устраивается на обширном дворе. В третьей или четвёртой пьесе, выбрав подходящий момент, можно позволить ему выступить в его излюбленном стиле». (Дзэами Мотокиё. Предание о цветке стиля: (Фуси кадэн), или Предание о цветке: (Кадэнсё). М., 1989. С. 90).

Мы привели фрагмент из Части первой, которая называется «Наставления о занятиях сообразно течению лет».

Читатель уже догадался, что средневековый японский автор, прекрасно зная психологию ребёнка, сформулировал универсальное правило для всех, кто работает с детьми на самых разных параллелях и вертикалях: будь то писатель, или учитель, или тренер, или воспитатель, или драматург, или актёр...

Следующие главки этой части книги называются: «С двенадцати-тринадцати лет», «С семнадцати-восемнадцати лет», «Двадцать четыре – двадцать пять лет», «Тридцать четыре – тридцать пять лет», «За пятьдесят лет». Мы не будем цитировать даже краткие фразы-афоризмы из этой части, надеясь, что заинтересованный читатель сам освоит (причем творчески освоит!) эту часть работы Дзэами Мотокиё.

Детское сердце

Из работы Ли Чжи (***второе имя Ли Чжо-у) (1527–1602)***
«Рассуждение о детском сердце»

«...А ведь детское сердце – это душевная искренность. Если ты не в состоянии поступить по велению детского сердца, то будешь не в состоянии проявить и душевную искренность. Ведь тот, кто сохраняет детское сердце, стремится исключительно к чистоте и искренности, высказывает ту изначальную мысль, которая отражает самую суть души. Кто утрачивает детское сердце, тот утрачивает душевную искренность. С утратой душевной искренности человек утрачивает самого себя. Если же человек утрачивает самого себя, то уже никогда не сможет вернуться к своему изначальному состоянию. Детство воплощает изначальное в человеке, детское сердце воплощает изначальное в душе человеческой!

Выходит, детское сердце утрачивается вдруг, внезапно?

Ведь с самого начала жизни человека через уши и глаза в него входит всё, что только можно услышать и увидеть. Это услышанное и увиденное становится главенствующим внутри человека. Детское же сердце тем самым утрачивается.

С возмужанием человек вбирает в себя услышанное и увиденное конфуцианское учение, и оно становится главенствующим внутри человека. Детское же сердце тем самым утрачивается...

Ведь услышанное и увиденное конфуцианское учение приживается человеку через обильное чтение книг, через усвоение долга.

Но разве мудрецы древности не читали книг?! Да, читали, но не отдавались чтению безрассудно, и у них прочно сохранялось детское сердце...

Ведь те, чьё сердце заполнило услышанное и увиденное конфуцианское учение, изрекают только его, но не то, что идёт от детского сердца. Пусть отшлифованы их речи, но что в них проку! Ведь и речи, и дела, и писания их так же фальшивы, как фальшивы они сами! А раз сами фальшивы, фальшиво всё. Так фальшивые речи, фальшивые дела и фальшивые писания обращают к фальшивым же людям, а те и довольны. Коль скоро все фальшивы, то все и довольны. Когда везде и всюду царит фальшь, где уж тут разобраться простому человеку, что есть истина, а что – ложь? Появись в Поднебесной подлинное сочинение, и оно будет тотчас же уничтожено фальшивыми людьми и не дойдёт до потомков. А мало ли было и есть таких сочинений! Отчего же происходит такое? Да оттого, что всякое подлинное сочинение исходит из глубины детского сердца. И если бы не утрачивали люди детское сердце, то не имело бы хождение конфуцианское учение...» (Литература Востока в Средние века. Тексты. Под редакцией Н.М. Сазоновой. М., 1996. С. 390–391).

Прав или не прав Ли Чжи?

На мой взгляд, Ли Чжи допустил серьёзную ошибку, взяв за основу рассуждений и умозаключений одинаковость всех

детских сердец: «детское сердце – это душевная искренность». Но ведь это не так!

Я часто повторяю: есть люди, которые рождаются детьми, становятся юношами, оставаясь детьми, взрослеют и мужают, оставаясь детьми, стареют, оставаясь детьми. Есть люди, которые рождаются юношами, взрослыми, старцами. Конечно же, это – идеальная, а значит, в природе не существующая схема. В жизни всё гораздо сложнее. Каждый человек в момент рождения, а то и в момент зачатия приобретает в качестве безвозмездного дара все четыре качества: ребёнка, юноши, взрослого, старца, но, как правило, одно из них превалирует, а то и доминирует в любом из нас.

Сократ родился ярко выраженным ребёнком. Он и цикуту выпил, оставаясь ребёнком. Платон и Аристотель родились юношами. Алкивиад – взрослым и по-взрослому упрямым. Василий Блаженный родился старцем. Очень многие из самых великих рождались детьми: иудейские Пророки, Предтечи крупнейших религий и этико-философских систем (Будда, Лао-цзы, Иисус Христос, Мухаммад и т.д.). Я не оговорился, назвав их Предтечами, потому что сами они не являлись отцами-основателями, скажем, буддизма, даосизма и даже христианства, и даже ислама: они родили Идеи, идеологию же развития этих Идей создали юноши, склонные к систематизации знаний... А пользуются созданным теми и другими взрослые дяди часто, вот что обидно, в своекорыстных целях.

Главным качеством детскости, на мой взгляд, является образно-интуитивное мышление, способность генерировать идеи, казалось бы, из ниоткуда. Об этом нужно помнить и Учителям и Ученикам. Хотя бы потому что людей с ярко выраженным, доминирующим образно-интуитивным мышлением во все века и во всех странах рождалось очень много. На Земном шаре в целом их рождалось, быть может, по пять-десять человек в столетие. За пятьдесят веков таковых было не более 500 человек! Максимум – 1000 человек. Это же капля в море. Именно поэтому их подвиги познания себя в мире, мира в себе и мироздания в целом во всей его глубине и необъятности, во

всей его бесконечной малости и бесконечной же великости поражали людей, даже очень мудрых, и часто вводили их в заблуждение.

Юноши, как сказано выше, тяготеют не просто к накоплению знаний, но к их систематизации, что часто даёт им прекрасную возможность открывать тайны мироздания.

Взрослым свойственен прагматический тип мышления. Это качества души, ума и сердца, в свою очередь, принуждает их познавать мир!

Старцы по складу характера советники.

У каждого ребёнка – своё сердце, своя душа, свой разум. Об этом нельзя забывать, рассуждая о «человеке вообще».

Глава 3. Загадка для мудрейших

Как Бог писал Тору

Всесильный велик еще и тем, что, сотворив мир, Он передал людям Слово о том, как Он творил мир, и в этом Слове, в частности, Бог изложил основополагающие идеи теории творческого процесса. А значит, любому человеку, одарённому тем или иным талантом, пытающемуся свой талант реализовать в искусстве, либо в науке, либо в любой другой сфере деятельности, необходимо осмыслить Священное писание с точки зрения теории и практики творчества. Особенно это касается тех, кто в своих произведениях создает ребёнка и детей.

Вспомним, с чего начиналась Книга Книг.

Что было в начале?

Книга Брейшит, первая книга Пятикнижия Моисея, начинается со слов:

«В начале сотворения Всесильным неба и земли, когда земля была пуста и нестройна, и тьма над бездною, а дух Всесильного парил над водою, сказал Всесильный: «Да будет свет» и стал свет, и увидел Всесильный, что он хорош, и отделил Всесильный свет от тьмы, и назвал Всесильный свет днём, а тьму назвал ночью, и был

вечер, и было утро: день один». (Пятикнижие и Гафтарот. Ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием «Сочино». М., 1999, Иерусалим, 5759. «Гешарим». С. 1–2).

Книга «Бытие» начинается так:

1. В начале сотворил Бог небо и землю.

2. Земля же была безвидна и пуста и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

3. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

4. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.

5. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один». (Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхаго и Новаго Завета. С иллюстрациями. Издание преемников А.П. Лопухина. Петербург. 1904–1913. 1. Бытие – Притчи Соломона. С. 3–5).

Обратим внимание читателя на следующую логическую цепочку. Господь Бог сначала сказал: «Да будет свет», затем увидел Он, что свет (результат Его труда) хорош, и только после этого Бог отделил свет от тьмы и «назвал свет днём». А это значит, что Бог сомневался! Если бы Он не был, несмотря на свою всесильность, сомневающимся, то Он сразу же сказал бы: «Да будет свет, который хорош, который Я отделяю от тьмы и называю днём». Мы не случайно привели в первом случае перевод Священного писания современных израильских учёных непосредственно с иврита, во втором – более ранний перевод русских специалистов с Септуагинты, то есть с древнегреческого языка. Нам важно, что и в том, и в другом случаях есть фраза «и увидел Всесильный, что он хорош», которая убеждает, во всяком случае, автора данных строк, в том, что Бог есть Творец сомневающийся.

Даже Бог!

А значит, и все люди, сотворённые Им по образцу и подобию Своему, просто обязаны быть сомневающимися, особенно те люди, кого Бог одарил талантом. Написал, например, рассказ, или стихотворение, или философское произведение, сотворил свой маленький мир, а затем посмотри на него, убедись в том,

что он действительно хорош, а уж затем называй его по достоинствам его: произведением либо зря исписанным листом бумаги, которому одна дорога – в огонь. Так поступал даже сам Бог, Всесильный и Всемогущий в Пространстве и во Времени! Так он сотворил мир!

На наш взгляд, подобный подход к делу является, если так можно сказать, ядро образующим, формирующим творческое кредо любого талантливому человека. Это – главное в творческом процессе. Без этого невозможно создать сколько-нибудь значимое произведение в любой сфере деятельности...

Яйцо или курица?

Не так уж и просто разобраться в том, что же было в начале: некий теоретический посыл, либо эмоциональный взрыв, либо банальная необходимость, давшие человеку определяющие идеи творческого процесса, а затем само сочинительство, либо сначала было дело, а уж потом слово о нём, то есть сначала было сочинено первое художественное произведение, а затем люди стали анализировать его, вырабатывать каноны, то есть создавать науку о литературном творчестве...

Искушенные в эмпиризме люди могут возразить: «Чепуху Вы городите! История Мировой цивилизации во всех её составляющих убедительно доказывает, что в начале было дело, а уж потом его осмысление, теоретизирование, то есть болтология. Теоретизировать можно только в том случае, если есть опыт».

С этим возражением очень сложно не согласиться.

Но *в самом начале, в начале начал*, когда «земля была пуста и нестройна, и тьма над бездною, а дух Всесильного парил над водою», опыта-то никакого не было! Более того, до этого начала начал была вечность, вечная бесконечность, был только Бог, которому обиталось в этой бесконечной вечности до какого-то момента хорошо, коль скоро Он не решался сотворить мир. И вдруг Ему захотелось заняться творчеством, и Он, творя мир, стал действовать, хоть и эмпирическим путем, хоть и постоянно сомневаясь (словосочетание «и увидел Всесильный,

что он хорош, и...» довольно часто повторяется в описании Сотворении мира), безукоризненно логично. Логика Сотворения мира проявляется в том, что все последующие акты творения невозможны без предыдущих актов творения. Предыдущее для последующего. Рождение человека является апофеозом творения Всесильного. Все предыдущие творения – для человека.

О Боге и о Сотворении мира можно было бы не говорить в контексте данной темы, если бы не одно важное, уже заявленное нами качество Бога-Творца – его сомневаемости! Зная, что Он все знает наперёд, Бог, тем не менее, сомневается, проверяет свое творение, хорошо ли оно.

Вот загадка Бога!

Зная, что все будет хорошо, испытав некое самовоздействие, о котором почему-то ничего не говорится в Священном писании, Бог сотворил по строго логичной схеме мир, при этом сомневаясь после каждого акта творения.

Какое же самовоздействие испытал Бог?

Теоретический посыл?

Эмоциональный взрыв?

А может быть, усталость от вечной бесконечности, бесконечно равнодушной?

А может быть, скука раззадорила Его?

Почему Бог сотворил мир, проявив при этом Божественную логику, Божественную смелость, интуицию?

Интуиция

Впрочем, по отношению к Богу слово «интуиция» применять вряд ли возможно по причине всё той же бесконечности Всесильного во всех измерениях.

Человек получил от Создателя право на интуицию потому, что, имея слишком уж ограниченные возможности в пространственно-временном поле, он, человек, тем не менее, является, по задумке Творца, Его образцом и подобием, Его крохотной, хоть и не бесконечно малой частицей.

Интуиция – самый главный дар человеку от Бога.

Интуиция сделала человека существом социальным.

Интуиция, как доминантная составляющая человеческой сущности, ведаёт всеми главными его делами и творениями.

Человек влюбляется интуитивно.

Познаёт мир, используя интуицию.

Создаёт гениальные произведения интуитивно.

Причиной интуиции является Бог.

А значит, причиной любого созданного человеком произведения является Бог. Но коль скоро мы не можем ответить на вопрос, почему Бог сотворил мир, то, строго говоря, мы не можем дать всеобъемлющий ответ на вопрос, что же является причиной интуиции человека, то есть причиной причин. А без этого нельзя с математической точностью ответить на вопрос, что же первично в творчестве: теория или практика.

Звучит несколько странно для человека. Но для Бога, не открывающего людям тайну Сотворения мира, странного не существует...

Евангелие от Иоанна

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

2. Оно было в начале у Бога:

3. всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.

4. В Нём была жизнь, и жизнь была свет человека.

5. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

6. Был человек, посланный от Бога, имя ему Иоанн;

7. Он пришёл для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него;

8. он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете.

9. Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир.

10. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал;

11. пришёл ко своим, и свои Его не приняли;

12. а тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими,

13. которые не от крови, не от хотения плоти, ни хотения мужа, но от Бога родились.

14. И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истине; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от отца». (Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа и Псалтирь. В русском переводе. СПб. Синодальная типография, 1890. С. 295)».

Так начинается Евангелие от Иоанна. <...> Все авторы книг Священного писания опирались на Бога, как на причину причин, как на начало начал. Бог абсолютно добр и мудр. И доброта Его, и мудрость Его Сотворила мир и человека в мире, человека, который, получив от Всевышнего интуицию, как первопричину всего человеческого, в том числе и первопричину его, человека, тяготения к творчеству, должен исходить в своём осмыслении творчества и жизни в целом, как к Божественной эманации, причиной которой является Бог.

И всё. И вся теория творчества заложена в этой Божественной истине. А значит, любому писателю, мыслителю нужно, исследуя проблемы теории и практики творчества, быть к ближе к Богу, к его эманурующей добро и мудрость сути. А значит... нужно забросить все попытки разобраться в первопричинах творчества и пойти к Богу, то есть к тем авторам Священного писания, творчество которых (от Моисея к Пророкам и дальше к авторам евангелий), по общепринятым мнениям, явилось актом передачи идей и мыслей от Бога через авторов к людям.

Читайте книги Священного писания и радуйтесь, о люди, творчески одарённые и беспокойные в своей одарённости, в своих желаниях... пробраться в тайники первопричин! Казалось бы, так!

Загадка

Но почему же даже мудрейшие из мудрейших не довольствовались этим, искали и ищут тайны творчества, почему же они не могут радоваться самому процессу творчества, почему почти (почти!) все мастера искусств, особенно писатели и

философы, уделяли и уделяют этой проблеме так много энергии и времени?

Почему они несколько тысячелетий кряду пишут трактаты о творчестве, либо наполняют свои произведения мыслями о творчестве, пытаясь при этом убедить читателей в правоте собственных взглядов на проблемы творчества?

Почему так происходит?

Потому что дарованная человеку в дар от Бога интуиция не даёт ему покоя. Интуиция – это связь ограниченного в своих возможностях существа разумного с вечностью во всех её измерениях. Это причина постоянного, вечного неудовольствия своими знаниями. Это – «человеческое, слишком человеческое», «человечкина душа».

Есть и еще одна причина этого явления: Богом дарованная людям тяга к педагогической деятельности. Человеку свойственно быть учителем. У творчески одарённого человека это качество развито очень хорошо, иной раз даже гипертрофированно хорошо со всеми вытекающими отсюда последствиями. Человек не может не учить человека.

Чтобы обосновать это утверждения, мне пришлось написать книгу «Педагогика гениев» (Мировая история творческого диполя «Учитель – Ученик»). Получилось что-то 130 а.л. (Третье тысячелетие до н.э. – XVIII в. н.э.). Уверяю читателя, что я не просто обосновал эти утверждения, но с математической строгостью доказал их состоятельность. (*Сайт писателя Александра Торопцева. Вход бесплатный – выход по желанию*).

Чем же принципиально должна отличаться строка писателей XXI века?

Огюст Ренуар

«Каждый поёт свою песню, если у него есть голос. Когда я говорю, что писать учатся в Лувре, я не имею в виду, что нужно сцарапывать лак с картин, чтобы разгадать их секреты, и начать заново делать то, что делали Рубенс или Рафаэль. Нужно делать живопись своего времени. Но именно там, в

музее, получаешь вкус к живописи, который одна природа не может дать».

(Огюст Ренуар (1841–1919). Из бесед, записанных художником Альбером Андре. В книге: Мастера искусств об искусстве. Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов. В четырёх томах. Под общей редакцией Б. Терновца и Д. Аркина. Том III. Под редакцией Терновца. С. 203. Государственное издательство «Искусство». М.-Л., 1939).

Микеланджело

«При виде молодых художников, копировавших в Сикстинской капелле фреску Страшного суда, Микеланджело сказал: “Сколько это моё искусство сделает дураками!”»

(Мастера искусств об искусстве. Том. I, Москва – Ленинград, 1937. С. 204).

Софокл и Еврипид

«Если почитается не сама истина, а то, что должно быть на неё похоже, то Софокл и сам сказал, что он изображает людей такими, какими они должны быть, Еврипид же – какие они есть. Из “Поэтики” Аристотеля».

(Софокл. Драмы. В пер. Ф.Ф. Зелинского. М., 1990. С. 448).

Но чем же принципиально должна отличаться строка писателей XXI века?

Чем же?

– Принципиально – ничем!!! Потому что:

- Все шедевры мировой литературы в предыдущие пять тысяч лет 1) были историологичными. В связи с этим я даже рискнул составить Мировую историю, используя только литературные, ещё, конечно же, и философские,

и военные и т.д. произведения. 2) отражали особенности пространственно-временного ареала, в котором их посеяла жизнь, 3) исследовали на художественном уровне человека (в том числе и человека невзрослого возраста), общества, государства, 4) работали в тех типах мышления, которые в конкретном пространственно-временном интервале либо превалировали, либо доминировали... Менялись краски мира – пейзажные, психологические, социальные... – менялись средства и способы их отражения в строке. Казалось бы, несложная задача. Об этом, в частности, говорил и Ренуар, и многие, многие другие гении искусства и литературы, начиная с Древнего мира.

Но почитайте современные детские книги – много ли там этого, Временем рождённого?

- Двадцать первый век не изменил и не изменит ЧЕЛОВЕКА. («Каким он был, таким он и остался». И останется).
- Меняются внешние составляющие жизни. Сильно меняются. Но такое неоднократно уже случалось в истории людей. А человек остался!
- Эти внешние составляющие, конечно же, преобразуют жизнь, но не её сущность.
- Лучшие писатели всех времён и стран видели и видят, понимали и понимают, чувствовали и чувствуют эти внешние составляющие жизни.
- Русскоязычное человечество обладало всегда, обладает и будет обладать доминирующим образно-интуитивным мышлением. И писатели, устремлённые в XXI век, должны не забывать об этом и постоянно настраивать себя на поиск новых образов и интуитивных прорывов нового мира.
- И, конечно же, они не должны забывать о пейзажной лирике, без которой русскому писателю один путь – в никуда. Между прочим, там, в русской природе, есть ВСЁ, что называется жизнью, философией жизни и даже

СТРАДАНИЕМ, без которого любому писателю тот же самый путь – в никуда.

- И только в этом случае им не помешают, а помогут, начитанность и постоянное литературное самообразование.

А что ещё надо русскому писателю для творческого счастья?! – Ничего.